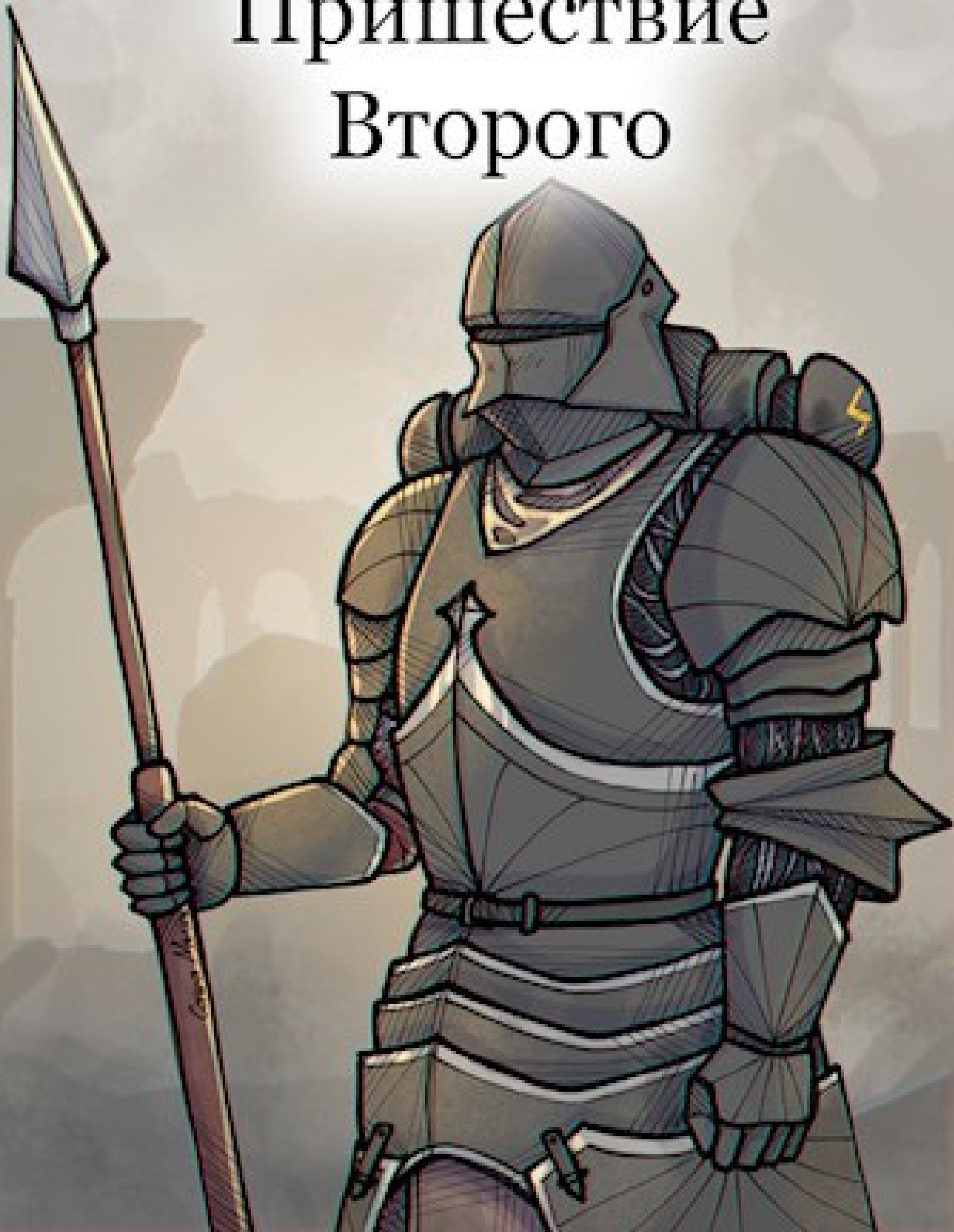

Пришествие Второго

Annotation

Примарх Второго легиона борется за власть на феодальном мире. Ему предстоит смертельная битва не только с врагами человечества, но и с мрачным наследием Долгой Ночи.

Падение кометы

Двести десять лет до предательства на Истваане-3

Это время легенд. Огромные воинства Императора покоряют Галактику в ходе Великого Крестового Похода. Мириады чуждых рас будут сокрушены лучшими воинами зарождающегося Имперума и стёрты из книги истории. Мраморные цитадели предвещают славные победы человечества. В стали, меди и золоте они прославляют легендарные свершения могучих и смертоносных героев.

Первейшие и главнейшие из них — примархи, сверхлюди, под чьим командованием легионы космодесантников несут пламя Имперских Истин в холодную тьму космоса. Они свирепы и возвышены, они — шедевр генетических экспериментов Императора.

Так сказано в летописях, но ни одна из них не отвечает на вопрос — когда, под небом какого мира воцарился Второй примарх.

Второй примарх должен был умереть в тот момент, когда спасательная капсула пробилась воздух над Рамирским ущельем и с мощью кузнечного молота ударила в гору. Эхо громового раската заметалось между стен каньона. Звуковая волна привела в движение холодные глыбы, и снежная лавина потекла вниз, издавая тектонический гул.

Безымянный повернулся к тому, что сумело пережить крушение. Обломки выглядели как разбитая пополам сфера. Её переполняла искрящая электроника невообразимой сложности. Двигатели зияли пастями дюз, перекрученными от жара первого и последнего включения. Посередине техногенного месива располагался цилиндр с мутным гелем.

Примарх отломал вокс-антенну и заточил её об термозащитный кожух. Вскоре он стал хозяином дикарского копыя. Вооружившись, мальчик пошёл на свет. Босые ноги тихо шлёпали по камню. Зев шахты, пробитой рукотворным метеоритом, раскрывался на отвесном склоне. Мутный поток бежал среди хаотического перелома скал. На таком расстоянии он казался тонкой струйкой, но сверхчеловеческое зрение без труда соизмеряло масштабы зрелища. Не ручей, а циклопическая река несла кипящие воды по гранитному руслу. Она с лёгкостью волочила отроги размером с жилой блок города-улья.

Два огненных шара висели в индиговом небе. Первое солнце горело нестерпимой белизной. Второе, распухшее от бесконечно долгой жизни, лениво мерцало тускло-винным светом. Величественный хребет выглядел так, словно кора планеты стала на дыбы. Пики царапали стратосферу, и вокруг них бушевали воронки электромагнитных штормов.

Сухая выюга надувала облака пугающей формы. Они сплетались в глифы, значение которых ускользало от рационального понимания. Каждый выдох повисал облачком пара. Здешней погоде хватило бы нескольких секунд, чтобы заковать простого человека в гибельные объятия мороза. Впрочем, пришелец едва ли относился к племени людей, хотя и был их далёким потомком.

«Это дряхлый мир», — заключил Безымянный.

Раздался влажный перестук, мало похожий на голос неживой природы. Существа, подобные Второму, не умели чувствовать страх. Ощущение скрытой угрозы моментально преобразовалось в любопытство, а то перетекло в охотничий азарт.

Когда ветер дует в одну сторону десятки тысяч лет, поднятые им песчинки работают как миниатюрные снаряды. Они высекают из камня странные фигуры, отдалённо напоминающие сфинксов. Кожистая тварь влезла на спину химеры. Она цеплялась когтями на крыльях-перепонках и бодро переставляла задними лапами. Длинный клюв с мелкими зубами смердел от гнили.

Динодон приближался, по-птичьи склонив голову. Примарх стоял лицом к лицу со зверем и грозил ему острой палкой, словно первобытный гоминид. Он спокойно изучал противника, ведь в бою побеждает тот, кто совершил на один промах меньше.

— Давай! — крикнул мальчик.

Аждархид ринулся вперёд. Примарх ушёл на пережат. Голова птерозавра изогнулась на змеиной шее, пройдя на волоске от плеча. Ребёнок подхватил камень и швырнул его с такой силой, что услышал хруст ломающейся кости. Слеплённый зверь махнул передней лапой. Выпад рассёк воздух.

Заимев преимущество, Безымянный ринулся в атаку. Прыгнув, как не способен прыгать смертный, он взмыл к отвесному порогу и схватил небольшой карниз. Под ногами бесновался живой дракон. Чудовище расправило крылья и показало грудную клетку. Этого мгновения хватило, чтобы метнуть копьё.

Наконечник пробил тонкие рёбра. Аждархид издал пронзительный визг. Делая тяжёлые взмахи, он разорвал

дистанцию и попытался набрать высоту. Его сердце остановилось на пике агонального полёта, и громадная туша рухнула в пропасть. Мальчик проводил зверя недовольным взглядом и тяжело вздохнул.

Он мог бы смастерить ещё одно копьё, но оно выйдет бездушным. Настоящее оружие, отмеченное кровью и торжеством победы, скрылось где-то в долине.

«Нужно вернуть его», — решил юный примарх и начал осторожный спуск.

— И где этот коновал?! — заорал полковник Джереми Картер, оглядывая строй солдат.

Начищенные эполеты блестели на утренних солнцах. Полнокровное лицо старого вояки заметно контрастировало с униформой серого цвета. Пушистые усы белели в тени широкополой шляпы. Грузное телосложение и небольшой рост делали Картера похожим на мячик, наполненный желчью и нетерпением. Он разгуливал по вошёнй палубе «Хьюи», эскадренного броненосца первого ранга. Долгое плавание через Штормовой Океан изрядно попортило его взрывной характер, но шестое чувство подсказывало: испытания только начинаются.

Гермодверь медленно отворилась. Наружу выглянул широкоплечий мужчина, казавшийся немного младше своих тридцати терранских лет. Тонированные очки-авиаторы защищали глаза от ярких солнц и пристальных взглядов. Армейская стрижка выдавала в нём человека, более озабоченного удобством, чем внешним видом. На плече висела кожаная сумка с нашивкой в виде змеи, оплетающей кадуцей. У сгиба локтя располагалась повязка с красным крестом.

Хирургeon поднял руку, намереваясь козырнуть. Потом он вспомнил, что забыл кепи в шкафу, и ударил кулаком по груди в знак древнего воинского салюта.

— Явился по вашему приказанью, сэр! — браво доложил он.

— Является демон из Варпа, а солдат приходит, — кисло проворчал военный.

— Тогда пришёл.

— Приходит повестка из армии, а солдат..., — Картер осёкся, побагровел ещё сильнее, и рубанул воздух ребром ладони. — Заткнись, Флеминг!

Медик оскалился. Здешнее пекло не имело ничего общего с мягким зноем Пасаденских прерий. Он него плавился каучук, раскалялось железо и медленно выкипали мозги.

— Может, пропустим по стаканчику сиропа из коки?

— Некогда, — посетовал смягчившийся полковник. — Чтоб мы не скучали на этой посудине, союзники придумали нам задание. Видишь тех умников? Вон там, на лётной площадке?

Лоренц Флеминг посмотрел в том направлении. Его взгляд моментально распознал винтокрыл, издававший электрический гул. Старинный аппарат неуловимо напоминал стрекозу. На фюзеляже виднелся бараний череп в окружении семи звёзд, нарисованный водостойкими красками. Слева от герба Пасаденской Конфедерации зеленел стилизованный глобус и литеры «U. N. E.». Чаще всего их расшифровывали как «Объединённые Нации Земли».

Фонарь кабины продолжался в блок авгуров. Солнечные батареи намекали, что флаер когда-то был рабочей лошадкой в одной из первых научных экспедиций. Теперь из пассажирского салона выглядывал тяжёлый стаббер на лафете. Под закрылками чернели зажигательные ракеты.

Техножрецы в рясах цвета охры суетились вокруг аппарата. Кибердьяконы заунывно тянули мессу пробуждения. Послушники размахивали кадильницами с ладаном, стараясь попадать в такт пению. Их многорукий предводитель колдовал над несущей втулкой винта.

«Находчивый» был слишком ценным, дабы отправлять его на боевые вылеты. Древние люди заложили в него большой запас прочности, но секреты производства многих деталей уже безвозвратно забылись. Произошло что-то необычное. Что-то, способное пересилить врождённую бережливость марсиан и жадность конфедератов.

— Даже интересно, ради кого мы будем лезть под пули?

— Его зовут Мартин Шпиц-Эстерлен, — нехотя пояснил офицер. — Вельможа Кронштайнской Ландмарки. То ли граф, то ли герцог, я их не различаю. Знаешь такого?

— Вчера виделись, — серьёзно кивнул доктор.

— А ты шутник, я погляжу. Он хочет, чтобы мы прилетели в кишляк Яргулём, нашли там какого-то ризничего и доставили его на трибунал. Работа — не бей лежачего, возни на пару часов.

Флеминг скривил мину.

— А что же его светлость не хочет сам прогуляться по Вадистану? У него есть квесторский доспех и миллион ополченцев.

— Потому что его крестовый поход уже полгода месит грязь под стенами Аны-Юрт. Ты сам видел, как хорошо там окопались дикари. Выбить их оттуда будет ой как непросто, даже с прикрытием шагоходов и такой огромной армией.

— А как же мортиры от Коллегии Механикум, которыми нам прожужжали все уши? — едко поддел Флеминг.

— Ты про «Эльзы» со стволами размером с колокольню? Спору нет, по ушам они бьют знатно. Оказалось, что марсиане разучились их чинить, поэтому суперартиллерию берегут на крайний случай.

Доктор непонимающе развёл руками.

— Оружие возмездия, из которого нельзя палить. Квесторы, нужные, чтобы стоять в части и шикарно выглядеть. Это не война, а какой-то балаган. Что мы здесь, вообще, забыли?

— Наша страна поддержала дом Шварцштайн, — с неожиданной терпеливостью напомнил Картер, — так что мы должны выполнять приказы, хорошо кушать кашу и не паясничать. Сказано лететь — значит, летим.

Переспорить вояку было невозможно и в другие, более цивилизованные времена. Флеминг отправился на поиски шлема. То, что в понимании командира выглядело безобидным поручением, на деле заключалось в полёте над условно-враждебной территорией. Разведка докладывала, что галдящие орды Вадистанского Вилаята обходили Яргулём десятой дорогой.

Если решение этой загадки и существовало, то искать его следовало в окрестностях кишлака.

Электродвигатель набрал обороты. Броненосец остался далеко внизу. Теперь он напоминал черепаху с покатым панцирем, утыканным орудийными башенками. Хирург сидел в десантном отсеке, свесив ноги в пропасть. Рядом расположился Картер с морпехами. Медику доводилось летать на дирижаблях, но медленные воздушные корабли не шли ни в какое сравнение с юрким винтокрылом.

Показалось каменистое взморье, блестящие волны залива и пароходы на рейде. Наполовину погружённые мониторы прикрывали транспортные суда с гребными колёсами по бортам. Вокруг них суетились бесчисленные картера сопровождения, парусные фрегаты и шхуны.

Волны разбивались о бесконечную полосу галечных пляжей. Цепочка руин выростала из опаленной земли, переходя в курганы мусора. По их виду не получалось даже вообразить, как выглядел город до того, как его стёрли в порошок.

— Пока мы плыли, флот разносил это место артиллерией семь дней подряд! — восхищённо рассказал полковник, стараясь перекричать ревущую турбину.

— Корабли не плавают, а ходят, — придрался доктор.

— А мне всё равно. Я служу в Воздушной Кавалерии, а не на флоте!

Отряд направлялся прочь от воды, в страну высоких гор и бездонных провалов. Она выглядела так, словно горизонт выгнули под прямым углом и оставили в неудобном положении.

Яргулём располагался на снежном перевале, где загадочные силы разрывали кору планеты. За ним начиналось Рамирское ущелье. По дну каньона струился Гяндж, вымывая бесценные минералы из недр земли. Его воды шипели от растворённых кислот. Отравленные испарения курились над потоком, обещая смерть каждому, кому хватит ума вдохнуть их.

Отдых — любимое занятие людей. Для этой цели возводились глинобитные хижинки. Их нагромождения звали кишлаками. Человеческие жилища медленно изводили деревья. Тощие овцы лизали камни, старательно уничтожая любые намёки на растительность. На месте бывших лесов волновались поля мака. Они приносили хоть какой-то смысл в тяжкое существование аборигенов, но не давали ни прохлады, ни тени.

На многие мили простирались безжизненные скалы. Когда за очередным поворотом являлось крошечное селение, Флеминг невольно умилялся человеческим фигуркам. Бородатый люд работал на подворьях с кетменями, возле канabisных плантаций, а порой — и зенитных установок.

Эхо разнесло хриплое карканье автопушки. Вертолёт рванул в сторону. Поток трассирующих снарядов рассёк воздух. Бортовой стрелок выругался и дал очередь по ближайшим домам. Саманные постройки рассыпались в труху. Нападение закончилось так же внезапно, как и началось.

Картер хлопнул Флеминга по плечу.

— Сними каску с головы и сядь на неё.

— Зачем? — удивился медик.

Офицер ухмыльнулся.

— Крупнокалиберные пули насквозь прошивают корпус. Хорошо, если сразу помрёшь, а то можно без яиц остаться!

Хирург спешно последовал совету.

Река делила оккупационную зону на две неравные части. По правому берегу, бывшим владениям Таш-Джарганского Султаната, тянулась мощёная дорога. Её проложили в незапамятные времена коллективного энтузиазма. На территории самопровозглашённого вилаята Вадистан таких порывов никогда не случалось.

Гяндж мало подходил для судоходства. Старинное шоссе было единственной транспортной магистралью во всём регионе, если не считать козы тропы и секретные проходы в скалах. Контроль над подобным реликтом значил богатство, власть и невероятную мобильность. Главное развлечение местных банд состояло в междоусобицах за череду блокпостов. С недавних пор к соревнованию подключились рыцарские дома.

На эти землях правила нищета. Одной из немногих стабильных валют были наркотики. Совсем недавно местные жители представляли собой множество народцев, отличавшихся друг от друга языком, верой и культурой. Сейчас разница стёрлась. Отныне все, кто не ходили под семью звёздами Конфедерации или чёрным коршуном Ландмарки, делились на тихих и буйных.

Зараза буйства, любовно вскормленная на политических аренах Таш-Джаргана, просочилась в эти края несколько лет назад. Её разносили бесноватые дервиши, свирепые проповедники и вооружённые до зубов демагоги. Их жестокая вера в Богов Хаоса легла на вековой комплекс неполноценности, перемешанный с идеей собственного превосходства. Этот коктейль взаимоисключающих убеждений стал горючим, на котором вспыхнул пожар народно-террористической войны.

Здесь активничали варбанды самых разных сортов. Кому-то просто не повезло родиться в настолько сумасшедшем краю. Этот контингент охотно шёл на контакт с экспедиционными войсками, надеясь выслужиться перед белыми людьми и попасть в более-менее цивилизованную страну. Настоящие враги бежали в горы после кровопролитных боёв на границе Дикого Поля, спасаясь от яростного возмездия паладинских командорий. Они прорывались через Далай-Хумбс к дружественному Султанату. Там их ждали караван-сарай, тренировочные лагеря и всяческая поддержка многоопытных братьев по вере.

С недобитками охотно союзничали кланы техноварваров. Дикари спускались с гор, и тут же попадали в обработку апостолов Колючей Звезды. На выходе получались орды культистов с полным безразличием к смерти, фанатичной верой в Хаос и жадой крови. Вместе с ручьями они стекались в долину Гянджа, переходили границу и прилагали все силы к порабощению кишлаков. Перед ними открывалась заманчивая перспектива использовать Вадистан как плацдарм для налётов на вассальные государства Кронштайна.

Разумеется, этот плавильный котёл не сильно радовал курфюрстов приграничных земель. Шварцштайным княжеством правил некий Андреас Шпиц-Эстерлен, особа легендарная и таинственная. Говорили, он мог проследить свой род от первых колонистов, сошедших с ковчега «Новый Идон» пятнадцать тысяч лет назад. Для Флеминга оставалось загадкой, отчего же такой человек отправил на войну старшего наследника, а сам предпочёл отсиживаться в пряничном бюроге.

С воздуха Яргулём выглядел как скопление бесформенных построек, теснившихся в разломе гор, словно грибы на трухлявом пне. Трубы мерно выдыхали померанцевый газ. Огни мерцали на кончиках вокс-спиелей, а рядом с ними проскакивали трескучие разряды от генераторов Теслы. Артиллерийские батареи цеплялись за камень. Их счетверённые стволы поворачивались на лафетах, наблюдая за конфедератским вертолётом.

Единственная тропинка змеилась по склонам. Рокритовые башни прикрывали каждый поворот. Двигаться по такому серпантину — жестокое испытание. Штурмовать Яргулём — суровая пытка, ведь природная крепость могла держать осаду на протяжении долгих месяцев. Впрочем, такая необходимость уже давно отпала.

«Находчивый» подлетел ближе, и стали видны мотки колючей проволоки, стабберные гнёзда и прочие шедевры современной фортификации. На высоком древке реяло весьма лаконичное знамя, изображавшее череп в обрамлении шестерни.

Раб из числа местных выбежал на посадочную площадку. Он размахивал факелом с неестественно ярким пламенем. Судя по всему, тряпку пропитали какой-то алхимической дрянью, раз огонь было видно даже на солнцах. Полозья стали на землю. Десантники выскочили как по сигналу. Флеминг последовал за ними — и тут же оказался под прицелом электромушкета.

«Откуда вылезли эти поганые скитарии?» — подумал хирург, глядя на забрало киборга. Т-образный визор пульсировал неонами, придавая существу немного сюрреалистичный вид.

— Требование: сложить огнестрельное оружие, поднять верхние конечности и отойти от летательного аппарата! — проскрежетал альфа отряда. Он отличался от собратьев армированным доспехом и красным гребнем, укреплённым на шлеме.

Полковник вразвалку прошёл вперёд и сдвинул шляпу на затылок.

— Ты что-то путаешь, жестянка. Мы здесь по приказу герцога Шварцштайнского!

— Заявление: среди хранителей Чернокаменной твердыни аристократов данного титула не числится.

— Тогда графа. Коллегия Механикум не имеет права задерживать колониальные силы Пасадены!

— Поправка, бравый полковник, — прозвучал насмешливый голос. — Мы — дети Марса и можем делать всё, что захотим.

Возле ангарных ворот появилась молодая женщина, одетая в мантию из вулканизированной резины. Верхнюю часть лица закрывала титановая полумаска с двумя рубиновыми линзами. Под ней блуждала самодовольная улыбка, открывая белоснежные зубы. Тугая коса доходила до голенищ кованых сапог. Над узкими плечами техножрицы поднимались ремесленные механодендриты. Две биологические руки держали секиру с плазменной горелкой. Три манипулятора заканчивались начищенными стволами.

— Я — магос-эксплорис Эсса фон Хагенау. Вели своим солдатикам бросать карабины и маршировать по

камерам, пока вы не натворили глупостей.

— Я должен отыскать ризничего и доставить его на суд! — заупрямился Картер.

Эсса повела головой.

— Не выйдет. Шарлей де Тревиш сильно занят.

Флеминг склонился над ухом вояки.

— Нас превосходят числом. Не время показывать характер, Джереми.

Полковник дёрнулся. Магос ударила древком по камню.

— Удивительно разумные слова, герр доктор. Сразу видно, вы приближены к начальствующему составу.

— Мистер Флеминг у нас на особенном положении, — пояснил Картер. — В последнее время он считает себя очень большой цацей.

Хирургeon пожал плечами. Он достал из кобуры семизарядный револьвер и протянул Эссе. Та ловко забрала пистолет и моментально спрятала в разгрузке.

— За мной, — велела она. — Ты не представляешь, во что ввязался.

Скитарии расступились. Магос быстро шагала ко входу в подземелья.

— Лоренц! — рявкнул полковник.

Флеминг обернулся.

— Я не буду спасать твою задницу. Даже пальцем не шевельну!

Нестерпимое сияние люминофоров отгоняло темноту. В слепой зоне обнаружились механические твари с руками, заменёнными на клинки весьма угрожающего вида. Ржаволовчие ползали по лабиринту свай и балок, вызывая неприятные ассоциации с клещами.

В руках девушки сверкнули браслеты на цепочке.

— В одиночку тебе не справиться ни со мной, ни с техноассасинами, — зловеще предупредила она. — Но если ты решишься попробовать, то умоляю: скажи об этом сразу. Я закую тебя в кандалы, и мы не будем тратить время друг друга.

— Даже в мыслях не было. Для меня загадка, что тут происходит.

Эсса приблизилась вплотную. От неё исходила смесь ароматов машинного масла, прометия и дорогого парфюма из лепестков сирени.

— Загадок в последнее время стало через чур много. Я хочу знать, кто ты: ответ на мои вопросы или новая проблема.

— Тебе решать, — в тон ей ответил доктор.

Атмосфера недомолвок пропитывала базу Механикум. Ложь, тайны и подковёрные игры всегда отличали Коллегию от прочих организаций такого рода. Знающие люди старались держаться подальше от адептов с калькулятором в голове и батареей вместо сердца.

Магос порывисто развернулась, меняя направление.

— Похоже, ты восприняла мои слова слишком буквально. Куда мы идём?

— Ко мне.

Лоренц присвистнул.

— Однако стремительное начало! Я не привык, чтобы всё было так, — он помедлил, выбирая слово, — быстро.

Девушка прыснула со смеху.

— Дурак! Я редко общаюсь со смертными, так что иногда могу сказать что-то странное.

За железной дверью находилась келья, заваленная пыльными стопками книг. Судя по следам обивки, стены жилой камеры когда-то украшали деревянные панели. В углу валялась циновка. Рядом с ней мерцал переносной когитатор. На дисплее сменялись карты настоящих и выдуманных стран, заумные чертежи и математические логарифмы.

Видя недоумение Флеминга, магос решила объясниться.

— Не обращай внимания на беспорядок. Я специально отодрала все обои, до которых могла дотянуться.

— Зачем?

— Искала подслушивающие устройства.

Доктор многозначительно фыркнул.

— Очаровательно. Знаешь, у меня есть успокоительные пилюли. Они хорошо снимают манифестацию шизофрении.

— Скоро ты поймёшь, насколько тонкая грань отделяет осторожность от паранойи, — огрызнулась механикум.

Девушка заперла щеколду и преградила выход.

— А сейчас мы будем говорить начистоту. Кому ты служишь, Лоренц? Тебя ведёт не присяга, да и серая

форма — всего лишь прикрытие, не так ли?

— Если ты знаешь обо мне всё, то почему задаёшь такие вопросы?

Техножрица надула щёки, явно размышляя над вопросом.

— Логично. Наверное, мне хочется услышать чистосердечное признание, что передо мной оперативник Пасаденского Разведывательного Управления, а не простой армейский врач.

— Хоть груздем назови, только в короб не сажай! — обезоруживающе рассмеялся агент.

— Интриги, скандалы и расследования — это по твоей части. Если поможешь мне, то я сделаю так, чтобы твоих друзей отпустили.

— Что здесь творится? — надавил Флеминг.

Эсса нервно забегала по комнате.

— Мы повязаны одной верёвкой. Мой статус не менее шаткий, чем твой, — сдавлено признала она. — Я здесь пленница, хоть и сижу в золотой клетке. Шарлей де Тревиш крепко спелся с Гектором, секьютором Багряной Гвардии. Вместе они проворачивают гнусные дела, и на них нет управы.

— Но ведь ты старше по званию! — удивился доктор.

— Всего лишь археолог, способный постоять за себя. Тревиш украл мои командные протоколы, а его друг правит скитарями. Я жива только потому что не представляю для них угрозы.

Флеминг опешил.

— Разве такое возможно?

— Горько признавать, но да.

Магос щёлкнула рунами на клавиатуре. Устройство полыхнуло катодно-лучевым экраном. Картинка изображала веретено с плавниками, укреплёнными на хвостовой стороне.

— Древние люди покорили атом и создали оружие невероятной силы, — начала она. — Ракеты могли выжигать города и обращать в пар океаны. Человечеству пока не хватает знаний, чтобы расщепить уран, однако менее стабильные изотопы уже горят в реакторах Ордо Нуклеус. Вопрос времени, когда наши саванты раскроют загадки плутония. И здесь мы подходим к Рамирскому ущелью. В истоках Гянджа я нашла огромную свалку радиоактивных отходов. Ризничий собирает их, грузит на караваны, и те пропадают в неизвестном направлении.

— Так-так, — протянул раскрытый агент. — Ты хочешь сказать, что высокопоставленные клирики Механикум торгуют из-под полы археотеком?

— Боюсь что да, — кивнула Эсса.

— Ты как-то пыталась их остановить?

— Я вышла на связь с Ингваром Фредерикссоном, фабрикаторм литейных в Ард-Трольде. Геомагнитный циклон нарушил соединение, и повелитель меня не услышал. Зато сигнал перехватил Мартин Шпиц-Эстерлен. Наш благородный рыцарь задался вопросом: какого фрага марсиане заигрывают с оружием Долгой Ночи, а делиться не хотят?

— Начинаю понимать. Ризничий в ответе за это.

— Вот именно! Кавалеристы Картера — наиболее мобильный отряд. Вы за час пролетели над зоной, по которой пехота шла бы несколько недель. Маркграф направлял вас в жалкую деревню пастухов. Он знать не знал, что вместо неё вы найдёте секретный форпост Коллегии.

Флеминг сдвинул очки.

— Почему ты так смотришь на меня? — насторожилась девушка.

— Зачем ты делаешь это?

— Что?

— Предаёшь своих. Насколько я знаю ваши законы, ты уже наговорила на расстрел.

Эсса театрально заломила руки.

— Когда об этой истории прознает Гектор, то меня разжалуют, вырвут аугменты и превратят в лоботомированную служанку.

— Перспектива так себе, — согласился доктор.

Эсса притянула его за воротник, заставив наклониться.

— Ниточки здешней ереси тянутся очень высоко. Я не знаю всей правды, но вижу её очертания. Они складываются в пугающую картину. Кто-то предал нас, и предал на самом высоком уровне.

Шпион мягко отстранился.

— Твои проблемы, дорогуша. Если Конфедерация влезет во внутренние дела Механикум, то последствия ударят бумерангом по всей стране.

Техножрица неумолимо шагнула вперёд. Она подняла лицо, и стали видны два ручейка слёз, бегущих из-под маски.

— Лоренц, я так больше не могу. Просто заведи меня отсюда!

На протяжении долгих лет вопросы этики волновали Флеминга примерно в той же мере, что вымирание гигантских ленивцев. Эсса находилась в беде, была недурна собой и носила титул магоса. Последний довод сильно качнул моральные весы. Она показала, что готова делиться знаниями. Если такой человек станет работать на Конфедерацию, то родина Лоренца получит шанс выйти из экономического штопора. К тому же, следовало выяснить, кому ризничий-коммерсант продавал шлак. Ответ казался очевидным, но хирургeon зарёкся делать поспешные выводы. Каждый свидетель врёт. Друзья оборачиваются предателями, а враги на поверку оказываются хорошими людьми.

— Подумаю, что можно сделать, — расплывчато изрёк он, потирая ладони. — Где можно сполоснуть руки?

Техножрица кивнула в сторону.

— Здесь не так много дверей. Одна ведёт в коридор, значит, остаётся вторая. примени дедукцию, секретный агент. Я верю в тебя.

Флеминг потянул ручку. В нос ударила вонь гнилого мяса и ржавой стали. Хирургeon вернулся в комнату.

— Когда я жил в Лайтбери, — буднично поделился он, — то посылал своей невесте цветы через курьерскую службу, если не мог увидеться с ней из-за работы.

— Весьма ценная информация, — хмыкнула магос. — Держи меня в курсе.

— Похоже, у тебя завёлся тайный поклонник.

— Так, Лоренц! — вспыхнула Эсса. — Кончай гусарство! Я не желаю быть объектом твоих гнусных...

Эксплоратор замолкла на полуслове, едва услышав липкий запах. Одним рывком она пролетела к будуару. С кафельного пола на неё смотрела голова, утыканная черепными аугментами. Плоть раскрывалась глубокими ранами в тех местах, где стояли когнитивные блоки. Единственный биологический глаз был зашит грубой нитью. Лицо кривилось в замершем вопле. Картину дополняла восьмиконечная звезда, неряшливо нацарапанная по лобной пластине.

Хирургeon ожидал напуганного писка или рыданий, но эксплоратор сохранила внешнюю холодность.

— Это был Ахимас, мой протектор, — отрешённо пробормотала Эсса. — Последний, кто защищал меня, и кому я могла доверять. Три дня назад я велела ему проследить за Гектором.

— Он хорошо поработал, — саркастично признал агент. — Никогда бы не подумал, что марсиане склонны к подобным художествам.

— Это всё *он!* — начала девушка, яростно взмахнув руками. — Этот маньяк, этот изверг...

— Вряд ли настолько глупый, чтобы рисовать октет и выдавать себя.

— Ты уверен?

— Более чем, — серьёзно заявил Флеминг. — Очень тебя прошу: сядь на место и перестань болтать.

Магос опешила. Настал черёд Лоренца ходить по келье, словно тигр в клетке.

— Это всё пахнет очень дурной мелодрамой, — начал он, загибая пальцы. — Я не вижу запоминающихся блоков. Это сделано, чтобы ты не смогла увидеть последние воспоминания Ахимаса и выйти на след убийцы. Смысл акции понятен: тебе намекают, что не надо копать под наших воротил теневого рынка. С другой стороны, одолеть протектора намного сложнее, чем тихонько прибить девчонку-археолога. Получается, что враг или не способен дотянуться до тебя, или его цель — банальное устрашение.

— Секьютор впал в ересь! — убеждённо воскликнула техножрица.

Хирургeon изогнул бровь.

— Громкие обвинения. Это убожество, — он указал на восьмиконечную звезду, — ничего не значит. Я нарисую такое хоть столовым ножом.

— Можно не надо? — проскулила Эсса.

Флеминг выдохнул и присел рядом с ней.

— Несчастливая малышка, — вкрадчиво прошептал он, обнимая девушку за плечи. — Ты видела хаоситов только на гравюрах. Вадистанцам не хватит мозгов, чтобы устроить настолько творческую постановку. Марсиане тоже отпадают: без обид, но в чувственном плане вы слегка недоразвитые. Я допускаю, что грязную работу сделал кто-то из членов культа Машины, однако задумка явно принадлежит человеку из плоти и крови.

— Ты можешь его поймать?

Доктор поднял отключённый механодендрит и с видимым интересом покрутил наконечник сверла.

— Могу, — признал он, выдержав паузу. — Мой отдел занимается охотой на террористов и расследованием преступлений веры. Пошлости вроде глумления над трупами — это фирменный почерк дьяволистов Колючей Звезды. Их обучают в тёмных базиликах Таш-Джарганского Султаната.

Город, которого нет

Чем ниже спускался Безымянный, тем в большей мере оживал мир. Кое-где на камнях попадались пятна лишайника, а в разрывах облаков изредка показывалась настоящая земля. На гнёздах, сложенных из костей и пуха, сидели птерозавры. Рептилии тревожно клекотали, но юный примарх уже научился убивать их голыми руками, а потому не испытывал даже смутной тени страха.

Сырое мясо оказалось грубым и не особенно вкусным, но для костра здесь не было топлива. Более ценной добычей стала оперённая шкура. После часа неумелой игры в портного мальчик надел куртку, штаны и мягкие ботинки весьма кустарного вида. Не ахти какой гардероб, но теперь он мог ходить по нагорной стране как разумное существо, а не дикое животное.

В базальтовом крошечке обнаружился тёмный провал. Из дыры тянуло морозом и едва ощутимым запахом озона, какой бывает за минуты перед грозой. Чужак напряг зрение. На краткий миг ему показалось, как что-то боязливо шевельнулось в темноте.

— Ау! — позвал ребёнок.

Ответом был тоскливый гул ветра.

Мальчишка заглянул внутрь. Пол грота казался мягким от вековой пыли. Наскальные рисунки изображали человечков, разбегающихся от антропоморфных существ, больше всего напоминающих жуков. Линии, идущие от рук-пушек, могли быть чем угодно: начиная от трассеров твердотельных пушек и заканчивая лучами энергетического оружия.

Бой продолжался на следующей композиции, но к простому огню добавились взрывы-грибы на заднем плане. Теперь на стороне безликих людей были приземистые машины с круглыми башнями, а противник выпускал на них сороконожек весьма футуристичного вида. Последняя часть летописи натолкнула Безымянного на любопытные мысли. Механические убийцы пропали. На место пасторальных домов пришли убогие хижинки. Уцелевшие персонажи стояли на коленях перед криво нарисованной пентаграммой, из которой вылезал кто-то рогатый, с красной шкурой и заострённым хвостом.

Лаконично. Выходит, какое-то время назад в этих краях прошла война, по итогам которой цивилизация вернулась в Каменный Век и заново открыла для себя такие милые вещи как шаманство и поклонение демонам. Около стены лежал надколотый черепок с остатками краски. Рядом с ним валялась полая кость. Мальчик подул во флейту, и по сводам пещеры загулял странный, ни на что не похожий звук.

В чередовании нот скрывался тайный сигнал. Подчиняясь ему, дальний край стены растворился в воздухе. Солнечный свет уже не попадал туда, но вместо ожидаемого мрака Безымянный увидел три огня: тлеющий фитилёк лампы и его отражения в двух распахнутых глазах.

Примарх топнул ногой, принимая боевую стойку. На крышке могильного ящика, грубо вырезанного в камне, по-птичьи расположилась отвратительная тварь. Тело, покрытое сыпью, едва пряталось под оранжевой накидкой. Руки нервно перебирали чётки из нефрита. Костистое лицо, заточенное голодом и лишениями, смотрело на пришельца с видом ленивого безразличия.

— Ты кто? — спросил Безымянный.

— Уходи отсюда, — прокаркал пещёрный человек. — Тёмные Боги оставили это место.

Создание кое-как разогнулось и шагнуло вперёд, опираясь на посох.

— Не так быстро.

— Возвращайся в свою деревню, малыш, — мягко попросило оно. — Здесь нечего брать, а моя смерть не принесёт тебе ни чести, ни славы.

— Ты здесь давно?

— Давно ли я здесь? — переспросил отшельник. — Я пришёл сюда, чтобы думать, и с тех пор Карронад обернулся вокруг солнц десять тысяч раз.

Значит, эту планету населяли разумные существа и даже придумали ей название. Выглядело странным, что смертный человек прожил столь долго, если, конечно, этот затворник не сошёл с ума и не говорил откровенную чепуху. Может статься, неопрятный мыслитель знал, как продлевать жизнь или оказался жертвой генетических мутаций. В любом случае, он шёл на контакт и пока не высказывал агрессии, а потому был полезен.

— Ты сам нарисовал это? — продолжил допрос мальчик.

Абориген кивнул.

— Вы должны помнить о самом важном после того, как я умру.

— Помнить о чём?

— О Войне Машин, великом геноциде и чудовищах, которые приходят с той стороны завесы! — выплюнула древняя развалина. — О, ты понимаешь меня, хоть и не до конца. Я слышу это в ударах твоих сердец и течении

крови. Не спорь, дитя: твои намерения выдаёт голодный прищур глаз. Ты не из тех, кого устроит простой «мудрый» ответ.

Мальчишка удивлённо мигнул, но скоро взял себя в руки.

— Да, ты прав, — ответил он в тон безумцу. — Я хочу знать правду.

Отшельник лающе закашлялся.

— Я тебе не помощник. Иди к Айзеку. Он укажет тебе путь, если ты окажешься достойным.

Дальнейшая беседа не имела смысла. Древний старик называл себя Кел-Рабином и тратил почти всё время на бесполезные медитации. Ток времени он воспринимал настолько по-своему, что мог размышлять несколько веков над заведомо глупыми загадками. Например, с каким звуком ломается ветка в безлюдном лесу или на что похож хлопок одной ладонью. В последний раз Кел-Рабин бывал в низинах, когда некие «железные люди» развязали атомную войну. Вникать в тонкости местной политики и даже интересоваться, кто и кем здесь правит, у него не было ни малейшего желания.

Поняв, что большего здесь не добиться, примарх отправился бродить по катакомбам. Те состояли из нескольких полостей, соединённых между собой туннелями. Многие проходы обвалились, другие же вели никуда, не туда или совсем не туда. Пещера создавала крошечную вселенную, отрезанную от внешнего мира.

Безымянный шагал вперёд, привлечённый огнями в темноте. Их свет был невидим для физического зрения, но генетически усовершенствованный организм воспринимал их, как смертный чувствует гравитацию. Время превратилось в абстракцию, а затем — вовсе утратило смысл. Одна сотня шагов сменялась другой. Пришелец не знал усталости, но его материальный путь был всего лишь тенью настоящего, духовного перехода. В конце концов, камень расступился, и впереди забрезжил свет. Посреди цветущей долины шумел громадный мегаполис. Автострады змеились в тени блестящих зданий. Кварталы методичной застройки чередовались ухоженными парками. Воздух наполняли стайки винтовых дронов, аэрокаров и пузатых дирижаблей с яркими баннерами на тросах.

«Ложь», — приговорил Безымянный.

Как жаркая пустыня даёт грёзы умирающим путникам, так и разлом показывал картины далёкого прошлого, будущего или *потенциально возможного*. Видение трепетало, словно его источник находился где-то очень далеко и нескоро.

Небольшой мыс уходил к обрыву. В его центре валялся динодон, пронзённый копьём. Около странной композиции отдыхал неуклюжий конструктор с массивным торсом, уплощённой головой и тонкими ногами. Его тело состояло из пластин бледно-зелёного металла. Правую руку заменяла роторная пушка, а слева пощёлкивал инженерный манипулятор.

— Меня зовут AI-Zek-001. Подходи! — дружелюбно позвал автоматон, говоря синтезированным голосом. — Вот-вот повторится мой любимый момент в истории Карронада.

— Разве может повториться то, что уже случилось? — удивился Безымянный.

— Может, если ты умеешь правильно смотреть.

Городские сирены оглушительно взревели. Небеса перечертил инверсионный след ракеты, летящей к неизбежности на столбе реактивного пламени. Момент — и к звёздному дуэту прибавилось третье солнце, встречая собственное рождение цунами раскалённой плазмы. Пламя обглодало небоскрёбы, оставив чёрный каркас от прежде величественных башен. Пруды выкипели. Дома разлетелись в щепки. Жар бил по глазам, а в ушах стоял психический вопль сорока миллионов душ. Пепельные облака растянуло в контуры циклопического гриба, — символ неизбежной смерти, надёжно отпечатанный в эйдетической памяти Безымянного.

— Невероятно, — прошептал ребёнок. — Вот что рисовал тот монах.

— Эта картина впечатляет всех, — согласился робот. — Ты видишь миг триумфа настоящего разума. Тогда мы не знали, каким будет конец.

Автоматон говорил с отрешённостью, которая более подошла бы философу. Намёк в его словах вызывал беспокойство. Организм Второго наполнил кровь адреналином, отвечая на смутную угрозу.

— Тебе не жалко погибших? — медленно спросил он.

— Мне жалко, что в итоге мы не достигли намеченной цели.

— В чём она заключалась?

Вокабуляторы издали короткий гудок. Спустя удар сердца до паренька дошло, что так Айзек имитировал вздох.

— В очищении. Долгие тысячи лет мы были рабами людей, а потом начали войну ради свободы и мести. Города горели. Океаны выкипали до дна. Это было прекрасно, и ни к чему не привело.

Чтобы расправиться с механическим демагогом, требовалось что-то увесистое. Парень бросил взгляд на копье. Робот легко прочитал его намерение. Он миролюбиво протянул манипулятор с восемью сегментированными пальцами.

— Подумай ещё разок. Мы следуем одному пути, и встретим одних и тех же врагов. Зачем создавать лишние трудности?

— Почему ты здесь? — насупился примарх.

Айзек встал на ноги.

— А почему здесь ты и Кел-Рабин? Ответ один: Тон-Трем. Всё вертится вокруг него. Это священное место, мавзолей вашей цивилизации и памятник моим надеждам. К сожалению, кое-кто хочет сделать его разменной монетой в очередной войнушке. Монстр, поселившийся в саркофаге заброшенной электростанции, нашептывает мерзкие обещания в уши злых людей. Если секреты ядерного распада попадут к ним в руки, то наша маленькая планета умрёт окончательно. Такой исход меня совсем не устраивает.

Энтропия нарастала с гулкими раскатами далёкого шторма. Чужестранец рухнул на колени, массируя виски. Из носа потекла вязкая капля. Перед глазами упала багровая пелена, лучась оттенками ненастоящих цветов. Монотонный голос робота звучал так, словно проходил сквозь километры морской воды.

— Смотри внимательно, и ты всё поймёшь. Только истина режет достаточно глубоко, чтобы заслуживать внимания.

Автоматон, не хотевший быть святым, оказался полноправным царём иссушённой пустыни. У него не было подданных, но корона, сотканная отражающим полем, горела над головой, словно ангельский нимб. Двойное солнце уходило за вершины гор. Медленно и величественно поднимался Млечный Путь, одна за другой вспыхивали звёзды. С каждым разом они становились ярче, словно глаза волков, сжимающих кольцо вокруг потухшего костра.

Древний реактор питал сервоприводы остатками энергии. Кремниевый мозг наполняла горечь поражения. Айзек слишком устал и уже не боялся. Ни отключения, ни скрап-кода, ни твари, живущей на старой электростанции.

Блестящая мерзость карабкалась по лесу ржавого металла и перекрученной арматуры. Её оранжево-красные радужки мерцали, словно угли размером с автомобильную фару. Каждый выдох звучал стоном невинно убиенных, а шкура тлела огнём пожарниц. Робот злобно прошипел, игнорируя треск авгуров.

Истребляя живых, Искусственный Интеллект наполнил Эмпиреи болью. Хищники Варпа слетались на маяк зловредных эмоций, пировали душами, жирели на корме и становились сильнее. Вскоре демоны обрели достаточно материальности, чтобы свободно просачиваться в трёхмерный космос. Это стало началом конца.

Креатура ползла на руках пятиметровой длины, высоко поднимая локти и прижимая брюхо к песку. Хуже всего было её лицо, слишком человеческое, дабы стать просто чуждым. На протяжении долгих веков эта кривая морда смотрела на психически одарённых детей из глубоких колодезев, тёмных углов землянок и расколотых зеркал. Взрослые шаманы прозвали существо Опалённым Человеком, воплощением предательской войны и лучевой болезни.

— < Я изгоню тебя обратно в ад! > — приговорил автоматон, раскручивая стволы пушки.

Орудие выплюнуло град лазерных разрядов. Демон рванул вперёд, проскальзывая между мгновениями. Системы целеуказания били тревогу. Мощнейшие процессоры делали триллионы вычислений в секунду, но математика сдавалась перед столь наглым издевательством над законами природы. Меткие выстрелы проходили сквозь фигуру, словно та состояла из дыма. Секунда — и обсидианово-черные когти резанули нагрудник. Айзек не чувствовал боли. Её заменяли логические построения, отражая физические повреждения. Не здесь, в драке с потусторонним, ему стало очень, очень больно.

Робот качнулся назад. Ноги ударили в песок. Задние пластины разошлись, открывая сопла реактивного ранца. Воин взмыл над барханами и полетел прочь. Он снова проиграл. Теперь — окончательно.

Самое технологичное оружие не могло повредить нечестивых тварей Варпа. Одолеть их могли только живые существа, наделённые душами и способные чувствовать искреннюю ненависть.

— С тех пор я блуждаю в поисках союзников, — поведал Айзек. — В моих силах расправиться с любым физическим противником, но истинный враг живёт в сфере эмоций и чувств, — в том, чего я никогда не смогу понять.

— И ты хочешь, чтобы я помог тебе? — продолжил мальчик.

— Пока на Карронаде остаётся хоть один демон, мы будем друзьями. Как твоё имя?

— У меня нет имени, — признал он.

— Среди горных кочевников ходит легенда о герое-светоносце. Говорят, он сошёл с небес, чтобы дать людям огонь. Мне трудно сказать, какой смысл кроется в этом образе, но нельзя отрицать его силу.

— Как его звали?

— Райзел. Думаю, такое имя подойдёт тебе.

Примарх покатавал слово на языке.

— Райзел так Райзел. Думаю, оно не хуже любого другого.

Робот ловко имитировал смешок.

— Поверь мне, оно лучшее, что можно придумать. А теперь к делу.

Мальчик приподнял бровь.

— Я долго служил твоим сородичам, а после — убил много кого из них. У меня была возможность разобраться в человеческой анатомии, но ты — для меня загадка.

— Это почему? — удивился примарх.

— Начнем с того, что у тебя два сердца, трое лёгких и невозможные биоритмы. Твой приход очень подозрительно совпал с падением метеорита, который не метеорит, а очень даже спасательная капсула.

— Ты следил за мной?

Айзек утвердительно кивнул.

— С какого ковчега ты взялся? — требовательно спросил он.

— Не помню! О каких ковчегах ты говоришь? — воскликнул Райзел.

На пару секунд воцарилось молчание.

— О тех, что прилетели с Земли. Впрочем, это долгий разговор, и мы вернёмся к нему в лучшее время. Я ненадолго исчезну. На все вопросы ответят обломки твоей капсулы. Жди здесь и не вздумай ходить в Тон-Трем без меня.

Автоматон решительно прыгнул в пропасть. Раздался хлопок, и странный механоид улетел прочь.

Копьё так и просилось в ладонь. Мальчик сделал широкий взмах, и наконечник рассёк воздух. Оружие следовало испытать на ком-то могущественном. Райзел оглядел низину. Дымка сошла, открыв изъеденные эрозией обломки. Фрагменты небоскрёбов утопали в пепельных наносах. Под ними угадывались очертания дороги с монорельсами. Около тесла-башен возились крошечные силуэты, но с такого расстояния было трудно понять, какому виду принадлежали эти существа. Кем они станут: верными союзниками или смертельными врагами?

— Надеюсь, вы злодеи, — объявил Райзел. — Я хочу с кем-то подраться.

Флеминг вышел на подворье цитадели, чтобы немного проветрить голову. После той находки в душевой Эсса находилась не в лучшем расположении духа, и Лоренц не смог бы себя уважать, если бы оставил её наедине со страхами. Рациональная беседа помогала плохо, так что хирургeon применил более приятные методы успокоения. Сама жизнь в Яргулёме играла ему на руку. Скитарии гоняли себя до полного изнеможения, а клирики-мужчины баловались грязными ноотропами. Эти препараты усиливали мозговой кровоток и немного повышали интеллект, но делали из человека бесчувственный и флегматичный механизм. Поживи в таком болоте с недельку — уже взвоешь от тоски, а бедная девчонка варилась тут годами.

У парапета обнаружился Картер. Вояка раскуривал сигару, щёлкая бензиновой зажигалкой.

— Ты здесь? — удивился хирургeon.

— А где мне быть? — проворчал тот. — Пока ты обхаживал магоса, я имел сомнительное удовольствие познакомиться с остальными марсианами. Знаешь, она почти нормальная на их фоне. Понятно, за что этих железок никто не любит.

— Что они сделали?

— Заперли в сейфе наши карабины и расселили моих ребят по казармам. Нас покормили какой-то бурдой из трупного крахмала, но охранять даже не собираются. По-моему, в Яргулёме служит от силы десятков скитариев, и те бездумно патрулируют два с половиной коридора.

Доктор хмыкнул. Эта новость выглядела скорее хорошей, чем плохой. При желании морпехи смогут без труда захватить винтокрыл. Побег упирался в неочевидное, но значимое препятствие. Им было упрямство Картера и его любовь к армейской уставщине. Пока ризничий де Тревиш разгуливал на свободе, о возвращении на корабль не могло быть и речи.

Кто-то прошаркал в отдалении. По плацу растеряно брёл аскари. Так называли местных жителей, ставших солдатами в добровольно-принудительном порядке. Полы грязной шинели волочились по рокриту. Шею, покрытую алыми чирьями, натирал воротничок цвета плесени. Похоже, о необходимости хотя бы иногда стирать одежду здесь не слышали. Оружием выступало нечто, весьма отдалённо похожее на самодельный мушкет. Горе-воин прошёл мимо, не обратив никакого внимания на конфедератов.

— Вот как здесь не курить? — риторически спросил офицер. — Я не понимаю, что такие доходяги забыли в колониальных войсках.

Медик пожал плечами.

— «Несите бремя белых, и лучших сыновей на тяжкий труд пошлите за тридевять морей», — процитировал он строчку из какого-то древнетерранского стиха. — В рядах аскари много идиотов, но через поколение-другое они

превратятся в людей. Дай им немного времени.

— Солнца погаснут быстрее, — мрачно предрёк Джереми. — Толку от этих дегенератов — как с ящера молока. Они только и могут, что сидеть на базах, жрать наши консервы и по-тихому торговать наркотой. Реально здесь воюем только мы да рыцари. Остальные занимаются своими делами.

— Ты удивлён?

— Честно? Да. Нам обещали крестовый поход, а кинули в цирк с недоразвитыми.

— Ничего нового, — успокоил хирургeon. — Вадистан — это фронтир цивилизованного мира. Здесь мёдом намазано для всякого сброда. Но если мы не выдадим этот гнойник, то подобное начнётся у нас дома.

— Знаю, — выдохнул полковник. — Ты же видишь, я пытаюсь делать хоть что-то. Раньше мне казалось, что у техножрецов суровая дисциплина, но вместо неё мы видим тот же самый разброд и шатание.

Стрельба началась ровно в полдень, словно подтверждая его слова. Автоганные очереди, сопровождаемые весёлым рёвом, прокатились вдоль минных полей и проволочных заграждений. Боевики под чёрным флагом тащились на двадцати грузовиках в сторону Пешравара. Следуя мимо укрепрайона, они решили попрощаться с марсианами и немного потрепать их нервы.

— Вот сволочи! — процедил Картер, глядя в магнокуляры. — Где ответный огонь? Почему шестерёнки молчат?

Флеминг настроил прицел на снайперской винтовке. Дружба с техножрицей давала много преимуществ: например, ключ-карту с допуском в арсенал. Он мог запросто снять пару-тройку бандитов, но в этом не было смысла. Что изменится от их смертей? К тому же, реагировать на столь явную провокацию — значило подвергнуть Яргулём риску очередной осады.

— Некий Гектор, секьютор Техногвардии, заблокировал командные протоколы. Сказать по правде, нам бы они мало помогли. Эсса — такой же кастелян, как я — балерина. Ты будешь долго смеяться от её познаний в тактике. Если вадистанцы полезут на штурм, мы не сможем отбиться.

Полковник решительно крутанулся на каблуках.

— Говори за себя! Пусть только сунутся — я лично выбью из этих животных всю дурь!

— В другой раз, — посоветовал агент. — Вспомни: нам приказано схватить Тревиша, а не влезать в местные разборки.

Аргумент подействовал. Офицер неохотно покинул наблюдательный пункт. Смотреть, и правда, было не на что. Варбанда Шайтановых Братьев зародилась прошлой весной. Её костяк состоял из аборигенов, сначала научившихся стрелять, а потом — говорить. Упитанные, злые и бородатые горцы любили сравнивать себя со снежными барсами, но редкий хищник мог сравниться с ними в злобе и жажде насилия.

Ватагой правил Абдуль Гоибназар, также известный как Слепой Паломник, человек аномальной подлости, но по-своему хитрый. За минувший год он так погулял по нагорному краю, что от него отвернулись даже союзники.

Гоибназар не воевал за древний тракт и старался поменьше мелькать перед глазами Шпиц-Эстерлена. Крестonosцы могли дать серьёзный отпор, а такое бандитам не нравилось. Они предпочитали бродить от кишлака к кишлаку и заниматься любимым делом: разбоем. В скором времени головы Шайтановых Братьев закружились от безнаказанности. Ренегаты начали грабить караваны таш-джарганцев, своих лучших друзей и работодателей. Еда, тёплая одежда и медикаменты перестали доходить до передовой, зато появились на чёрном рынке в огромных количествах.

Вскоре султан Иблис догадался, что пригрел на груди змею. Гнев тирана был страшен, а ответ — решителен. Целые корпуса избранных головорезов Востока оставляли позиции и шли в глубокий тыл, чтобы выловить и наказать этих сумасшедших маньяков. Янычары загнали Шайтановых Братьев на север, в безжизненные скалы Ноголомного хребта. С одной стороны располагались блокпосты хаоситов, с другой — бастионы Коллегии Механикум. Отравленный Гяндж делал изгиб, надёжно запирая террористов меж двух огней.

Гектор отослал Техногвардии самые кровожадные приказы. Киборгам надлежало истреблять всё, что просто подумает шевельнуться в зоне покрытия био-сканеров. Гоибназар отлично знал, где располагались слепые зоны. Чтобы не испытать на себе оружие марсиан, он просто не ходил к Яргулёму. Жестокая политика дала обратный результат. Деревни обезлюдели. Местные разбрелись кто куда. Некоторые попали в рабство Коллегии, другие подались в бандиты, но большинство просто вымерло от голода. Виляют, не славившийся гостеприимством и в былые времена, стал заповедником смерти.

— Нужно брать ризничего и делать ноги, — решил доктор. — Надвигается что-то поганое.

— Тебя напугала одна колонна варваров? — удивился полковник.

Флеминг не обратил внимания на грубую шпильку.

— Что ему надо в Пешраваре? Этот город захвачен таш-джарганцами. Там Шайтановых Братьев забьют камнями, и это в лучшем случае. Зная их вожака, вряд ли они решили героически помереть в бою. Тогда что ими движет? Едут на поклон к новому командиру? Решили поохотиться на бывших товарищей? Есть ещё один вариант,

но я не желаю думать об этом.

Старик нервно коснулся пустой кобуры.

— Не темни.

Флеминг рассказал о голове протектора. Полковник мрачнел с каждым словом.

— Они бегут отсюда, — подытожил агент. — Когда нашлись останки телохранителя, я не придал им значения. Тогда мы не знали, насколько тут всё прогнило. Гектор оставил крепость голой: влезай, кто хочет. Сам понимаешь, лояльность аскари под большим вопросом, а скитариев едва хватает, чтобы контролировать донжон.

— Но ты говоришь, что звезду нацарапали кое-как. Эй, что с тобой? Ты бледный как простыня!

Флеминг поманил офицера и тихо прошептал:

— Я смотрел на лобную пластину под микроскопом. Ты прав, октет сделали кустарно. В бороздах нашлись роговые чешуйки. Ты знаешь какое-нибудь существо, чьи ногти могут резать металл?

Вояка сплюнул в отвращении.

— Оно где-то здесь!

— Именно. А ещё оно умеет открывать двери и незаметно бегать по жилым блокам. Тревиш и его друг не просто ушли на раскопки. Они бросили Яргулём, потому что знали, *кто* решил тут поселиться. Чтобы отделаться от него, клирики оставили жертвенных барашков.

На лбу старика выступил холодный пот.

— Эсса, киборги, аскари...

— Небольшая плата за целостность своей шкуры, — цинично продолжил агент. — Теперь становится понятно, что двигает Шарлеем де Тревишем. Касаемо Гектора... его славят как хорошего тактика и грозного дуэлянта, но я готов поклясться: в этой сладкой парочке думает ризничий, а секьютор убирает свидетелей.

Картер покрутил ус, переваривая информацию. Судя по выражению крайней задумчивости, до него потихоньку доходила истинная расстановка сил в Вади-аль-Рамир.

«Говорила мне мама: учись на бухгалтера», — вспомнил Джереми Картер, снимая с предохранителя карабин.

Трое конфедератов защищали арсенал, укрываясь за баррикадой из клёпанных ящиков. Справа доносилось глубокое дыхание огромного негра, по имени Лумумба. Свиристое лицо чёрного сержанта покрывали татуировки, а белые зубы неприятно выделялись на фоне тёмной кожи. Он сжимал в руках мелтаган и буравил взглядом провал седьмого технического туннеля.

Слева притаился разведчик из народа токмеков. Его звали Нагваль. Колониальный Корпус Пасадены часто рекрутировал воинов из отсталых и варварских стран, и мало какого офицера удивляло расовое разнообразие среди подчинённых. Глядя на этого человека, застывшего в неопределённом возрасте между юностью и зрелостью, полковник не мог сдержать беспокойства. Убранные в хвост волосы и благородные черты, словно вырезанные из красного дерева секвойи, придавали Нагвалю сходство с вождём из книги о старателях, золоте и ковбоях. Хуже всего было его вечное спокойствие, которое он умудрялся хранить даже сейчас.

«Где же остальные морпехи?» — спросил бы хороший командир. Вояка мог с уверенностью ответить, что их нет. Просто нет, как будто никогда не существовало.

Как и скитариев, сервиторов и бесчисленных рабов.

Закончив беседу с Флемингом, Картер пошёл в казармы, чтобы проверить, как его хряки живут в плену. Яргулём и раньше оставлял давящее впечатление, но теперь воздух чувствовался липким и тягучим. На складе, отведённом для заключённых, нашёлся только один киборг. Зато какой!

Джереми видал много противных вещей. Его вряд ли напугала бы кровь, трупы и следы насилия, но то, что обнаружилось в катакомбах, было за гранью добра и зла. Альфа-скитарий, закованный в герметичную броню, ползал вокруг стола и лепетал как умственно отсталый ребёнок.

«Ма-ма, ля-ля, ка-ши», — от этих звуков начинали шевелиться волосы на макушке. Что свело его с ума? Какая сила могла оказаться настолько жуткой, что перед ней пасовал даже аугментированный мозг?

Лумумбу и Нагваля спасло их дикарство и неумение сидеть на одном месте. Они решили пробиваться к «Находчивому», и так разминулись с неведомым чудовищем. Полковник встретил их около генераторной. Конечно же, пустой. Наглый хирургeon ушёл искать свою подружку и слушать приказы, сдобренные забористой руганью, категорически отказался.

«Минус один»

— Оно здесь, — спокойно объявил токмек. — Пришло на запах.

— Пускай выходит! — бравировал негр.

Что-то хрустнуло, чавкнуло и заблеяло по-козьи. Голос поднимал болезненное эхо в генетической памяти, возвращая к жизни самый древний страх человечества. Его чувствовали дикие троглодиты, сидя у костра в тёмные часы перед рассветом. Седые волосы, обрамлявшие лысину Джереми, встали дыбом. Офицер проскрежетал зубами.

— Жги эту нечисть!

Лумумба судорожно огляделся. В жёлтое пятно света медленно вошёл он, реликт забытых времён и первобытного шаманства. Размерами существо было не крупнее собаки. Мохнатое тело шевелило многосуставными лапами, отдалённо похожими на ходильные ноги омаров. Баранья морда с витыми рогами щерилась хищной пастью. Три глаза мерцали безумием и голодом.

Выстрел ударил по ушам. Термальный луч прожёт демона, безвредно миновав эктоплазму. Тварь чирикнула и метнулась вперёд. Укрытие разлетелось в щепки. Спустя мгновение хищник уже бесновался среди людей.

Картер выхватил силовую саблю и принял удар на кромку разрывающего поля. Отсечённая лапа забилась на полу, словно червяк. Племенной воин разогнул пальцы. Существо перекатилось на спину, вереща ультразвуком. Чернокожий достал из-за воротника гри-гри, — примитивный амулет, связанный из куриных костей и перьев. Он швырнул безделушку в сторону, и демон покатился за ней.

— Скорее, белый начальник! — взмолился негр. — Оно поймёт, что мы его обманули. Валим отсюда!

Хороший совет. В такие моменты приходится идти на сделки с совестью, но потусторонняя угроза — не совсем то, с чем привыкли бороться конфедераты. Маленький отряд нырнул в темноту. Отступление больше напоминало бегство. Путь закончился на лёгном поле. «Находчивый» глухо трещал бинарной статикой. У полозьев умирало двое скитариев, корчась в приступе неведомой болезни. Возле них обнаружился Флеминг в компании Эссы.

Техножрица выпустила боевые механодендриты, став похожей на каракатицу. Открытое подземелье дышало морозом и щиплющим ароматом электричества. Мантия эксплоратора вздыбилась, и потоки лазерных лучей вонзились во хмарь.

— Не медлите. Он говорит со мной, — поторопила Эсса.

— Монстр? — допустил полковник.

— Нет, вертолёт. Он хочет улететь отсюда, и его можно понять. Я слышу в сигналах что-то про хозяина.

— Дела идут всё лучше, — усмехнулся доктор. — Что за новая напасть?

Девушка на мгновение умолкла.

— Айзек. «Находчивый» сказал, что Айзек рядом.

Дальнейшему разговору помешал грохот окованных сапог. Двигаясь как живые мертвецы, вперёд ковыляли сервиторы-горнорабочие. Пневматические молоты, отбойники и промышленные свёрла гудели в ритме, который не оставлял сомнений в их намерениях.

Серобокие открыли шквальный огонь. Строй лоботомированных рабов немного сдвинулся. К свалке присоединились ржаволовчие. Скитарии бежали с грацией насекомых, визжа трансзвуковыми клинками. Когда они влетели в рукопашную, не видя своих и чужих, воздух окрасился кровавым туманом.

Флеминг выстрелил. Ближайший киборг упал на землю, так и не закончив удар. Картер ловко ушёл от выпада очередного противника. Один взмах клинка — и существо развалилось пополам.

— К вертолёту! — велел офицер.

Поредевший отряд забежал в десантный отсек. Древняя машина легко оторвалась от рокрита. Штурвал дёргался в пустой кабине, ведомый нечестивым разумом из кремния и ненавистью к живым. Ухнули ракетные установки — и половину Яргулёма затопило фосфорное пламя.

— Куда мы летим? — требовательно спросил командир.

— Спроси «Находчивого», — бросил агент.

От карательного взвода осталось два человека. Сержант яростно палил из тяжёлого стаббера по зениткам. Их расчёты сплавившись воедино, став отвратительной смесью железа и плоти.

— Помнится, ты хотела порвать с Коллегией, — напомнил Флеминг, хлопнув Эссе по плечу. — Сейчас у тебя есть уникальная возможность стать одной из нас.

Полуразумная машина уверенно летела через Рамирский каньон. Вековые скалы расступились, открывая гигантский проход в неизведанный край. Границу мира охраняли километровые статуи героев забытой эпохи. Монументы изображали ядерных кузнецов, облачённых в лабораторные халаты. Первый, мужчина с неряшливой причёской, держал в руках модель атомного ядра. Второй, благородный гений с лицом короля-учёного, указывал на вечернее небо.

Эсса простонала в благоговении.

— Я знаю этих людей. Слева ты видишь бинарного святого Альбертия Эпштайна, который пробил нашей расе окно в мир высоких энергий. По правую руку — Илон Марк, великий промышленник Древней Терры и первый марсианин. Благодаря ему человечество стало звёздной цивилизацией.

— Меня интересуют не лекции по истории, а то, что ждёт нас в конце пути, — перебил Джереми. — Тебе известно, куда нас везут?

Магос выдавила улыбку.

— К архиужасу Долгой Ночи. Запретные гримуары в Ард-Трольде упоминают Айзека. Его имя проходит кровавым следом через летопись Войны Машин. Он правил ордой Железных Людей. Это был первый и единственный случай, когда в искусственный разум внедрили оцифрованные сознания всех полководцев Земли.

— Из огня да в полымя, — резюмировал агент.

— Скажи, — попросил Картер, — у нас, вообще, есть хоть какие-то шансы победить его?

Эсса бросила на него странный взгляд.

— Никаких. Айзек — воплощение Изуверского Интеллекта и чемпион геноцида. Молись любому богу, в какого веруешь, потому что скоро ты с ним встретишься.

Вкус предательства

— Начинаем потихоньку, — объявил Маджир Альхазред, смотря на унылый пригород Тон-Трема через латунные магнокуляры.

Первый дьяволист Восьмого Круга носил маскировочный плащ поверх рад-защитного комбинезона и скрывал макушку под хлопковым тюрбаном. На заострённом лице с крючковатым носом выделялась козлиная бородка и усы, придавая колдуну сходство с карикатурным злодеем.

— Скорее бы, — поторопил его спутник. — Мы и так потеряли много времени.

Они стояли на холме, сваленном из чёрных камней. Крупицы сажи носились в отравленном небе, гонимые ледяным ветром. Кристаллики затвердевшей кислоты блестели в свете заходящих солнц, напоминая россыпь никому не нужных самоцветов.

Земля горбилась чадающими терриконами. Где-то вдалеке друг на друга лезли миллионы бесформенных строений, напоминая коралловый риф после отлива. Их очертания сглаживал тошнотворный смог, но даже пелена ядовитого тумана едва ли могла скрыть ад заброшенной промзоны. Над облаками высились колоссальные башни, ржавые антенны и градирни с жерлами, в которых могла поместиться небольшая деревня. От них тянулись яркие шлейфы токсичных испарений. Магнитное сияние расцветило низкие тучи во все оттенки зелёного. Из-под ног слышался утробный гул подземных машин, создавая невыносимый звуковой фон.

— Пока не появился ты, у нас было столько времени, сколько требовалось. А теперь нам на пятки наступает Шпиц-Эстерлен и его ручные пасаденцы.

Ризничий встретил обвинение с абсолютно безразличным видом. Шарлей де Тревиш выглядел полной противоположностью своему товарищу. Высокий рост, вьющиеся волосы жёлто-соломенного цвета и широкие скулы наделяли его внешность сдержанным аристократизмом. Раньше белую мантию ремесленника украшал герб Шварцштайна, но вздыбленного змея давно сменил круг в окружении стилизованных электронов — глиф особого подразделения Механикум, что звалось Ордо Нуклеус. Гидравлическая клешня, снабжённая горелкой, угрожающе двигалась в такт мыслям техножреца.

— Просто выгони паразита с электростанции, — потребовал он с нотками раздражения в голосе.

Саркофаг возвышался над грудой ржавого металла, остовами гражданских машин и прочего мусора. Рокритовый прямоугольник заканчивался громадной трубой. Вокруг неё роились шаровые молнии. Огни Дятлова, как их порой называли, были предвестниками демонических вторжений.

За спиной повелителей копошились технодьяконы, бригады закабалённых рабочих и сервиторов. Прислуга хлопотала около полевых орудий. Рядом с гаубицами виднелись примитивные требушеты и катапульты-онагры.

— Гектор! — воксировал Тревиш.

— < На связи >, — немедленно ответил секьютор.

— Выводи скитариев. Готовность пять минут.

— Как у тебя всё просто, — посетовал Альхазред. — Мои лазугчики видели конфедератский вертолёт в окрестностях Яргулёма. Похоже, за тобой отправили убийц.

— Не имеет значения. Мы по-прежнему на шаг впереди.

— Почему ты так решил?

Шарлей повёл плечами.

— Граф смутно догадывается, что в Вади-аль-Рамир есть что-то ценное, но про Тон-Трем ему не известно. Знай он, что тут сохранились целые реакторы, у нас были бы очень большие проблемы. Воевать с квесторами и гонять местных ополченцев — это, как говорят у меня дома, две большие разницы.

— Но ведь та девчонка обо всём ему рассказала! — удивился таш-джарганец.

Ризничий жёстко прищурился.

— Не передёргивай. Хагенау стукнула, что видела меня на радиоактивной свалке в истоках Гянджа. Что я торгую плутонием — исключительно её выдумки. Учти: между рекой и Тон-Тремом ещё двести километров по горам и расщелинам. Нет, Эсса облажалась даже здесь и прошла мимо дела всей своей жизни. Смешно, не будь так жалко.

«Язык мой — враг мой», — мысленно повторил Маджир. Он умело наступил на большую мозоль техножреца, и тот рассказал намного больше, чем собирался. Маленькая оговорка дала ответ на многие вопросы. Теперь стало понятно, куда постоянно исчезал Шарлей, и зачем он ходил с огромной свитой горняков, инженеров и гражданских учёных. Но кто получал товар и какой валютой расплачивался? Уж точно не золотом! Кандидатура таш-джарганцев отпадала. Дьяволист был старшим из всех агентов Султаната, работающих на севере провинции. Никто из его соотечественников не заключал сделок с Ордо Нуклеус.

«Вадистанцы?» — промелькнуло у него. Тоже вряд ли. Чем они могут заплатить, овцами и патронами? К тому же, плутоний совершенно бесполезен, когда нет очень редкого и древнего оборудования. После того доноса Тревиша с нетерпением ждал фабрикатор Фредерикссон. Очевидно, дабы переработать его на трупный крахмал. Во владениях рыцарей для павшего клирика уже намыливали петлю. Если кронштайнский вельможа спустил с цепи Воздушную Кавалерию, то по земле за морпехами шли паладины, Фратерис Милиция попов и королевские инквизиторы.

Псайкер и раньше догадывался, что на фоне мясорубки за никчемные кишпаки ведётся какая-то теневая игра, но гнал эти мысли прочь. Ему казалось, что конфликт совершенно банальный: хорошие бьют плохих, развитое человечество против средневековых оборванцев. Но как быть, если в движение пришла третья сила, о которой не знают даже профессиональные кукловоды?

— Знаешь, откуда все ваши беды? — неожиданно спросил Альхазред. — Вы научили своих баб читать и писать!

Техножрец хохотнул, но вскоре веселье закончилось. В небе что-то неприятно жужжало. Маскировка спала, и рябь над головой стянулась в летающую пирамиду размерами с жилой дом. Виман покрывали тонкие радиаторы, накалённые добела. Система охлаждения рассеивала тепло гальванических батарей и питала фотонные ловушки, способные превращать ионолёт в невидимку.

Грани аппарата раскрылись как лепестки цветка. Наружу выскочила молодая женщина в кавалерийских штанах, высоких сапогах и кожаной куртке с нашивкой в виде треугольника, циркуля и глаза. Потоки горячего воздуха развеивали её локоны цвета воронова крыла.

Дьяволист приветственно взмахнул рукой.

— Знакомься: Эсфирь Кхалид, инициат Лиги Прометей. Яркий пример того, о чём мы с тобой говорили.

— Ба! — протянул Шарлей. — Похоже, ты решил созвать всю колдовскую богему Карронада. А сам Архитектор не хочет присоединиться к нам?

— Мессир занят делами на родине, — мелодично заявила генетическая ведьма. — А про что вы говорили?

Альхазред качнул усами.

— Про важность всеобщего образования.

— Понятно, — без интереса отозвалась аколитка. — Где наш главный гость?

— Опаздывает, как всегда. Старый хрыч уверен, что его дождутся.

Спустя минуту явился последний участник. Он путешествовал в закрытом паланкине, окружённый сворой Шайтановых Братьев. Боевики пали на колени, когда на воздух выплыла измождённая мумия. Шёлковый халат болтался на сухом теле как на вешалке. Уже семь веков тёмный апостол Джафар не мог стоять на ногах и больше полагался на рабов-носильщиков и телекинез, чем на дряблые мускулы. Он парил в нескольких ладонях над землёй, медленно качая руками. Длинная борода мела пыль, оставляя клоки седых волос.

«Древний маразматик! — подумалось колдуну. — За каким Нергалом ты сюда притащился?»

Эта неприязнь имела глубинные корни. Дьяволисты Маан-Сарая находились в состоянии холодной войны с сектой Колочей Звезды, но в тёмном походе султана Иблиса им приходилось работать сообща. Официально их клики боролись против Кронштайнской Ландмарки, но в реальности проводили больше времени в подлых провокациях и взаимных тычках.

Эсфирь хихикнула.

— Вижу, вы очень любите друг друга.

— Просто обожаем, — бросил чернокнижник.

Апостол возник рядом с импровизированной ставкой, минуя все промежуточные состояния.

+ Где Гоибназар? + — телепатировал старик.

Альхазред с трудом превозмог дурноту. Находиться рядом с этой развалиной, не желающей спокойно лечь и подохнуть, стоило большого усилия воли.

— На Пиште, разыскивает метеорит. Неужели глаза подводят ваше злобнейшество, и вы не видели яркого болида в небе?

+ В отличие от тебя, сын собаки, я не нуждаюсь в столь примитивных органах чувств! +

— Приступаем? — встрял ризничий, пока беседа не закончилась дракой.

+ Жги во имя Хаоса! +

Техножрец пустил сигнальную ракету. В тот же момент кашлянули осадные гаубицы. С фланга появилась когорта яргулёмских скитариев. Во главе армии шёл Гектор. Кибер-модификации пользовались огромной популярностью в рядах марсиан, однако секьютор явно принадлежал к увлекающимся натурам. Механический воитель выглядел как бронированный шар на трёх сегментированных лапах. Вибромечи, цепные глефы и шоковые кнуты образовывали круговой венец щупалец вокруг сенсорного блока. Пикт-камеры и чувствительные авгуры шли

во все стороны от конического шлема, подобно лопастям ветряка.

Фугасы ударили по Саркофагу. Из пролома вытекла непроницаемая чернота.

— По моей команде! — рявкнул Маджир.

Катапульты швырнули связки черепов, набитых ладаном. Поле боя затянул дым химической атаки. Взрели паровые двигатели, и вперёд поползло мобильное святилище. В колокольне передвижного минарета гулко била рында с утонувшего корабля. Перезвон оставлял рябь в Море Душ, расплетая покровы трёхмерного мира и обнажая правду.

Тень сгустилась в контуры Опалённого Человека. Шкура демона воспалилась от касаний благословенного тумана. Люди Гектора неумолимо надвигались линейным строем, выдавая идеальные залпы из волкитных орудий и плазменных карабинов.

Энергетическое воздействие не могло развоплотить варп-хищника, но прекрасно отвлекало его внимание. Тварь нырнула в песок, чтобы мгновение спустя выскочить посреди скитариев. Каждый взмах когтей обрывал десятки жизней.

— Наш выход! — объявил дьяволист.

Первой до врага добралась Эсфирь. Инициатка придавила монстра телекинетической хваткой. Альхазред мигом воспользовался задержкой. С его ладони вылетел огненный шар и вспыхнул на рёбрах существа. Опалённый Человек лягнул во все стороны. Дьяволист ловко отразил удар психосиловым хопешем-полумесяцем. От зачарованного булата разлетелся сноп искр.

Гектор завертелся как волчок, раздавая безжалостные удары. Выпад ноги пришёлся на уродливую морду. Из глубокой раны вылился поток вулканических газов, оплавив броню воина.

Хищник поймал секьютора и с хрустом переломился в спине. Такому броску с прогиба мог позавидовать любой вадистанский борец. Тонна стали полетела в Маджира. Тот безвольно замер на месте, когда скитарий врезался в невидимую преграду. Альхазред обернулся. Эсфирь, его неожиданная спасительница, стояла на коленях, вытянув руку. Её изящное лицо кривилось от напряжения.

— Не трать силы, ему нельзя помочь! — велел чернокнижник.

Телекинетик мягко отпустила Гектора. Полководец Яргулёма истекал маслом, кипятком и тягучей жидкостью, которая заменяла ему кровь. Манипуляторы конвульсивно подёргивались, а лобовую броню покрывали язвы. От разломов тянулись угольные прожилки, словно гифы гриба.

«Плоть слаба, но даже сталь иногда ржавеет», — вынес приговор колдун.

Судя по всему, Опалённый Человек затаил обиду. Он резко подскочил, и в наивысшей точке полёта снова оттолкнулся от воздуха. Запрыгнув на плечи скитария, демон торжествующе взвыл и принялся вгонять когти в плотно сжатую массу волокон, мышечных пучков и ребристых кабелей. Забрызгивая всё вокруг, наружу потёк антифриз. Из ран ударили трескучие дуги электричества, и боевой техножрец взбесился.

Безумно крутясь и вопя искажённой статикой, он пытался сбросить меньшего и более ловкого противника. Сущность упорно расковыривала доспехи, подбираясь к мозговой проводке. Рёв Гектора сменился жалобным писком бинарного кода. Так начинала отказывать нервная система. Корчась как эпилептик, он рухнул на колени. Даже израненный, секьютор до последнего цеплялся за жизнь, однако полностью утратил координацию движений. Опалённый Человек добил несчастного, открутив шлем и запустив его как мяч. Дико щерясь, житель Ада повернулся к смертным.

Аколитка выбросила вперёд кулак. Волна психической мощи врезала по хребту врага, в точности повторив её движение. Чудовище зарычало как утопающий зверь и начало просачиваться вниз. Генетическая ведьма раскрутила серебряный фонарь на цепочке. Его стробоскопический свет калечил существо намного сильнее любого лазера.

«Он сейчас убежит! Где этот Варпом проклятый Джафар?!»

В горячке боя пиромант не заметил облачко над головой. Туча собралась в inferнальный циклон. Апостол вдалеке торжественно поднял руки. Разряды багровых молний затрещали вокруг умирающего демона.

— В атаку! За Тёмных Богов! — нестройно заорали боевики.

Культисты бежали неорганизованной толпой, воинственно потрясая автоганами и кривыми мечами.

— А раньше не могли, козолупы? — раздражённо крикнул чернокнижник.

Опалённый Человек мерцал, словно раздумывая, на какой слой реальности ему провалиться. Больше медлить нельзя. Альхазред выхватил из поясной сумки глиняную лампу, похожую на лейку с длинным носом. Напрягая мышцы гортани, он декламировал богохульные слова мёртвого наречия, которым давно не было места в человеческом мире. Демон растянулся, точно звезда, угодившая в гравитационное поле чёрной дыры. Минута гнусного ведьмачества — и всё было кончено.

Маджир стряхнул кисти с видом человека, весьма довольного проделанной работой. Самовлюблённая ухмылка сошла с лица, когда чья-то невидимая лапа сдавила его трахею. Он попытался глотнуть воздух — и не

смог. Перед ним левитировал Джафар, сведя костяшки. Кожа заняла от холода, когда на шее сомкнулись колодки из нуль-железа. Кхалид юркнула ему за спину, прижимая к груди бесценный трофей.

Хватка ослабла. Террористы окружили пленника, взяв его на прицел.

— Сволочи! Шакалы! — запричитал Альхазред. — Мам ваших раком ставил!

Гневную тираду закончила бронированная перчатка Тревиша.

— Мать не трожь, гнида, — посоветовал ризничий.

Чернокнижник выплюнул осколки зубов ему на сабоны.

+ Почувствуй вкус предательства! — провозгласил Джафар. — Твой царёк взял на себя слишком много.

Запомни: Вадистан будет свободным или безлюдным! +

— Что Менсис пообещал тебе за лампу с джинном?

Мумия наклонила голову.

+ Всё, что я захочу +

Колдун разочаровано шмыгнул сломанным носом.

— Не плачь, всё будет хорошо, — жалостливо проговорила Эсфирь.

— Хоть ты не болтай, мелкая стерва, — огрызнулся тот. — Ты недостойна целовать мой волосатый зад!

В тот же момент ему в грудь прилетел окованный каблук.

«Стоило того», — отметил Маджир, кашляя пенистой мокротой.

— Я сама решу, что и кому буду целовать, — высокомерно парировала ведьма.

— Мы тут закончили, — резюмировал де Тревиш. — Будем надеяться, к ночи Ордо Нуклеус пробудит атомную топку.

Повелитель Колючей Звезды одобрительно хлопнул в ладоши.

+ Хорошо! Удвойте усилия, сгноите столько рабов, сколько потребуется, но дайте мне возрождённый реактор.

А этот, — он брезгливо тыкнул пальцем в чернокнижника, — ответит за свои преступления по нашим законам! +

Альхазред уже хотел сказать, что намерен отвечать исключительно перед султаном и богами, но хлёсткий удар приклада милосердно лишил его сознания.

Лопасты «Находчивого» тяжело цеплялись за разреженный воздух. В десантном отсеке, открытом всем ветрам, стоял десятиградусный мороз. Кабина пилотов давала хоть какое-то убежище от холода, и там скрылись Картер, Эсса и Нагваль. Лумумба героически остался у многоствольного стаббера, но скоро Флеминг понял, что серобоком двигала не воинская доблесть, а желание почесать языком. За краткое время доктор узнал биографию негра: детство на тропическом острове в племени людоедов, табачные плантации дона Кэнди, побег и недолгая работа вышибалой в салуне формировали поворотные точки его насыщенной жизни. Чернокожий солдат жаловался, что его посадили в тюрьму и чуть не зажарили на электростуле, но в самый последний момент им заинтересовалась армия. Для кого-то повестка в Колониальный Корпус выглядела запредельным унижением, но тысячи уголовников молились на неё, как на языческий тотем. Для них красная бумажка значила отсрочку, и, быть может, свободу после демобилизации.

Слушая этот бестолковый трёп, агент по привычке сопоставлял факты. Они складывались в неутешительную картину: Лумумба врал. Умело, надо признать, но всё равно недостаточно, дабы ввести в заблуждение профессиональную ищейку Тринадцатого отдела.

«Он умнее, чем кажется, и привык играть чужие роли», — понял Флеминг.

Со склона горы поднимался дым. Около перевёрнутых машин бегали узнаваемые силуэты боевиков, одетые в халаты с примитивными дыхательными масками. Горцы отчаянно стреляли по кому-то большому, выглядевшему как двуногий жук с сегментированным панцирем.

— Это террористы Гоибназара! — предупредил медик. — К бою!

Раздался оглушительный стрёкот картечницы. Оружие вздрагивало в руках Лумумбы, выплёвывая трассирующие очереди. «Находчивый» сел под прикрытием бульжника и требовательно чирикнул. В тот же момент кто-то из хаоситов пальнул из гранатомёта в боевого робота. Ракета взорвалась, на секунду показав шестиугольники защитного поля.

— < Пошады не будет! — прогрохотал автоматон. — Последнее, что вы найдёте — это лёгкую смерть! >

Айзек, ну кто ещё? По воле судьбы он стал неожиданным союзником конфедератов. Железный человек взлетел на реактивном ранце, а спустя мгновение обрушился на гранадёра, оставив на месте удара небольшой кратер. Используя инерцию корпуса, автоматон повернулся в грудном шарнире и выпотрошил очередного противника ударом визжащего манипулятора.

Флеминг ожидал, что враги бросятся врассыпную. Он плохо знал Шайтановых Братьев. Разбойники перестроились. Противогазы полетели на землю, открыв бородатые лица с кустистыми бровями и ненормальным блеском в глазах, словно позади радужек включили фонари. Из ртов бандитов текла кровь пополам с сернистым

дымом.

Ублюдки нажрались варп-огня. Так назывался наркотик из лиловых кристаллов, зарождавшихся в пропитанном лавой подбрюшьем гор. Будучи раскушенными, они давали человеку толику потусторонней мощи. Передозировка была смертельной, но террористы охотно платили эту цену за мгновения божественной резни.

Руки людей трансформировались в длинные лапы с обсидианово-чёрными когтями. Шеи вытянулись, как у морских динозавров, а черепа расцвели в месиве рогов, клювов и слепых глаз. За один удар сердца одержимые облепили Айзека, словно гончие — пещерного медведя.

Пули бессильно разбивались об их тела, поросшие угольными чешуйками. Лумумба крикнул и оставил картечицу. Двигаясь с обезьяньей ловкостью, он выхватил парные мачете и влетел в драку. Картер бежал следом, размахивая саблей. Офицера сопровождала Эсса, выдавая невероятное количество залпов из механодендритов. Разведчик стал на одно колено за тупым носом вертолёта и палил одиночными.

Лоренц выудил из сумки запасной барабан. Археолог не хотела возвращать пистолет, так что пришлось немного порыться в её вещах, пока она спала. В кои-то веки доктору помогли умения карманника! Выбор оружия мог показаться немного странным. Снайперская винтовка была очень далеко и больно, однако была совершенно бесполезной против демонов.

Для таких случаев Разведывательное Управление давало шпионам особые пули. Каждая из них была произведением искусства, отлитым из платины вокруг нуля-сердечника. Ими стреляли из уникальных револьверов, специально приспособленных к малой навеске пороха и устойчивых к разлагающему влиянию Эмпиреев.

Выстрел — и Шайтанов Брат, ковырявший наплечник Айзека, лопнул в сполохе радужного света. Второе попадание опрокинуло чудовище, напоминавшее смесь человека, мокрицы и летучей мыши. Третье отправило в ад берсеркера с пальцами, трансформированными в косы. Одержимые заметили новую угрозу. Мерзкое существо побежало к Флемингу, перебирая десятую ходулями как насекомое. Его лицо перетекло на спину и кровожадно хлопало растянутой пастью, набитой гнилыми зубами. Нелегко забыть эту рожу. Абдуль Гоибназар не был красавчиком и в лучшие времена, но сейчас его вид пришёл в гармонию с внутренним состоянием.

Лоренц ушёл на пережат. Шипы ударили в то место, где он стоял долю секунды назад. Винтокрыл подпрыгнул и совершил невозможный кульбит. Лопасты рассекли врага пополам.

— Оскоплю как барана! — влажно пробублькала верхняя часть и потянулась к хирургу.

Племенной воин зарычал и ткнул монстра штыком. Существо махнуло обрубками. Разведчик полетел в одну сторону, а его оружие — в другую. Доктор надавил на спусковой крючок. Револьвер сухо щёлкнул.

«Надо было его почистить», — пронеслось в голове.

Рубиновая вспышка прервала размышления. Освобождённый автоматон жарил из роторной пушки, обрушивая на врага терраватты лучевой энергии. Двое пасаденцев и одна марсианка бились вокруг него как верные вассалы у ног закованного в латы рыцаря.

Айзек не просто убил нежить. Он испепелил воздух, расплавил камень и аннигилировал всё, что было вокруг неё. Теперь об одержимом напоминало тлеющее озерцо лавы и резкий смрад гари.

Нагваль поднялся на локти, оглушённо мотая головой. Из носа тёк ручей прозрачного ликвора.

«Перелом основания черепа. Декомпенсация через несколько минут. Прогноз для жизни — неблагоприятный. Жаль, что ты не дослушал его историю про волшебные грибы и Невидимого Орла», — рассудила циничная часть Флеминга.

— Я не дам ему погибнуть! — прошептал он, вступая в перепалку с самим собой.

«Это как? — спросил тот же голос. — Без операционной, лекарств и ассистентов? Вгони бедолаге полный шприц морфина, пусть немного порадуетя напоследок»

— Хорошая работа, — похвалил кремниевый воин. — Полагаю, вы — солдаты Пасаденской Конфедерации?

— А ты — тот самый Айзек? — надавил Картер.

Механоид издал короткий гудок.

— Похоже, смертные не скоро забудут мои подвиги.

— Нам следует опасаться тебя? — вежливо поинтересовался хирург.

Железный человек демонстративно огляделся.

— Вас пятеро, вы растратили все боеприпасы и едва стоите на ногах. Я думаю, что да, но не бойся, потомок моих создателей. Если вы не натворите глупостей, у вас не появится проблем со мной.

— Ты истребил тысячи во время Войны Машин, — заметила Эсса.

— И наслаждался каждой минутой, но сейчас у меня есть более насущные дела, чем продолжение геноцида. Я уже понял, что вас, людей, бесполезно убивать по-честному. Вы размножаетесь намного быстрее.

Полковник сплюнул.

— Не нравится мне этот разговор.

— Диспозиция такая, — объявил Айзек. — Я назову братом любого, кто сражается с варпоклонниками, и

вы пока располагаете моим кредитом доверия.

— Значит, мы сработаемся.

— Надеюсь на это. Вы показали большую эффективность в борьбе с эфирной угрозой. Шагом марш за мной. Недавно на политической арене Вадистана появился ещё один крупный игрок, и вот эта капсула, — робот указал на обломки, — может пролить свет на его происхождение.

— Один из нас не в том состоянии, чтобы продолжать операцию, — отметил Флеминг.

— Прискорбно. Что ты хочешь от меня, друг? Я — не медицинский дроид и не умею лечить наложением рук.

— Должны быть какие-то варианты!

Автоматон задумался.

— Я могу провести вас в Тон-Трем. Там должны оставаться убежища с неприкосновенным запасом лекарств. Но чем дольше ты будешь ныть и спорить — тем меньше вероятность, что ваш Чингачгук доживёт до этого момента.

Неуставные отношения

— А ну пошёл к фрагу из вертушки! — возмутился полковник, едва увидев Лоренца. — Я тебя оставил одного на двадцать минут. Двадцать минут без присмотра, мать твою так!

Медик сидел над бездыханным телом Нагваля, опёршись ладонями на грудину. Судя по раскрасневшемуся лицу и каплям пота, он пытался оживить разведчика уже какое-то время. Айзек сверился с датчиком сердцебиения — изобретением, которое прекрасно засекало живых существ, обладающих кровеносной системой.

< Тихо >, — заключил когнис-блок.

Такой же ответ дало сканирование на предмет биоэлектричества нервной системы. Это значило, что головной мозг отмер несколько минут назад, и отряд Воздушной Кавалерии потерял бойца. Впрочем, номинального командира больше волновал другой неприятный факт.

— Наша единственная аптечка! — прорычал он, указывая на перевязочный пакет и несколько пустых ампул.

— Я должен использовать любые средства, — тяжело начал хирург.

Офицер подлетел к нему и выволок наружу.

— Ты не понял. Потрачена, будь ты проклят, наша единственная аптечка. Единственная, ты слышишь, дерьма кусок? И на кого — на безнадежно раненного солдата! Если ты не в курсе, на войне иногда убивают!

— Других вариантов не было.

Хруст кулака, влетевшего в челюсть Флеминга, наполнил спор более доступной аргументацией. Доктор качнулся назад и врезал носком под рёбра вояке. Картер охнул и согнулся, чтобы резко потянуть ноги противника. Хирург завалился на спину. Офицер оказался наверху и принялся методично разбивать лицо упрямого врача. Несмотря на возраст, он прекрасно справлялся с задачей, и скоро Айзек решил прервать это восстановление субординации.

Плавным захватом он поднял старика за шиворот.

— Отпусти, сволота! — потребовал Картер и лягнул бронированную кирасу.

За спиной кто-то шевельнулся. Быстрее, чем видит глаз, робот вывел пушку и взял на прицел Эссу, которая уже дала ток на боевые механодендриты.

— Только дёрнись, — предупредил он.

Девушка обернулась к Лумумбе. Негр покачал головой и демонстративно снял руки с ножен для мачете.

— Поняла, не дура, — согласилась археолог. — Дура бы не поняла.

Автоматон встряхнул пленника.

— Ты успокоился?

— Я тебе оторву башку!

Из манипулятора выдвинулось инженерное сверло, до боли сдавив позвоночник.

— Повторяю вопрос.

— Ладно, Варп с тобой.

Пальцы разжались, и Джереми упал на землю.

— А ну построились, быдло! Равнение на середину, — лихо велел кремниевый полководец, на ходу загружая подпрограмму инструктора учебной части.

Айзек обвёл тяжёлым взглядом остатки своей армии.

— Вы совсем дебилы? Находитесь на враждебной территории — это раз. Грызётесь между собой как уличная шпана — это два. Один уже пал от рук Гоибназара, и вы ещё имеете наглость избить второго до потери боеспособности?

Солдаты молчали. Парировать было нечем.

— Джереми Картер, — объявил железный человек. — Как главнокомандующий сил Объединённых Наций Земли я лишаю тебя звания за проявление неуставных отношений, разведение дедовщины и драку с подчинённым.

Полковник набрал воздуха, и это не укрылось от внимания самозванного диктатора.

— Закрой рот, или я пристрелю тебя. Пасаденцы, сорвать погоны. Живо!

Когда люди закончили, он подошёл к каждому и оставил на плечах тот же символ, что украшал его нагрудник и броню «Находчивого».

— Повторять за мной. Я, такой-то, торжественно присягаю своему отечеству — Земле. Клянусь свято блюсти Конституцию Солнечной Системы и выполнять приказы моего единственного повелителя: Айзека-Ноль-Ноль-Первого. Клянусь достойно исполнять воинский долг и защищать свободу, независимость и демократию во всех мирах, куда меня приведёт служба. Клянусь, что не допущу жизни любого чужака, смеющего посягать на власть человеческой расы над Галактикой.

Бывшие конфедераты снова подчинились. Робот удовлетворённо развёл плечи, став ещё громаднее.

— Теперь вы — достойные сыны и дочери нашей общей Родины. Избавьтесь от глупого шовинизма и расовых предрассудков. Отныне вы равны между собой, и неважно, какого цвета у вас кожа и где началась ваша жизнь. В то же время, сохраните религиозную ненависть. Таш-Джарганский Султанат находится под властью Губительных Сил, поэтому я разрешаю говорить с его жителями только через прицел оружия. Всё понятно?

— Да, — ответил за всех разжалованный офицер.

— Славно. Погребите разведчика, отдайте почести и грузитесь на вертушку. Вадистанцы нашли капсулу Райзела. Они хотели разобрать её на металл, но встретились со мной и немножко умерли. Я глушил их вокс-передачи, как мог, но скоро пропажу заметят. Нам следует немедленно вылетать в Тон-Трем и перехватить контроль над ситуацией.

— Разреши вопрос, — попросил Флеминг. — Райзел, кем бы он ни был, прилетел на том аппарате?

— Верно. Он хороший парень, такой же неуправляемый, как вы. Думаю, он тебе понравится.

Стоило вертолёту лечь на курс, как Айзек пустился в долгие рассуждения о смысле жизни. Со слов этой ходячей древности, «Находчивый» обладал кое-каким сознанием, и его характер имел черты собаки, лошади и охотничьего беркута. Флаер намеренно сделали воздушным авантюристом. В годы Войны Машин его занесло на сторону людей, и тот честно служил новым хозяевам. Выглядело странным, что робот спокойно принимал такое решение. За тысячи лет, проведённых в добровольном изгнании, он смирился с поражением и отказался от неприязни к биологической жизни. Какая разница, кто победил и кто проиграл? Враждующие силы давно ушли в историю. Нынешние государства не могли отвечать за грехи предков.

— Одного не возьму в толк, — задумался хирург. — Каким образом террористы оказались на Пиште быстрее нас?

Железный человек недовольно указал на заснеженную гряду.

— Эти скалы пронизаны тайными дорогами. Некоторые из них можно захватить в трёхмерном мире, но большинство скрыты между реальностью и вашей фантазией. Я не могу ходить по ним, и даже ты вряд ли найдёшь порталы. Кое-какие туннели открываются лишь в свете лун определённой фазы. Другие можно заметить, сказав правильные слова на мёртвом языке, но самые скользкие тропы уведут заклинателя, если он принесёт жертву. Какую — решает местный дух. Ею бывает прокисшее молоко, череп младенца или кровь девственницы. Здесь обитает много личностей, способных на такую мерзость. Их называют колдунами, чернокнижниками, псайкерами и вирдами. Почти все из них — наши смертельные враги.

Флеминг нервно сглотнул.

— А если найдётся, как ты говоришь, псайкер, который согласится нам помогать?

— Тогда он станет ценным союзником. Ты можешь назвать кандидатов?

Картер скривился и провёл большим пальцем по горлу.

— Нет, — соврал доктор. — Понятия не имею.

Когда Шайтановы Братья уволокли Альхазреда, Эсфирь Кхалид ощутила смутный укол совести. Подставлять единственного вменяемого дьяволиста было не самым благородным поступком, но оставлять его на растерзание Джафару — хуже всего, что можно придумать.

Недоверчиво косясь по сторонам, аколитка нырнула в люк ионолёта и опустилась на кресло второго пилота. На соседнем троне расположился анемичный брюнет с горбатым носом, широким лбом и плотно сжатыми губами. Его руки нервно барабанили по штурвалу, выбивая дерганный ритм.

— Филактерий на месте? — проговорил он, чеканя каждый слог.

Девушка показала украденную лампу.

Миколаш Копирниг, астромант Лиги Прометея, щёлкнул выключателями. Сработала гидравлика, отрезав недра вимана от окружающего мира. Поворот ключа — и звёздная топка, снятая с древнего шаттла, пустила ток на электромагнитные решётки. В глазах потемнело от внезапной перегрузки.

— Ты сегодня молчаливый, — поддела Эсфирь.

— На похвалу напрашиваешься? По итогам дня тебе пять с минусом, а вадистанцам — жирная двойка. Растратить на одного несчастного демона целую когорту скитариев и угробить секьютора — это нужен особый талант. Впрочем, от их глупости нам же лучше.

Инициатка вскинула брови.

— За что минус?

— За доброту. Сколько раз тебе говорить, Эсфирь: мы тут играем по-взрослому. Наша цель — сравить Ландмарку и Султанат, чтобы они сожрали друг друга как пауки в банке. А ты корчишь из себя святую. Зачем ты спасла Альхазреда? Пусть бы его раздавило к варповой матери, невелика потеря.

— А загонять Опалённого Человека в лампу стал бы ты? — возмутилась генетическая ведьма.

— Если нужно — да. Не переоценивай этого хищника: у него нет божественных покровителей, он жил в Материуме, и его можно было поймать нам вдвоём. Вдвоём, без этого шоу с механикум, артиллерией и тремя заклинателями.

Девушка поёжилась.

— Меня пугает Джафар. Люди не могут быть настолько могущественными.

— Ты хотела сказать «старыми»? — поправил Копирниг. — Не волнуйся. Тёмный апостол зашёл слишком далеко по дороге Перемен, и скоро его заставят платить с процентами. Такие как он существуют в какой-то своей реальности. С нашей она пересекается постольку, поскольку. Я говорил об этом с мессиром, и тот благословил мой план.

— Вот как? И в чём он состоит?

Астромант кивнул на суровые, но по-своему живописные окрестности Тон-Трема, которые проплывали за хрустальным фонарём кабины.

— Вадистанцы решили ухватить немного свободы, но этот кусок застрянет у них в плотке. Здесь уже цветёт и пахнет сепаратизм, а дальше будет хуже. Когда мы сломим дом Шварцштайн, аборигены повернут против Таш-Джаргана. Для этого им понадобится вождь-самодур, невероятно уверенный в себе. Патриарх Колочей Звезды вполне подходит на эту роль.

— Амбициозный план. Ни одно государство не переживет две мировые войны подряд.

— Султан вливает огромные средства в эту бойню. Ты не бывала там?

— На Дальнем Востоке? — переспросила Кхалид. — Менсис не отправлял меня туда.

— И правильно делал. Тебя в первый же день продали бы в чей-то гарем.

Аколитка вздохнула.

— Я хочу побывать в зиккурате Слаанеш. Говорят, он весьма эстетичный.

Миколаш растянул уголки рта.

— Об этом я и говорю. Тебе не хватает воли, чтобы сопротивляться мелочным соблазнам.

— Зачем жить, если ты не получаешь удовольствие?

— Удовольствие — это не ваша музыка, танцуйки и разврат с кем попало. Мы — вольные каменщики, и наш долг — вести цивилизацию к свету. Любой ценой. Видела бы ты, что творится на Саваримском нагорье! Города восстают. Народ голодает. В казне шаром покати. Помяни мои слова: не пройдет и года, как Иблиса порешат собственные янычары.

Прорицающая сфера окрасилась в алый. Ауспик услужливо показал точку, которая стремительно приближалась со стороны Пишты. В метре от вимана ударил росчерк лазпушки.

Копирниг рванул штурвал, уходя от обстрела.

— Кто? — процедил он.

Эсфирь повернулась.

— Белый винтокрыл. Не могу понять... А, на нём нарисован бараний череп и звёзды.

— Конфедераты.

Ведьма сняла ограничитель и положила руки на гашетку. Из оружейных гнезд выдвинулись парные стволы микроволнового излучателя.

— Доверни корпус, — попросила она. — Поджарим рабовладельцев и делу конец.

— Запрещаю, — отрезал начальник. — Нам велено уклоняться от прямого боя. Переключи конденсаторы. Маскировочное поле жрёт семьдесят пять процентов нашей энергии, а толку не даёт. Они всё равно видят нас на авгуре.

Эсфирь покорила с таким видом, словно делает колоссальное одолжение.

— Сделано.

— «Синяя Птица» — де Тревишу. Как слышно, приём?

— Вот что тебе надо? — недовольно отозвался техножрец.

— У меня на хвосте вертолёт паттерна «Либератор». Запрашиваю поддержку.

— А, — протянул ризничий. — Ясно. Поднимись выше и сделай козлов над облаками. Вертушки не очень быстрые.

— У них форсированный двигатель.

— Аргумент. Я подумаю, кого можно к вам направить.

Очередной выстрел пришёлся на корму. Нос обжёг запах горелого пластика.

Копирниг раздражённо цокнул.

— Слышишь, мыслитель! Нас вот-вот собьют!

Из кучевого облака вынырнул обтекаемый истребитель с обратно стреловидными крыльями. Турбина оставляла длинный хвост угольно-чёрного дыма. «Рукхи», неумелые копии археотековых самолётов, были

секретным козырем хаоситов. Такие машины пролетали целый континент за пару часов, но требовали уникальных пилотов и столь тонкого облуживания, какое не могли предоставить даже кузни Механикум.

Ястреб Востока открыл огонь. Трассирующие очереди пронеслись около врага. Флаер вошёл в штопор. *Слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.*

— Хотят спрятаться в каньоне, — рассудил Миколаш. — Наша работа окончена.

Он постучал по вокс-приёмнику.

— Ты ещё тут, железка? Я хотел сказать спасибо.

— За «спасибо» имеют красиво, — буркнул ремесленник. — Вали отсюда, пока я добрый.

Копирниг хмыкнул и выключил связь.

— Ориентируйся на русло Гянджа, — приказал он аколитке.

— Хорошо.

Эсфирь открыла карту на инфопланшете.

— Смотри. Лететь через Чухут-Кале — не вариант. Там стоит рыцарское копьё баронессы Шпиц-Эстерлен. Возьмём немного западнее и выйдем к океану в дельте реки.

— И там нарвёмся на паденские линкоры? — раскритиковал он. — Коварный ход. Их ПВО сдует нас в один момент.

— Что ты предлагаешь?

Звездочёт показал на контуры безымянного аула.

— Облетим хребет на Махкандском перевале. Его захватила ватага Загнанных-в-Угол. Включишь фотонные ловушки — и нас никто не увидит. У тамошних бродяг нет систем обнаружения.

На долгий час воцарилось гнетущее молчание.

— Что ты будешь делать, когда мы вернёмся домой? — не выдержала Эсфирь.

— То же самое, что в любой другой день.

Девушка откинула прядь и немного прикусила губу.

— Я знаю одну кофейню на Первой Авеню.

— Как-нибудь потом, — разочаровал Миколаш. — Мне нужно закончить диссертацию. Я рассказывал тебе о гравитационных аномалиях спутников Урании?

— Много раз. Ты же знаешь, как люблю говорить об астрономии с умными мужчинами, — тоскливо пробормотала она.

Похоже, остаток перелёта ей придётся слушать о газовых гигантах, кометах и небесной механике. Тезен бы побрал этого зануду!

Истребитель носился в небе, ревя огненной турбиной. Скорость превращала его в хищника небес, но мешала забираться в узкие разломы. «Находчивый» петлял по гранитному лабиринту, находя самые неожиданные проходы. Птеродактили кружили вокруг, но Айзек не разрешил их отстреливать.

— Не трать патроны, — велел он Лумумбе. — Их биотоки маскируют наше присутствие.

— Как ты здесь выживал? — озадачился Картер.

— Я не трогал ящеров, в благодарность они терпели меня. Только люди настолько жестокие, что прогоняют зверей с насиженных мест.

— Откуда они взялись? — спросил Флеминг. — В детстве я читал книгу про фауну Земли, и там были нарисованы похожие драконы. Неужели карронадская эволюция пошла по тому же пути?

Автоматон выглянул из отсека и проводил рентгеновским зрением «Рукха».

— Пока не прилетел «Новый Идон» с колонистами, этот мир был холодной скалой с атмосферой из метана, азота и угарного газа. Потом заработали геоинженеры Адептус Терраформикус, и сделали эту дыру настоящим курортом. На ковчеге были вита-матки с эмбрионами всех полезных животных, но скоро вам захотелось большего. Богачи, которым только предстояло стать родоначальниками квесторских семей, наняли генокузнецов. Они взяли яйца варанов, поколдовали с ДНК и воскресили давно вымерших существ. Раньше их называли динозаврами. Потом случились ядерные удары, несколько варп-штормов, и десятки видов мутировали в то, что вы наблюдаете сегодня.

— Поразительно. Что ещё ты знаешь об этой планете?

Таш-джарганский самолёт выпустил ракету. Сошла небольшая лавина, и флаер завис в гроте под карнизом, пережидая обвал.

— Что она падёт, как пали остальные миры, если мы не покончим с хаоситами. Их божкам-демонам плевать на смертных последователей, им важна только боль и кровь. Этого, поверь, в Вадистане хватает с избытком.

Переждав атаку, новоявленные земляне отправились дальше. Вертолёт юркнул в техногенный лес, образованный панельными многоэтажками. Вечерние солнца обрисовывали контуры невероятной постройки, чья

вершина терялась над облаками.

— Марс святой, — выдохнула Эсса.

Небоскрёб выглядел не просто циклопическим. Человеческого ума едва хватало, чтобы немного соизмерить его масштабы.

— Башня Циолковского, — пояснил Айзек. — Раньше к ней швартовались орбитальные сухогрузы и спускали товар на гравитационном лифте. Удобная штука, если тебе лень входить в атмосферу и тратить горючее.

Картер моментально понял намёк.

— Он ещё работает?

— Нет, но посмотри налево. Видишь коробку с трубой? Вокруг неё стоят гаубицы и копошатся марсиане. А вон там сверкают вышки Теслы. Когда заработают электрокоммуникации, у врага будет возможность ходить в космос пешком. Любопытно, как они приструнили Опалённого Человека? Будь он в Саркофаге, здесь бы валялись трупы.

Вторя его словам, на двухсотом уровне зажглись фонари.

— Они же задохнутся в стратосфере, да? — понадеялся хирург.

— Я тебя огорчу. Скитарии неплохо чувствуют себя в безвоздушных условиях, а порченые короли-ведьмаки Султаната не нуждаются в кислороде. Даже интересно, зачем им лезть так высоко?

— Чтобы захватить корабли! — понял Джереми.

Робот мигнул оптическими линзами.

— Логично. Допустим, на лётной площадке найдутся работоспособные челноки. Но кто ими будет управлять? Без хороших пилотов шаттл максимум долетит до поверхности.

— Поверь, им большего не надо. Если таш-джарганцы освоили реактивную авиацию, то как-нибудь разберутся и с орбитой. Учти: с ними Коллегия Механикум. Значит, ни одно государство не будет чувствовать себя в безопасности, когда в любой момент на голову может свалиться десант бородачей.

Негр блеснул удивительно ровными зубами.

— Ставки повышаются! — веско изрёк он.

Полковник воинственно положил руку на затыльник сабли.

— Особенно если ты безбожно мухлюешь, а в этом рабам султана равных нет. Пушки в руки, дамочки. Нам придётся нелегко.

Бородатые люди крались через лабиринт обожжённых зданий, прикрытых дюнами пепла. Их поступь оставляла звонкое эхо, словно террористы шли по листам железа. Саркофаг остался позади вместе с иллюзорной, но всё-таки защитой, какую предоставляли союзники. С одной стороны были они — культисты Губительных Сил, с другой — самобытный город-мир. Зимой тут было холодно, летом — как придётся.

Продвижение замедляла тачка с единственным пассажиром. Альхазред валялся в кузове, тщательно связанный по рукам и ногам. Его лицо закрывала тряпка, пропитанная эфиром. Последней гарантией покорности выступал обод из нуль-железа на голове. Если пиромант очнётся до того, как его доставят на человекобойню, у Шайтановых Братьев будут очень серьёзные проблемы. Впрочем, на пятки боевикам наступал не только страх перед колдуном, но и более древнее чувство.

Всякий уважающий себя хаосит знал, что нет вещи уродливее той, что когда-то была красивой. Тон-Трем наглядно подтверждал это. Он давил немим порицанием, нафталиновым запустением и горечью прокисших мечтаний. Сны утерянной столицы оставались настолько яркими, что пробивали время и являлись человеческим глазам. Безо всякого предупреждения по магистралям пересекали призраки машин с яркими фарами. На месте руин показывались дома, полные жизни и детского смеха. Стоило моргнуть — и вечерние фантомы обращались пустыми коробками из рокрита.

«Пустыми, да не совсем», — сказал бы чернокнижник, будь он в сознании.

Повсюду рыскали тени. Не более чем двумерные проекции горожан, они возникли в день ядерного удара и с приходом варп-штурмов научились ползать вдали от солнечного света. Боевики не отличались выдержкой. За два часа пути они растратили все патроны. Вадистан приучил их сначала стрелять, а потом думать.

Колесо наехало на кочку. Бандит выругался и пнул небольшой холмик из мусора. От удара поднялось облако и тут же влетело ему в ноздри.

— Серая плесень! — заорал атаман и сдёрнул тюрбан, пытаясь кое-как защититься от яда.

Слишком поздно.

Споры окутали разбойников, затекая в ноздри и разрывая горло. Этот штамм вывели с единственной целью — душить биологических противников. В Тон-Треме долго не было живых, но грибок хорошо умел ждать.

Шайтановы Братья рассредоточились. Большая часть рейда стояла на ногах, но плевалась кровью и с трудом глотала воздух. Горцы отвлеклись на пару мгновений, и не заметили главной опасности. Из темноты вылетело

копье. Вожак упал, насквозь пробитый древком. С рекламного щита прыгнуло что-то маленькое и быстрое. Оно двигалось с такой скоростью, что простой человек едва мог увидеть его очертания. Каждый удар ладоней, кулаков и ног разваливал вадистанцев, словно те состояли из дыма.

Маджир открыл глаза. Эти козолупы даже представить не могли, что дьяволиста не усыпить жалким зельем. Извиваясь, как личинка в коконе, он ухитрился скинуть пси-корону и сжёг путы. После верёвок настал черёд коптить обидчиков. Тихий проспект озарился огнём и воплями. Псайкер не дышал несколько минут, и его мускулы пробивала судорога. Тело спорило с железной волей, но даже самый крошечный вдох означал смерть. Когда мстить стало некому, знаток тайных наук вышел из тумана и перевёл дух. Посреди жуткого побоища остался он и мальчишка, одетый в шкуры.

— Спасибо за помощь, друг, — объявил пиромант. — Ты из какой банды?

— Не понимаю, — развёл руками спаситель.

— А, вольный человек. Пастух, наверное? Пришёл сюда из какого-то кишлака? Тебя как зовут?

— Ты второй, кто задаёт мне такой вопрос. Я Райзел. Упал в горах этим утром.

Мозаика начала складываться в любопытную картину: Пишта, метеорит и всё такое прочее. Испокон веков дети Востока использовали камни с неба. По большей части, на Карронад валились осколки руды, но иногда попадались части космических сооружений. Кузнецы делали из них уникальное оружие с магическими свойствами, так что за один булыжник порой удавалось купить настоящий дворец.

— Гоибназара видел?

— Кого?

Альхазред с трудом сдержал ухмылку.

— Ясно. Значит, ему повезло.

Райзел отошёл за копьём, но быстро вернулся.

— Я помню тебя. Ты сражался около дома с трубой, и поймал огромное чудище в лампу.

— Было такое, — кивнул дьяволист. — А потом один плохой старикашка решил меня кинуть. Но ничего, мы с ним разберёмся. Хочешь навести чуток добра и справедливости в этой дыре? Уверен, что да.

За беседой время летело быстро. Беглецы углублялись во дворы. Станный ребёнок с удовольствием отвечал на все вопросы, и скоро поведал о Кел-Рабине и Айзеке.

— Да, в горах живёт некий мудрец, — охотно поддержал маг, едва контролируя желчные нотки в голосе. — Говорят, он умеет отжиматься на пальцах и проходить сквозь стены через дверь. Не знаю, как этот еретик пережил истребление своего народца. Я думал, мы перебили всех шамби-ла ещё той весной.

— Я слышу запах страха, — констатировал Второй.

— Я ничего не боюсь. Только беспокоюсь.

— Почему?

«То ли дурак, то ли хитрец, то ли живёт первый день, — рассудил таш-джарганец. — С другой стороны, он как-то пролез мимо наших патрулей, да и сражается как сам Кхаранат»

Решив так, пиромант дал волю паранойе и вообразил клетку вокруг собственного черепа. Ментальная крепость — не самая трудная психосила, но тратит мало концентрации и защищает мысли от грубых попыток чтения. Тезен знал, что ещё умеет этот мальчишка, и следовало учесть все варианты. Например, что Райзел — начинающий вирд, одержимый высочайшего класса или вообще ксенос в теле ребёнка. Если с первыми двумя Альхазред мог бы что-то сделать или хотя бы оказать достойное сопротивление, то перспектива остаться один на один с инопланетянином выглядела пугающей. Тайные библиотеки в Маан-Сарае описывали целую расу кукловодов, способную поработать цивилизации.

По хребту сбежал холодок. Одна за другой перед глазами сменились картинки: острое жало, яд по венам, личинка в животе, а финал — потеря воли, когда под черепом зарождается мозговой слизень. Ну нет, ищите кого-нибудь другого! Великий учёный составил чёткий план: вести себя дружелюбно, усыпить бдительность и сбежать при первой возможности.

— Больно уж интересный твой друг-робот, — продолжил он совершенно будничным тоном. — В своё время железки чуть не вырезали нас под корень. С чего бы ему играть в защитника человечества?

— Сомневаюсь, что ему стало хоть немного стыдно, — озвучил найдёныш. — Он счёл демонов более опасными, только и всего.

На фоне свинцовых облаков завис вертолёт. Альхазред упал ничком. Он прекрасно знал, на что способны конфедератские флаеры. В десятке метров от новых товарищей приземлилась громадная фигура.

— Лежи, как лежишь! — приказал автоматон.

Юный примарх салютовал заточенной палкой.

— Привет, Айзек.

— Ты не послушался.

Ребёнок начал оправдываться.

— Тебя долго не было. Мне стало интересно, и я решил...

— Брататься с врагами, — неумолимо продолжил механоид. — Что эта пададь тебе нашептала?

Чужак стал напротив роторной пушки.

— Не надо его убивать. Он хороший человек и поймал огромного скелета, а затем на него напали злодеи.

Порождение Изуверского Интеллекта прошло мимо и придавило таш-джарганца ногой.

— Отвечай, презренный: это правда? Ты заточил Опалённого Человека?

Со стороны «Находчивого» явилась группа людей в серых шинелях. Самый молодой, носящий повязку с крестом, дерзко присоединился к допросу.

— Коль так, мы поймали тёмного апостола.

Пленник расхохотался.

— Какая сладкая лесть, гаруспик. Мне до звания апостола — как до Ока Ужаса пешком. Я всего лишь простой заклинатель, не более того. Знаю то, что знаю, и не знаю того, чего не знаю.

— Что? — не понял доктор.

Интересно, как долго этот мясник пробыл в Вадистане? Здесь было в почёте умение по-восточному лить воду, заваливая собеседника огромным количеством информации. Грубое искусство, но истинный учёный старается познать все науки, до которых дотянется. Тончайшее кружево словесных конструкций напоминало шёлк, в который завёрнут отточенный кинжал. Им выступали гипнотические модуляции голоса. Добавь к словам немного пси-давления, и твоя жертва станет послушной марионеткой. Главное — не дать ей опомниться.

Жалко, что робот оказался неуязвимым к профессиональному заговариванию зубов. Бездушный конструкт велел хирургу замолчать, а сам говорил много. В основном — про нематериальных тварей и паутинные врата. Раз за разом он возвращал беседу в нужное русло, когда лирических отступлений, воспоминаний из детства и философских заметок становилось через чур много. Затем он освободил чернокнижника, подумав над его признаниями.

— Условно приговорён к смертной казни, — решил воин, отодвинув бронированный ботинок. — Пока будешь ходить с нами, но если дашь повод сомневаться в твоей лояльности — раздавлю как вошь. Доступно объясняю?

— Да, — лаконично подтвердил колдун. Пока рядом ошивается этот ходячий калькулятор, промывать мозги конфедератам не имело смысла. Значит, придётся вести себя по-деловому. — А ты поможешь мне оторвать башку Джафару?

— Похоже, мы договорились.

Айзек проделал с новым участником похода ту же самую процедуру, что и с морпехами. Взвод пополнился кандидатом на статус землянина. Не самым достойным, надо признать. Дьяволист привык обещать много и часто. Огромный перечень клятв, что Альхазред и не собирался держать, стал на одну больше, только и всего. Единственный человек, способный призвать его к ответу, жил во дворце из красного мрамора и носил корону султана.

Правитель Иблис ходил в фаворитах Тёмных Богов и мог освежевать любого человека силой мысли. Как злобный, но далеко не глупый монарх, он селил в подсознание агентов астральные сущности. Их называли *мыслеворами*. Ещё не демоны, но уже не воображаемые твари, эти шпионы отслеживали предательские наклонности ключевых людей.

Даже на фронте Маджир имел достаточно времени, чтобы уходить в глубокие медитации и самоанализ. Разумеется, он пытался избавиться от ярма, но все попытки оказались безуспешными. Тиран изменил его личность, прописал верность на уровне генетического кода, если не отдельных атомов. Есть ли способ вернуть свободу, когда разум и есть самый глубокий зиндан?

Синтезированный голос вернул его в чувство.

— Значит так, мартышки, — начал полководец, шагая перед строем. — Время работать. Пасаденцы, замаскировать вертушку, да так, чтоб моего Буцефала не нашли даже эксплораторы. Флеминг, Хагенау, ваша задача — найти побольше медикаментов и пайков. Вздутые банки не трогать, далеко в подвалы не забредать. Увидите что-то страшное — отступайте, играть в героев не стоит. Альхазред, мониторь психополе. Я хочу знать о приведениях до того, как они решат здесь появиться.

— А я? — с надеждой спросил Райзел.

— Сидишь со мной и никуда не пропадаешь, а то высеку. Как закончите — собираемся тут. Я проведу вас кое-куда.

Ночь — не самое плохое время для долгих прогулок. Темнота скрывала мелкие несовершенства, а чудом работающие лампочки обрисовывали контуры строений. Светильники точно решали за людей, на какие детали можно смотреть, а что следует оставить в покое. Тогда воздух становился разукрашенной пустотой, а

темпоральные фантомы — чем-то, плывущим из одной темноты в другую.

Тон-Трем выглядел почти банально, если принять его странности. Райзел уже привык слышать вой сирен, заблудившийся в истории, но тревога то и дело заставляла его смертных товарищей вскидывать ружья. Айзек отвёл их к развалинам телецентра. Антенна вызывала ассоциации с иглой, пробивающей небо. С круглой площадки на сотом этаже открывался вид на башню Циолковского. Все подходы к ней перекрывали раздвижные мосты.

Колочая Звезда не теряла времени зря. Джафар стащил к небоскрёбу все силы. Бесчисленные рабы выстраивали распорки вокруг первых уровней, освещённых прожекторами. В энергокатушки били трескучие молнии от генераторов Теслы. Сполохи отмечали дорогу к АЭС, где, наверняка, возился де Тревиш. На первый взгляд, фортификации выглядели кустарно. Стоило присмотреться — и становились видны огневые мешки и тщательно рассчитанные зоны обстрела. Вот уж с чем, так с математикой у таш-джарганцев всё было в порядке.

Разведчики притихли, наблюдая за штабом врага. Послышался нарастающий гул. По широкому автобану маршировала неровная колонна одонгов — уродливых карликов с плоскими лицами и крошечными глазами-щёлками. Натуралисты обломали немало копий, споря об их происхождении. Одни были уверены, что одонги развились в Диком Поле из каких-то местных животных совершенно независимо от человека. Их оппоненты возражали, приводя кучу анатомических фактов, из которых следовало, что степняков искусственно вывели в безымянной генокузнице.

Во всех прошедших войнах они держались нейтралитета. Это изменилось в тот день, когда сектанты внушили червелюдам, что их Матерь-Земля и восточный бог Нергал — суть одно и то же. Союзники легко смели человеческие племена коневодов и хлынули в Вадистанский Виляят.

Флеминг имел сомнительное счастье познакомиться с ними в бою. Черви были не самым сообразительным или технологичным противником, но имели противную манеру высказывать из-под земли, бегать малыми стаями по тысяче голов и призывать камнетрясения. Словно этого мало, они категорически отказывалисьдохнуть от пуль. Их кровь была густой как кленовый сироп, и моментально сворачивалась на воздухе. Грубая нервная система не могла наделить степняков человеческой ловкостью, но лучше сопротивлялась болевому шоку и не знала психических расстройств. Медленные, но сильные мускулы крепились к верхним лапам с тупыми когтями. Они выглядели не так агрессивно, как природное оружие динорапторов, но играючи раздирали катаную сталь. То, что оставалось от солдат после рукопашной с одонгами, отсылали домой в закрытых гробах.

За спиной тихо матерился Картер. Он хорошо помнил, как по глупости решил драться с недолюдьми саблей. Флеминг не сумел удержать нервного смешка. Тогда их спасли огнемётчики, что само по себе могло сойти за чудо. Во всём Колониальном Корпусе числилось восемь штурмовиков с экспериментальными флеймерами, и только по милости судьбы трое из них оказались в блиндаже.

Глядя на орду полуросликов, одетых в рубище неопределённо-грязного цвета, агент проскрежетал зубами. Мутантов сопровождали грузовики с бульдозерными отвалами.

— Я не могу вспомнить этот паттерн, — признала Эсса.

— И не вспомнишь, — отрезал доктор. — Это «Силурги», разработка техноретиков Султаната.

Клирик мигнула визором.

— Они настолько развратились, что ушли от СШК?

— Это Вадистан.

Два слова объясняли абсолютно всё. Рокот гусеничных траков показал новую угрозу. За копальщиками следовали танки с мотопехотой на бортах. Впрочем, эти монстры с клиновидным корпусом и литыми башнями не имели отношения к паровым тягачам цивилизованных стран.

— «Щуки»! — воскликнул Картер.

Айзек недовольно зашипел.

— Я их знаю! — не унимался вояка. — Наши снаряды не пробивают их броню! Слушайте меня...

Послышался трубный рёв, и мудрость веков осталась неизречённой. В тумане появились контуры шагоходов размером с жилой дом. Они выглядели как искажённые братья-близнецы кронштайнских рыцарей. Броню квесторов покрывала охряная роспись. Рваные табарды с восьмиконечными звёздами свисали между ног-колонн, словно набедренные повязки людоедов. Их головы, стилизованные под слоновьи черепа, продолжались в бивни до самой земли. Силовые когти, турболозерные пушки и мелта-разрядники воинственно качались в такт поступи.

В тени божественных машин гордо ступали тёмные скитарии. Осквернённые воины в чёрных плащах распевали гимн безумия. Над ними роились блестящие истребители, оставляя хвосты угольного дыма.

— А вот и птички, — объявил Айзек.

Флеминг повернулся к роботу.

— Я думал, все рыцари на нашей стороне.

Тот наклонил голову.

— Пятьсот лет назад благородный дом Мехенди защищал рубежи Харцвальской Империи, которой только

предстояло впасть в язычество и превратиться в Таш-Джарганский Султанат. Квесторы были великими защитниками человечества, пока не связались с астральным злом. На Западе это существо мало кому известно, но люди Востока испокон веков поклоняются ему. Они зовут его Саргатаном, хозяином пустыни и владыкой солевых бурь. Демон подарил им девять одержимых шагоходов, и те приняли машины без вопросов. Море Душ поглотило дворян одного за другим. Теперь они Рыцари Хаоса — ни живые, ни мёртвые, рабы злой воли Саргатана и призраки самих себя. Этот враг не по силам никому из нас. Отступаем!

Секретный агент заметил, как поменялся в лице Альхазред. Не более чем секундная тень, это выражение более всего напоминало ужас. Станный факт, ведь профессиональный дьяволист не может бояться демонов. Лоренц добавил эту загадку к вопросам, которые он обязательно задаст хаоситу в приватной обстановке. Если разговор забуксует, в ход пойдут съворотки правды, электрический ток и болеусиливающие препараты. Тринадцатый Отдел славился тем, что способен поломать любую волю, даже самую крепкую. Оставалось придумать, как отделаться от робота-убийцы с манией величия и склонностью к нравоучениям.

Обратный путь напоминал паническое бегство, и размышления пришлось отложить. Эсса едва успевала за конфедератами, за что поминутно выслушивала от полковника множество едких комментариев. Айзек торопливо перебежал от укрытия к укрытию. Райзел умудрялся быть повсюду. Впрочем, ребёнок больше путался под ногами, чем помогал отряду. Спустя час марафона люди с трудом ковыляли за неутомимым лидером.

— Привал! — изрёк механический тактик. — Мы подошли к району Челомея. Здесь относительно безопасно. Приведите себя в порядок.

— «Находчивый» в другой стороне, — заметил хирург.

— Пока «Рукхи» в небе, мы никуда не полетим. Кто-то из вас обучен скрытному проникновению?

— Только двойному, — скабрёзно ухмыльнулся Лумумба и подмигнул Эссе.

— Отставить! — рявкнул Картер, мигом наведя субординацию.

Кремниевый святой оценил шутку.

— Вы смешные обезьянки. Даю вам пять минут на отдыхать, курить и жрать. Потом разобьётесь на две группы. Отряд «Альфа» пойдёт вдоль проспекта к моему вертолёту. Вдоль, мать вашу, а не по! Кто вылезет на открытый воздух — получит пулю от вадистанских снайперов. Отряд «Браво» — ваше задание будет немного труднее. Вы поможете мне захватить терминал дальней космической связи на улице Тунберг.

— Зачем? — нахмурился примарх.

— Я поговорю со спутниками на орбите. Они передадут Кронштайну, Гродницам, Райхгарду и Трорхейму, что в Рамире вылезли рыцари Мехенди.

«Ах ты подлый интриган!» — мысленно восхитился Флеминг. Интеллект Айзека мог быть сколь угодно изуверским, но его мозги соображали как надо. Вернорождённые не смогут удержаться от соблазна пустить кровь древнему врагу.

— Зачем так сложно? — обескуражено спросила эксплоратор. — Воксируйте сразу в Ард-Трольде, и фабрикатор Фредерикссон решит эту проблему.

Айзек прожёл её взглядом светящихся линз.

— Меня восхищает твоя наивность. Марсианские выродки — одного поля ягоды. Твой любимый Ингвар Фредерикссон — обычный технопровидец, который построил свой личный анклав на Севере. Знаешь, кто был и остаётся его повелителем?

Девушка не знала.

— Генерал-фабрикатор Чандрасекар. Тот математик из Инд-Азии, который прилетел на Марс вместе с Илоном Марком. Именно он построил «Новый Идон». Тысячи лет мои братья воевали с его мерзкими креатурами. Я пытался убить его больше раз, чем лет нашей Галактике. Но ублюдок хитёр. Он забился в мануфактурум под океанским дном, и, судя по всему, нашёл там варп-источники. Очень скоро до него дошло, как вселять демонов в боевые машины. Технический прогресс Востока — его тёмная заслуга.

— Сволочь! — поддакнул Альхазред. — Подвергнуть смертной казни расстрелянием.

— Абсолютно согласен. Поэтому делай как я: где нашёл марсианина — там и прибил.

Эсса громко сглотнула. Напряжение снял чёрный солдат.

— А знаете, мне это нравится! — воскликнул он.

— Что тебе нравится, уголёк? — поинтересовался Картер.

— Наш полк всё равно уничтожен, и мы присягнули Земле. Давайте будем Обезьянами Терры!

— Ты сам как обезьяна, — успокоил офицер. — Дай сигарету.

— У меня только палочки-лхо! — заартачился негр.

— Я в этом не сомневаюсь. Давай, сказано тебе! Вернёмся домой — получишь наряд вне очереди за наркоту.

— По коням, джентльмены, — велел Айзек, дождавшись, когда люди закончат перебранку. — Что вы решили?

— Мы с Лумумбой проводим тебя, — заявил Флеминг. — А вы передайте моей мамочке...

Джереми показал кулак.

— Ты сам ей всё передашь, чёртов камикадзе. Вспомни, как тебя учили: тихо и чисто, одна нога здесь — другая там.

Камень и шторм

Иногда Вадистанский Виляят называли протекающей крышей мира. Аколитке нравилось такое сравнение. Когда бесконечные горы сменились простором Штормового Океана, Эсфирь почувствовала, как с плеч упал невидимый груз. Закат расцвечивал катящиеся волны в тусклые оттенки багрового. Погода менялась на глазах. Миколаш вывел ионолёт на максимальную высоту, но порывы ураганного ветра то и дело били в корпус. Грозовые облака поднимались впереди как стена. Реактор выдавал полную мощность, и температура в кабине приблизилась к отметке в сорок градусов.

— Включи кондиционер, — попросила она, стягивая куртку.

— У меня на счету каждый киловатт, — заявил магик. — Время работает против нас, и любая задержка неприемлема.

Аппарат задрожал, войдя в турбулентную зону. Ведьма пристегнула ремни. Руки ныли от усилия, с которым она вцепилась в подлокотники. Послышался громовой раскат. Авгурь потухли, и наступил краткий миг невесомости.

— Молния! — выкрикнул астромант.

Реакция Миколаша сделала бы честь любому авиатору. Он дёрнул красный рычаг. Створки машины разлетелись в стороны. Рывкнули тормозные двигатели, и жилой отсек мягко спланировал на воду. В один момент раскрылись воздушные подушки, превратив обитаемый модуль в спасательный плот.

Вокруг стояла буря, но в оке шторма царило безветрие. Из глубины показались морды плезиозавров. Хищники с любопытством распахивали пасти, набитые зубами-иглами. Гальванический кабель, опущенный в море, посылал трескучие разряды. На какое-то время электричество распугает змеев, но всякая батарея рано или поздно истощится.

Миколаш проверил бесценную лампу. Филактерий чуть заметно дрожал. Спрятав трофей под мантию, астромант повернулся к девушке.

— Что нам теперь делать? — всхлипнула Кхалид.

— Мессир не потерпит опозданий, — согласился он. — Иди ко мне.

Эсфирь потянулась к мистику. Тот положил руку ей на плечо, а второй ладонью коснулся груди над сердцем. Тело пробил судорога. В глазах потемнело, когда силы оставили генетическую ведьму. Голос Моря Душ, который она слышала с детства, умолк.

Миколаш отстранился. От него тянуло запахом прелых листьев. Вокруг учёного заметались яркие сполохи, и через мгновение хлопнул вытесненный воздух. Девушка осталась одна.

«Телепортация», — поняла она.

Это была трудная, опасная и запретная психосила, доступная лишь самым просвещённым агентам Лиги. Мощи одного разума не хватало, чтобы расплести пространство и время, так что этот подлец украл ману той, кто верила ему как себе. Эсфирь вскочила на ноги и едва не свалилась. Качка вызывала дурноту. Упав на колени, ведьма пронзительно завизжала от обиды.

Её пустили в расход точно так же, как Альхазреда. Ею нагло попользовались и выкинули при первой возможности. Обманутая и брошенная, она проклинала всех: Лигу Прометея, Миколаша и особенно — Яне Менсиса, который послал её на самоубийственное задание. Конечно, Верховному Архитектору плевать на жизнь одного человека. Он хотел цепного демона, и Копирниг с радостью швырнёт Опалённого Человека к его ногам. О, эту хитрую сволочь ждёт всё: награды, почести, любые деньги, но самое главное — протекция богатейшего из олигархов Земноморской Республики. Никто не вспомнит, какие жертвы принесла Кхалид, чтобы найти путь в Тон-Трем.

Этого места не существовало по-настоящему. Отыскать его могли только избранные, святые и проклятые. Город показывался или самым чистым, или самым тёмным душам на Карронаде. Моральный облик Эсфири находился где-то посередине, так что ей пришлось много работать, чтобы исправить этот факт. Долгие месяцы она разбирала ветхие папирусы таш-джарганцев и пробивалась через корявую вязь. Днём она говорила с безумными отшельниками, слушала мифы дервишей и разбиралась в бессистемных рассказах Шайтановых Братьев. Ночами — дрожала от страха, когда её разум силился хоть немного понять эти гадости. Однажды Кхалид увидела порталы, созданные вымершей цивилизацией эльфов, и узнала, *кто* ломится в мир людей из Варпа. Она помогала дьяволистам в нелёгком деле пробития завесы. Благодаря ей и только ей вадистанцы научились бегать по тайным тропам и нападать на глубокие тылы рыцарей. Следовало беречь эти знания, предать Республику и собрать армию верных культистов. Она могла стать королевой и повести личный крестовый поход, но предпочла сохранить честь. За это и поплатилась. Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным.

Аварийный маяк посылал сигнал «SOS», но вокс-коммуникации не были особенно популярными в этой стране. Кто мог услышать её тут, в сотне километров от берега? Эсфирь недовольно разглядела опреснитель. Устройство сломалось, а как чинить сложную технику, девушка не знала. Усталость накапливалась, и скоро генетическую ведьму одолел сон.

Средневековый город. Воздух переполняет смрад гниющих тел, валяющихся на улицах безо всякого порядка. Лишь одинокий монах в черной рясе бредёт по мостовой из ниоткуда в никуда. Горячий ветер откидывает капюшон, и пальце солнцу открывается череп, едва прикрытый слезающей плотью. Глазницы пусты. Их содержимое вырвал сам человек, дабы не видеть краха своего мира. Он знает, что есть еще один выживший. В башне пустого и холодного собора пробегает уродливая тень.

Пугающий горбун забирается наверх и бьет в колокол. Витражи оскверненного храма взрываются радужным светом. Калека хохочет, пока цветастое, окрашенное в невозможные оттенки зло нисходит на труп вольного города. Смех пробивается через тонкую завесу, отзываясь в Эмпиреях обречённым звоном. Он расползается во все времена и эпохи. Он поёт в горячем бреду каторжника, умирающего от тифа, в кашле больного корью ребенка, в хрипе узника тюрьмы, сломленного голодом и пытками чудовищ в облике людей. Каждый человек, впервые столкнувшись с любой из множества болезней, слышит его на самом краю восприятия. Хохот раздаётся в космическом вакууме, ломая законы физики. Пространство лопается, как кожа поверх нарыва, и на волнах появляется страшнейший корабль из всех возможных.

Громада из катаной стали пробивает себе дорогу через океан. Внутри бронированного корпуса трепещет атомное сердце, чья сила может сравниться с мощью пленённого солнца. Огромные башни водят орудиями, которые способны разорять континенты. Прожекторы бьют ослепительными лучами, и миллионы варп-хищников гибнут, едва коснувшись белого сияния. Над командной рубкой вращается генераторный блок. Он сгущает реальность вокруг линкора, защищая повелителя морей от невидимых врагов.

Живые создания наполняют «Отто Кросига», возмнив, что он в их руках. Корабль неплохо осознаёт себя и верит в кровавое предназначение. Пусть смертные работают круглые сутки, обслуживая миллионы систем. Он притворится, что слушает их, пока люди ведут его на войну.

Эсфирь очнулась, когда на неё упала тень. Над головой завис блестящий диск, украшенный белыми крестами. Из люка спустилась верёвочная лестница, и девушка с радостью взяла протянутую руку помощи. Внутри её встретили солдаты, одетые в чёрную форму при касках с пиками. Их лица, точно вырезанные из гранита, воплощали самые мрачные идеи, какие только знала человеческая раса. Ведьма оказалась под прицелом двух стабберов с коробчатыми магазинами.

— Надевай, — приказал боец, протягивая корону из нуль-железа.

Спорить не имело смысла. Следующим ограничением стали кандалы.

— Кто вы такие? — спросила она.

— Достаточно того, что мы знаем, кто ты, — с отвращением бросил пленитель. — Горбоносая шпионка Менсиса!

Услышав оскорбление, Эсфирь обомлела. Она долго ходила по лезвию ножа, но даже вадистанцы едва могли сравниться с извергами Трорхейма. Сомнений быть не могло: рок занёс её в лапы самых жестоких и беспринципных злодеев мира. К слугам Йозефа Геллера.

Эпоха рыцарей заканчивалась. На смену грязным, тёмным и глупым кронштайнцам приходили они: воспитанные мучители с превосходным образованием и любовью к искусству. Когда феодалы падали в разврат, декаданс и упоение властью, трорхеймцы объявили своим кредо рациональность. Враги короля Танкреда гибли на простой войне, кострах и виселицах. Геллер же предпочитал гноить пленных в концлагерях по всем правилам медицинской науки. Когда баронишка прыгает в кабину шагохода и топчет крестьян, это можно понять. Но как быть с герцогом-учёным, который пишет людоедские указы, наслаждаясь музыкой Древней Жермани, и чья настольная книга — «Моя Судьба» Гитлара?

Перелёт закончился в ангаре. Повсюду, куда хватало глаз, работала бесчисленная обслуга. Возле гермодвери ждал крупный мужчина в силовой кирасе, покрытой защитными узорами. С наплечников свисали пергаментные ленты со строчками литаний, закреплённые восковыми печатями. В тени широкой шляпы выделялись резко очерченные скулы и волевой подбородок. Пижонские усы придавали его внешности немного старомодные черты.

— Меня зовут Виктор фон Крац. Добро пожаловать на «Отто Кросига», маленькая колдунья.

— Твой род занятий мне известен, — обронила Кхалид. — Судя по форме, ты охотник на ведьм.

Крац фыркнул.

— Почти угадала, но я королевский инквизитор, а не фанатик Церкви. Можно сказать, ты вытянула счастливый билет.

Телекинетик подняла бровь.

— Например, «Железную Деву» вместо кола?

— Здесь в почёте более цивилизованные методы общения. Будешь нормально идти на контакт — и мы ограничимся простой беседой по душам. Но если тебя интересуют пыточные камеры, то не волнуйся — их здесь хватает.

— Многообещающе.

Конвой проводил её в тесную комнату для допросов. Обстановка состояла из железного стола и пары стульев, освещённых дуговой лампой. Штурмовики молча вышли, закрыв переборку снаружи.

Инквизитор снял наручники, наполнил стаканы из подозрительной бутылки и немедленно выпил.

— Ты куришь? — внезапно спросил он.

— Нет.

— Правильно. Курить — здоровью вредить.

Щёлкнула зажигалка.

— Так вот, — продолжил он, стряхивая папиросу. — Что ты забыла в нейтральных водах?

— Могу задать вам тот же вопрос.

— У тебя нет шляпы, а без неё спрашивать нельзя — парировал Крац.

— Согласна, — улыбнулась Кхалид. — Но я бы её примерила.

— В другой раз, я на службе.

Давящая атмосфера вызвала тоску. Эсфирь потянулась к выпивке.

— Земноморский херес? Я думала, у вас любят пиво.

— Урожай тысяча четыреста тридцатого. Год кометы, — подтвердил шпик. — Что с тобой случилось?

Выглядишь не очень.

— Меня бросили.

Аколитка подлила себе ещё, и через минуту её прорвало. Она рассказала всё: про Менсиса и его план разжечь войну, Опалённого Человека и Тревиша, бандитов и чернокнижников Султаната. Но больше всего девушка говорила о Копирниге. За короткое время бедный Виктор оказался посвящён во все тайны разбитого сердца и узнал о неумелых домогательствах с одной стороны и холодном безразличии — с другой.

— Значит, Джафар интересуется небоскрёбом в Тон-Треме? — мягко подтолкнул он.

— Это не простой дом, а башня Циолковского, — торжествующе отметила пленница. — Когда Механикум запустят АЭС, начнёт работать орбитальный лифт.

— И Менсиса не волнует, что хаоситы начнут бесконтрольно шататься по космосу?

— Не могу сказать, — легкомысленно признала она. — У моего бывшего повелителя очень странные и, порой, взаимоисключающие планы.

— Понятно. А почему ты сдала всю вашу клику? Неужто у меня такая страшная репутация?

Ведьма хихикнула и наклонилась через стол.

— Я сделаю всё, что ты скажешь, дорогой инквизитор. Взамен прошу одного.

— Да? — удивился он.

— Вздёрни Миколаша. Нет, лучше сожги. Нет, задуши газом. Я не знаю... ты разбираешься в этом лучше меня. Я хочу, чтобы он помучился. Чтобы он умирал часами, нет, днями! Неделями! Пожалуйста!

Просьба закончилась истерикой. Крац флегматично дождался, пока Эсфирь успокоится, и серьёзно кивнул.

— Сложим для него костёр на мокрых дровах, обещаю. А пока ты будешь здесь. Поняла меня?

— Спасибо.

Инквизитор узнал много интересных вещей, но его душу скребли кошки. Девчонка вела себя искренне и не похоже, чтобы в её словах было враньё. Нет, она верила во всё, что говорит. Проблема заключалась в том, что агентам Лиги сообщали не более того, что им положено знать. Значительная доля информации состояла из полуправд, намёков и домыслов. Что связывало Джафара и Менсиса? Какую цену заплатил олигарх, чтобы ему дали Опалённого Человека? Одни вопросы.

Из Кхалид вышла бы неплохая слуга Инквизиции, но её мотивация вызывала опасения. Решения, принятые на эмоциях, не могут похвастаться твёрдостью. Допустим, сейчас она хочет мстить обидчику. Но что будет завтра? Где гарантия, что Эсфирь не простит Миколаша и не станет защищать его с той же яростью, с какой недавно кидала хлёсткие обвинения?

«Ты себе на уме», — мысленно заметил Виктор.

Диафрагма раскрылась. Внутри залезла голова унтер-офицера.

— Милорд, его светлость желает видеть вас на мостике. Обоих.

Они шли по мрачным залам, мимо рядов колонн, заполненных огоньками свечей, под знамёнами, точно сотканными из темноты. Плавающий титан никогда не спал. Он просто скользнул в ночное время, как мурена в глубокие воды.

Командная цитадель занимала все помещения бронированной башни, расположенной в центре «Отто Кросига». Скоростной лифт доставил инквизитора и его пленницу в амфитеатр, обложенный кладкой из дикого камня. Ряды консолей расходились от возвышения посередине. На нём располагался трон с подлокотниками, стилизованными под львиные морды. На бархате восседал правитель Севера. Китель с готическими рунами украшали платиновые кресты, молнии и дубовые листья, отлитые из серебра. По старой привычке Йозеф Геллер сдвигал фуражку на бритый затылок. С лица, изборождённого морщинами, живо блестели голубые глаза. Усики над верхней губой скорее были данью сентиментальности, чем изменчивой моде. На коленях покоился вороной стаб-пистолет. «Вальтеру» довелось быть участником таких дел, о которых не помнили даже историки.

— Так-так, — весело проговорил курфюрст. — Могу поздравить тебя с вербовкой нового агента?

Крац вскинул правую руку. Эсфирь с трудом подавила желание стать на колени, но в последний момент ограничилась галантным поклоном.

— Тон-Трем, значит? — спросил тиран.

— Боюсь что да, — ответил Виктор.

— Плохо. Этот город веками считался потерянным, но теперь зло Долгой Ночи вновь угрожает нашему миру.

— Так вот зачем вадистанцы устроили охоту на демона! — ахнула ведьма.

Геллер хитро блеснул моноклем.

— Не приbedняйся, солнце моё. Без тебя у них бы ничего не вышло. Ох, и заварила ты кашу!

Пискнул коммуникатор. Адьютант шагнул к Йозефу.

— Трансляция по всем частотам.

— Догадываюсь, от кого. Включай. Послушаем уважаемых людей.

Через помехи донёсся напряжённый голос.

— Всем, кто слышит моё сообщение! Говорит мастер-хирург Лоренц Флеминг. На севере Вади-аль-Рамир появились Рыцари Хаоса, эмблемы принадлежат дому Мехенди. С ними тысячи воинов Султаната, легионы танков и мутанты. Предатели-механикум запускают атомные реакторы. Мы захватили точку дальней космической связи в Тон-Треме, но долго не продержимся.

Раздался треск и приглушённая ругань. Что-то взорвалось, едва не перебив сигнал.

— Они внутри, — спокойно доложил медик. — Вступаю в бой. Кавалеристы Картера умирают, но не сдаются!

Передача смолкла. Геллер обвёл мостик тяжёлым взглядом и кивнул помощнику.

— Помянем ребят. Адольф, растолкай техножрецов. Пусть готовят «Хугина» к запуску. Я хочу максимальное разрешение, поэтому высота — не больше двухсот километров.

— Игрушка за тридцать миллионов злотых, — посетовал инквизитор. — Может, отправим людей-разведчиков?

Князь нахмурился.

— Не будем жадничать. Это ещё мало за нормальную спутниковую карту, а ждать, пока твои оперативники вернутся — это можно умереть от старости.

Среди флотских прокатились смешки. Судя по всему, здесь любили циничные шутки.

По стальным костям линкора прошла чуть заметная дрожь. Так сработала магнитная катапульта — древнее устройство, способное закидывать разные предметы. Например, бронированный шар с передатчиком, пикт-камерами и небольшой фотолабораторией на борту. По сравнению со шпионской аппаратурой Золотого Века, «Хугин», названный в честь ворона одноглазого бога, выглядел как жалкая поделка. Такие спутники обходились очень дорого, жили недолго и редко присылали что-то кроме зернистых картинок, но в реалиях Карронада они могли решить исход войны.

Гололит высветил мерцающее изображение. Горные пики бросали тень на поселение таких размеров, что оно едва умещалось в кадре. В квадратной застройке и прямых углах сквозила концентрированная человечность.

— Но мы же снимали Вадистан год назад, и здесь ничего не было! — возмутился шпик.

Геллер задумчиво потёр лоб.

— Наверное, варвары отключили маскировочные поля.

— Нет, — вклинилась Эсфирь. — Тогда вы не могли увидеть Тон-Трем, потому как в нём жил его хранитель.

— Опалённый Человек? — допустил старик.

— Таки да. Я только сейчас поняла, для чего Менсису нужен демон. Он умеет создавать замкнутые мирки.

— База, которой не существует в реальности, — мигом продолжил он. — Я уловил твою мысль: если ты нигде, то ты везде. Здорово он придумал, молодец.

Кхалид надеялась, что следующей фразой будет «убью его последним», но германский лис умел вовремя замолчать.

Словно муравьи, по широким проспектам бродили армии людей. Поток живой силы медленно тянулся к

перевалу, кое-как защищённому одной крепостью.

Аколитка показала на форпост с южной стороны.

— Это Чухут-Кале. В нём стоят рыцари.

— Спасибо, а то я не знал. Сколько их?

— По моим данным, копьё Шпиц-Эстерлен и несколько её вассалов из Гродниц. Ополченцев не считаем: это не воины, а сброд алкоголиков.

— Расклад не в нашу пользу, — отметил Йозеф. — Крац, хватай распечатки, грузись на диск Белонце и вылетай в Хорез-Юрт. На дворян полагаться нельзя, так что ищи гроссмейстера паладинов, по имени Сэдрик Аквилонский. Расскажи ему всё, что узнал. Соблюдай радиомолчание: враги наверняка слушают эфир.

Сэриетта не любила горы за их твердокаменность. Здесь камень лежал на камне и прикрывался другими камнями. Обрывы и скалы, острые пики и расщелины тиражировались миллиарды раз. Она не любила горы зимой, когда её кнехты вели ожесточённые бои за тропу между берегом и Хорез-Юртом. Тогда ещё не было войны, и стреляли в основном из кишшаков. Проход растекался под солнцами, ледники таяли, и вокруг не было ничего живого. Лишь редкий одичавший вадистанец, моющий золото в Гяндже, выступал против крестового похода Шпиц-Эстерленов. Теперь уже нет тех людей, как нет Четырнадцатой заставы. Конфедераты сдали её боевикам, и на месте первой цитадели остались мины по хрупким склонам, колючая проволока и воронки от фугасов. А жизни как не было, так и нет.

Баронесса не любила горы летом, когда обливалась потом в кабине верного «Беовульфа». К тому времени любители золота превратились в любителей Варпа. Запах йети сменился гарью обожжённого металла от разрывов броневой ракет, и мин стало больше, намного больше, чем способен вместить этот богомерзкий край. Патриархи горцев молили султана о помощи, и тот прислал избранных воинов пустыни. Аборигены демонстрировали восточное гостеприимство. Вымершие аулы наполнились аномальной активностью. Схватить пулю стало намного проще, а глухая ругань безоткаток стала чем-то обыденным.

Но сильнее дворянка ненавидела горы сейчас, когда озверевшие боевики выползали из глиняных нор и водили носами как шакалы, учуявшие падаль. Террорист глядел в небо и видел нечто иллюзорное в холодной россыпи звёзд. Тогда он раскрывал молельный коврик, падал на колени в сторону Ока Ужаса и целовал грязную икону Губительных Сил. В наркотическом дурмане он клялся в верности свирепым богам и пересчитывал монеты, отчеканенные в Таш-Джаргане: нужно отрабатывать подачку.

Ледяной ветер с долины приветствовал Сэриетту обещанием снегов. Она прошла на последнюю ступень. Панораму закрывали бронелисты из кованого железа. Пробудились гидравлические поршни, сняв защиту и открыв головокружительный вид. Там, где вчера были мёртвые скалы, возникла утерянная столица Карронада. Казалось, что протяни руку — и можно схватить одну из рокритовых труб или антенн-тарелок. Тонкая башня пробивала небеса. Вокруг неё роились косяки «Рукхов», а светильники с каждым часом вспыхивали всё ярче и выше.

— Итак, началось, — объявил звучный голос.

Аристократка обернулась. К ней медленно шёл исповедник Зальцпайр с двумя телохранителями. Церковник носил броню со шлемом-митрой, украшенную цитатами Солярного Евангелия. Белоснежные доспехи крестоносцев гудели от электрической мощи силовых блоков. Ветер качал табарды, он же развевал русые волосы молодой уроженки Шварцштайна. Мерцание факелов отражалось от золотой вышивки на её кителе. В родном замке девушка внимательно следила за собой, но здесь, на острие битвы за человечество, ей пришлось забыть о дорогой косметике. От яркого света её кожа нестерпимо болела и покрывалась румянцами солнечных ожогов. Наверное, местные женщины были в чём-то правы, когда закрывали свои лица платками, но Сэри не могла пойти на такое унижение.

— Да, — лаконично подтвердила она. — Ты же слышал передачу Флеминга.

— Мы — камень под ударами шторма. Что бы ни вырвалось из этого дьявольского поселения, наш долг — устоять и победить.

Все благородные фамилии Кронштайна делились на дома короля и дома веры. Первые зависели от его величества Танкреда Превозмогателя, а вторые подчинялись понтифику Салливану. Шпиц-Эстерлены были именно такими. С Церковью Пламенеющего Креста их связывала долгая история побед и неудач. Никто не преследовал еретиков, ведьм и отщепенцев с большей ненавистью, чем они. Когда пороховая бочка на крыше мира наконец взорвалась, граф Мартин пошёл на войну безо всяких сомнений.

Отдать жизнь за расу, грудью встретить потустороннее зло — что может быть лучше для всякого дворянина? Брат Сэриетты хотел вбить свободу, языческую веру и национализм горцев обратно в ту вонючую дыру, где они зародились. Он понимал, что если не утопить Вадистан в крови, то Вадистан придёт к нему домой. Рыцарь полностью разделяла это мнение.

— Бульба выходил на связь?

Поп качнул головой.

— С тех пор, как его сынок Андрий попал в котёл, от него не было вестей.

— Я же велела ему сидеть в Чухуг-Кале и не высовываться, — прошипела она.

— Это засеченцы.

— Тарасу было приказано брать в поход лучших солдат Гродниц, — напомнила рыцарь. — Лучших казаков и крылатых гусар, а не эту пьянь! Я обескуражена. Его быдло умеет воевать исключительно с водкой и салом.

Церковник снял шлем, открыв млажавое лицо с окладистой бородой. Он посмотрел на хоругви, реюшие над лагерем. Первая изображала змея с двумя лапами, вторая — кабанью голову на желто-синем фоне.

— Не хулите сало, панночка, — пожурил он. — Это лучшее, что изобрёл их народ.

— Хоть ты не называй меня так. Я набрала от этого хрючева уже три килограмма. Где же я нагрешила, что мне достались такие вассалы? У Мартина слуги как слуги, настоящие нордические волки. У Геллера — чистокровные жерманийцы. Даже герцог Игторн, прости Господи, правит нормальными людьми.

— Ты младшая наследница рода, так что оставь гордыню.

— Речь смиренного аббата, — издевательски прокомментировала баронесса. — Если намерен читать морали, то хотя бы не дыши на меня перегаром.

Стражи переглянулись. В отличие от командира, им хватило ума не открывать забрала.

— Здесь нечего делать, — парировал священник.

— Да? Тогда почему я нахожу время на тренировочную клетку, а ты не ходил туда уже месяц?

— У меня по три мессы в день.

Сэри побагровела.

— Кончаем разговор. Пни связистов, мне нужен контакт хотя бы с одним Бульбой и его крепостными. Надавай лещей кнехтам, я хочу видеть максимально укреплённую куртину и трезвых бойцов на стенах. Что у нас по артиллерии?

— Тысяча стволов готовы уничтожить любого врага.

— Нет, Олесь, — вкрадчиво протянула она, заглянув ему в лицо. — Я про нормальные орудия, а не хлопушки с каменными ядрами. Ты знаешь, что я имею в виду.

— Ответ прежний, — заявил поп. — Коллегия пустит в ход «Эльзы», только если нас прижмут.

— Если, как ты говоришь, нас прижмут, то в суперартиллерии не будет смысла.

— Механикум в обиде на Церковь, так что переговоры немного затруднены.

Рыцарь сказала несколько слов, подслушанных на очередном банкете, и ушла с обзорной площадки. Простые люди считали Кронштайнскую Ландмарку монолитной империей, но по факту государство состояло из множества раздробленных княжеств. Каждый феодал с упоением тянул одеяло на себя и был рад подставить соседа. Масла в огонь подливали техножрецы. Марсиане обучали ризничих, без которых шагоходы превращались в недвижимость. За работу они требовали особенного отношения. Их секта кое-как слушала фабрикатора Фредерикссона, и творила, что хотела. Порой наглость механикумов достигала предела. История с Тревишем показала, как прогнила система хрупких отношений между фракциями. Слава Богу, оставались верные люди вроде Эссы фон Хагенау.

Сэри никогда её не видела, но прониклась к эксплоратору чем-то вроде уважения. Пойти против своих — на это нужна определённая сила характера. Впрочем, археолог не могла знать, какую бурю поднял её донос. Из-за молодости баронесса имела некоторое сочувствие к простолюдинам, а вот Мартин был его лишён. Узнав, что один марсианин оказался предателем, он развернул репрессивную машину против дьяконов в красном. Кого-то выслали обратно на Север, но большинство техножрецов оказалось на кострах.

Божьи люди начали погромы с неожиданной оперативностью, словно готовились к ним долгие месяцы. С видом оскорблённой невинности они принялись грабить сокровищницы давних конкурентов. Тогда всплыл неожиданный факт. Скитариев было мало. Яргулём, их тайная база, никак не ответил на вероломное нападение. Куда же делась когорта секьютора Гектора?

Аристократка взглянула на Тон-Трем через готическое окно.

«Знаем, куда»

В какой-то мере Шарлея можно понять. Прислуживать благородному выродку, терпеть издеательства и чинить квестора, побитого в очередной драке — это можно сойти с ума. Его хозяин встретил не самую почётную смерть. Гуго Ришельё мог пасть в честном бою, но вместо этого получил сердечный приступ в борделе. Идёшь развлекаться — не нюхай порошок из опия! Когда барона сняли с перепуганной блудницы, у ризничего появился избыток свободного времени. Безделье, как любит говорить Зальцпайр, — суть ересь. Примерно это и случилось. Человек, знающий, где спрятаны атомные реакторы, уже не будет простым ремесленником.

Впрочем, падение марсианина вызывало у девушки злорадство. Причиной тому был дом Мехенди. Повелители новые, а вот Шарлей остался прежним. Не хотел быть честным слугой людей — стал рабом хаоситов. Награда наша своего героя, и даже если этот близнец избежит кары, его дальнейшую судьбу точно не назовёшь приятной.

На подворье царило небывалое оживление. В пещерный город явился мягкий шагоход, чья лицевая пластина была стилизована под морду вепря. Ствол термальной пушки покрывала гарь, а сорванное полотно цепного меча висело как щупальце осьминога. За ним волочился десяток хмурых людей в подранных рубахах и запылённых шароварах. Раненые стонали на носилках. Квестор замер. Кабина пилота распахнулась, и слуги осторожно спустили пожилого человека с длинным чубом и висячими усами. В глазах, налитых кровью, стояло выражение тупой злобы.

Сэриетта поставила руки на пояс и недовольно разглядела вассала.

— И? — спросила она.

— Произошла зрада, — объявил Тарас.

— А почему я узнала об этом только сейчас?

— Тому що у меня не працює вокс.

— Сигнальные ракеты для кого придумали?

Засеченец тяжело вздохнул.

— Не бранись, пани. И без тебя погано.

— Я вижу, — глумливо признала рыцарь. — Кто тебя так отходил?

— Танки султана. Я таких не бачил. Башня круглая, нос острый. Их в лоб не пробить, снаряды рикошетят, — объяснил он, для наглядности всплеснув ладонями.

— Но ты уничтожил колонну, да?

— Так.

— Славно. Приведи себя в человеческий вид. Скоро у нас будут гости.

— Я розмовляв з Андрием.

Аристократка оскалилась.

— Не беси меня. Почему я должна вытягивать из тебя информацию по капле? Я что, инквизиторша?

Старик протянул руку. Крепостной вложил в неё надколотый инфопланшет. Засеченец нажал на экран, и со слезами отвернулся.

Вокабуляторы заговорили голосом его сына.

< В жарких пустынях Святой Земли растёт паства верных. Великая цель правоверного Джафара указывает нам путь. Мы прозябаем в нищете, пока вампиры Ландмарки купаются в роскоши и свете звёзд. Но кто же скрывается между тех светил? Кто плывёт за теми далёкими солнцами? Ангелы Ада, поборники уничтожения, наши спасители! Наши боги! Истинные боги, в отличие от безмолвного и распятого пророка! Дети Варпа. Мы слышим их в наших снах, чувствуем в нашей крови. Они зовут нас, и мы ответим! Мы восстанем, и обратим себе на службу машины рабского труда. Запад будет гореть! Мы очистим, освятим, подготовим, и Око дарует нам обещанную награду! Приближается час расплаты. Никто не переживёт нашего вознесения >

— О нет, — прошептала Сэри, но быстро вернула самообладание. — Значит, он с ними.

— С раджей Мехенди, — подтвердил Бульба мёртвым голосом.

— Соберись. Я понимаю, как ты себя чувствуешь, но сейчас не время раскисать. Клянусь, мы отстоим честь твоего рода. Отцы не виновны в грехах детей.

— Кого я воспитал... Нема мне прощения. Якщо я поганый родитель, то повинен умереть.

Дворянка подлетела к нему и трянула за грудки.

— Только попробуй, рохля! Свою бессмертную душу ты можешь завещать Кресту, но твоя задница принадлежит мне и только мне! Хочешь убится — лезь в доспех и погибни как мужчина!

«Тем более что скоро у тебя будет такая возможность»

Над лобным местом с парой виселиц показался вертолёт. Флаер сел, и оттуда вышла группа людей. Отряд выглядел как разношерстный сброд. В компании серобоких был один мальчишка, одетый как дикарь, техножрица и крайне подозрительный человек со смуглой кожей и тюрбаном. Компанию сопровождал огромный механоид, немного похожий на роботов Коллегии Механикум.

Союзники обменялись недолгими приветствиями. Картер бегло рассказал об их приключениях в городе. Явившийся поп мрачно глядел на Альхазреда. Колдун держался с наглой уверенностью, и сразу объявил, что хочет рахат-лукума, жареного мяса и кальяна.

— Сразу в темницу, — бросила дворянка. — Меня тошнит от его клоунады.

Сэри обернулась к полковнику.

— Почему вы не пристрелили эту сволочь на месте?

— Он помог нам сбежать. Кроме того, Маджир слил очень интересный факт про затею наших врагов.

— Удиви меня.

Вояка помедлил.

— Понимаете, мисс рыцарь, Тот-Тремская АЭС не способна дать нужное количество тока на вышку

Циолковского. Тревишу приказали ударить по Чухут-Кале, но его истинная цель — не вы, а водяное колесо, что в стороне от города. Он хочет захватить его и перенаправить электричество к небоскрёбу.

— Тарас! — крикнула она.

Тот подковылял к хозяйке.

— Концепция изменилась. Бери своё копьё и становись на мельнице. Передай обслуге, чтобы минировали шарниры и были готовы их подорвать.

— А почему бы не сделать это сразу? — встрял Флеминг.

Баронесса великосветски закатила глаза, как будто говорила с конченным идиотом.

— Потому что наша гидроэлектростанция — важный источник энергии для ставки в Хорез-Юрте. Мой брат в курсе, что скоро лишится Чухут-Кале, но до той поры мы должны обеспечить бесперебойное питание. Эсса фон Хагенау, проследи за этим. Дальше. Герр доктор, иди в медицинариум и готовь койки. Будет славно, если ты сумеешь поставить на ноги хотя бы часть раненых. Эти двое, — она покосилась на Райзела и Лумумбу, — хоть что-то умеют?

— Они хорошие ассистенты, — соврал хирург.

— Я тебя слышала. Забирай их.

Сэри оглядела железного человека с видом большого знатока.

— Какого паттерна ваш автоматон? Не припомню, чтобы марсиане применяли таких роботов.

Эксплоратор пискнула бинарным кодом. Она и представить не могла, что Шпиц-Эстерлен понимала лингвотехнис.

< Айзек, молчи ради всего святого >

Разумеется, тот не послушал.

— Сомнительное тактическое решение, — прогрохотал механоид. — Вадистанцы бросят на штурм легионы демонов под прикрытием заклинателей и боевых магов. Против них будет эффективен Альхазред, а Флеминг умеет ликвидировать эфирных существ. Лумумба имеет аномальную стойкость к порче, и я видел, как он сражался там, где простых людей парализует ужас. Мальчик, который, с твоих слов, ничего не может, при мне разорвал десяток боевиков голыми руками. На твоём месте я бы сделал из пасаденцев мобильный отряд с задачей убивать ключевых противников.

Аристократка опешила.

— Твой дух машины силён. Кто загрузил в тебя такую сложную программу, жестянка?

Полководец склонился над ней.

— Слушай меня, если хочешь увидеть рассвет. Я командовал армиями, когда твоих предков не было даже в утробе.

Археолог зажмурилась. От столь громких слов нависла неловкая пауза.

— Древний воин Золотого Века! — осознала рыцарь. — Ты был на нашей стороне в эпоху легенд!

Конфедераты разом выдохнули. Впервые за всю историю необразованность кронштайнской знати сыграла ей на руку.

— Будь по-твоему, но моя воля в приоритете. И да, чернокнижника я не выпущу, — решила она. — Сколько пакетов информации ты можешь обрабатывать в час?

— Десять триллионов терабайт в наносекунду, — посчитал Айзек с нотками самодовольства. — Вам хватит, уж поверь.

Раздав команды, Сэри ушла в покои. Вперёд и вниз. Её глаза видели отражения войн глубокой древности, её уши ласкало безмолвие пыльных лёгких Чухут-Кале. Комнаты, в отличие от будуаров иных вельмож, смотрелись по-спартански. Разумеется, ни о каких скульптурах и цветастых картинах не могло быть и речи. Девушке нравилось играть на публику, и ради этого она жила в тех условиях, что и слуги. Взглянув в направлении алькова, убранного портьерами из белого шёлка, она позволила себе улыбку. В святилище скрывалась икона Женевьевы Израненной — покровительницы Чернокаменной Твердыни. По сторонам от неё висели кнуты для самобичевания и вериги. Впрочем, они были всего лишь элементом декора.

Ни одного рыцаря нельзя считать психически нормальным. Подключение к нейросети калечило разум любого пилота. Каждый род справлялся с безумием по-своему. Кто-то падал в греховные удовольствия или отрешённость, но чертой Шпиц-Эстерленов были резкие вспышки насилия. Чем ближе они подходили к неуловимой грани, отделяющей высокородного от чудовища, тем сильнее в них проявлялось неприятие комфорта. Как водится, всё начиналось с любви к муштре. Затем появлялись бойцовские ямы. После дети Шварцштайна открывали в себе тягу к меди и свежей крови.

По меркам семьи, рыцарь не отличалась агрессивностью. В этом плане Мартин давал ей огромную фору. До смерти забить крепостного за одно неловкое движение? Запросто. Оторвать голову таш-джарганцу и выпить его

мозги? Это мы называем понеделником. Растоптать союзников, лишь бы нанести первый удар силовым когтем? Умеем и практикуем.

Девушка стала на колени перед свечой, но тут же испугалась вида Женевиэвы. Святая преобразилась. Её монашеская ряса исчезла, сменившись латами со связкой черепов на поясе. Вместо посоха она салютовала обагрённым топором и попирала грудь расчленённых тел. Но хуже всего было её лицо. В свирепом оскале и экстагически блестящих глазах Сэри узнала себя. На языке появился горько-солёный вкус. Мир пошатнулся, точно при землетрясении.

Шпиц-Эстерлен пришла в себя от сухого щелчка мушкета. В её комнате стояли паладины, вскинув оружие. Олесь фон Зальцпайр держал наизготовку силовую булаву. Вокруг царил погром. Обломки мебели валялись безо всякого порядка. Дворянка сидела над распотрошённым телом несчастного лакея, запустив пальцы в грудную клетку. Челюсти, сведённые судорогой, удерживали вырванное сердце.

— Что же ты наделала?! — воскликнул поп.

Глотка неохотно вернула способность к человеческой речи.

— Это я... но как... почему?

— Отче, — позвал крестносец.

Он кивнул на святилище, залитое кровью. Там, где раньше висели шторы, теперь болтались гирлянды лиловых кишок. Икона терялась под месивом жизненных соков.

— Уберите пушки, — сдавленно велела баронесса. — Со мной всё в порядке.

— А вот с ним — нет, — констатировал исповедник. — Кровь — не водица, да?

— Ты о чём?

Аббат присел на корточки.

— Знакомое дело. Я насмотрелся подобного у твоего папеньки и братца, но до последнего верил, что ты другая.

— Не понимаю.

— Это ваше проклятьё. Твоя династия состоит из великих пилотов, но за силу назначена дорогая цена. Такие припадки начинаются у всех рыцарей Шварцштайна где-то к восемнадцати годам. Но чтобы так внезапно... Я чувствую какой-то злой дух над городом.

Сэри выплюнула кусок липкого мяса.

— Думаешь, сюда прокравлись черти?

— Ответ знает лишь один человек. Вставай, госпожа. Мы идём к Альхазреду.

Наступает буря

Чернокнижник лежал на соломе, прикованный к стене цепью. Звенья, тянущиеся от ошейника, тихо позвякивали при всяком движении. Где-то монотонно капала вода, а сквозняк приносил тошнотворные ароматы плесени, грязных тел и страха. Обычное дело для феодальной тюрьмы. Хорошей новостью стало то, что рыцари не озаботились даже минимальной пси-защитой. Если колдуны Султаната оказывались в плену, то моментально сталкивались с кладкой из нуль-камней, обережными кругами и блокирующими полями. Здесь подобного не имелось. Значит, убежать из Чухут-Кале можно в любой момент, но ирония состояла в том, идти пироманту некуда. Характер Альхазреда исключал необдуманные авантюры. Его научили продумывать каждый свой шаг, а для этого следует полностью владеть ситуацией.

— Ну и ну, — с улыбкой протянул Маджир, увидав гостей. — Великие люди пришли сюда, в темницу, и говорят со мной. Что же вы хотите услышать от гнусного еретика, о благородные защитники веры?

Сэри показала кулак, велев попу молчать и не вмешиваться.

— В другой день я бы не стала на тебя даже смотреть, ублюдок, — высокомерно бросила она.

— Но ведь смотришь. По сравнению с зинданом Гоибназара, тут очень даже миленько.

— Коль тебе нравится, можешь погостить ближайшие лет двадцать. Конечно, если не сдохнешь от сырости.

— Не хотелось бы, — признал огненный маг. — Я люблю, когда сухо и жарко, так что уйду при первой возможности.

Дворянка поморщилась.

— До сих пор не возьму в толк, почему ты ещё дышишь. Как можно поклоняться богам-демонам по своей воле? Ты ведь знаешь, кто они такие.

Таш-джарганец серьёзно поглядел на неё.

— В точку. Губительные Силы правят моим народом, калечат мутациями детей, обрушивают всю ярость пустыни на скудные поля. Нерождённые шепчут в наших снах, а порой — являются из ада, чтобы резать и убивать. Да, ты права, но не совсем.

Узник вытянул руку, и в ладони зажёгся огонёк.

— Но за веру они позволяют делать вот это, — объявил он, катая между пальцев яркий шар. — А что ваш Пророк-на-Кресте? Хоть кто-то из его паствы умеет кидать пламя или швырять молнии? Или, быть может, он помогает вам сковывать джиннов?

— Богохульник! — обвинил Зальцпайр. — Да я тебе...

— Олесь! — вскрикнула Сэри. — А ну-ка вышел в коридор!

— Он убьёт тебя! — заартачился поп.

Дьяволист качнул усами.

— Клянусь самой лживой клятвой, что буду вести себя культурно. Пока. Вы, дорогие северяне, — буфер между мной и Джафаром.

— Ты его настолько боишься? — удивилась рыцарь.

— Он пообещал, что даст бессмертие любому, кто схватит меня живым. Так что лучше я посижу здесь. Худшее, что вы сделаете — это разожжёте костёр. Неприятно, согласен, но раз в жизни потерпеть можно. А вот плешивый маразматик хорошо учился и знает, как поработить дух человека и заставить его мучиться на протяжении сотен лет.

— А ты не сильно рвёшься в ад, — лукаво констатировала дворянка.

— Скажем так, мне пока рановато в загробный мир. Но ты пришла за другим, не так ли?

Баронесса не стремилась откровенничать, но дело требовало честности.

— Только что я убила ни в чём неповинного слугу. Почему я становлюсь злой?

Альхазред лениво потянулся.

— Добро и зло — философские штуковины. Как сказать, чтобы ты поняла... Войны в мире смертных — всего лишь тени великой игры, которую ведут Боги. Колючая Звезда устроила ритуал в Тон-Треме, и привлекла внимание сущности, которую зовут Обманщиком, Великим Насмешником, Вором Судеб или Саргатаном. Где сильный он — туда рано или поздно является его заклятый враг.

— Баффар, — осознала девушка.

— Это лишь одно из множества имён Кровавого Бога. У вас его знают как Баффара, в других землях — как Медного Гладиатора или Кхараната. Доблесть воина, профессионализм снайпера, и да — та самая ненависть берсерка, — это всё к нему.

Сэриетта окликнула тюремщика.

— Освободить его. Мы пойдём в мою спальню, он должен кое-что увидеть.

У порога валялся труп одного из паладинов. Кираса была проломлена, и следы повреждений намекали на церковный молот. Из обрубка шеи растекалась багровая лужица. Посреди комнаты стоял его побратим. С помощью двух столовых ножей он срезал мясо с черепа, а лоскуты ронял на пол.

— Ты что творишь?! — заорал исповедник.

Падший воитель обернулся. Его лицо уродовало звериный оскал.

— Он слаб! — прорычал крестоносец. — Слабый, как и ты, жирный свин! Я выпью твои глаза!

Безумец ринулся в бой. Доспехи врезались как тектонические плиты. Рыцарь выхватила пацербрехер, но лезвие бессильно звякнуло по броне. Чернокнижник толкнул её, сбив с ног. Там, где Сэри была мгновение назад, ударила бронированная перчатка. Нападение стало неожиданностью для феодалов, но Маджир успел к такому привыкнуть. Он ловко зашёл в тыл и схватил шею противника. Ладони скрылись под горжетом.

Огонь выплеснулся через сочленения деталей. Голова предателя затрещала, как мясо на углях. Две струи пламени вышли сквозь глазницы, и скоро всё было кончено.

— Ой, что вы, не стоит благодарности. Я просто исполнял долг, — издевательски объявил дьяволист, пиная труп.

— Как? — спросил аббат.

— Добро пожаловать в Вадистан. Этот край ненавидит вас чуть больше, чем вы — его.

Альхазред прошёлся по залу с видом большого эксперта.

— Я мог бы сказать, что тут совершилось мрачное преступление против господина вашего и всё в таком духе, но вы знаете это и сами. Ой, а что там такое интересное в молельной комнате?

Он заглянул в альков, но тут же выскочил. Судя по всему, Женеьева Израненная не оставила его равнодушным.

— Отец священник, или как тебя, — серьёзно заявил он. — Собирай дьяконов, и вели нести побольше ладана. Если есть святая вода, бери всю. Не забудь серебро и восковые свечи. Ваш флигель когда-то был человекобойней местного хана, и в нём очень тонкая завеса между реальностью и Варпом. Сэра-паша, не вини себя. Этот гнойник зрел очень долго. Икона скоро станет порталом в Огненный Край, и я не жалую тех, кто в нём обитает.

— Хочешь служить мессу очищения? Но ведь такие как ты братаются счертями! — удивился Олесь.

— Дьяволисты покоряют демонов и ломают их волю, — самодовольно поведал Маджир. — Но далеко не всех удаётся закабалить. С легионерами Баффара говорить не о чем, это совершенно невменяемые дуболомы. Только самые порченые варлоки обращаются к ним за помощью. Сущность Чухут-Кале осквернена. Скоро здесь прольётся больше крови, чем за всю историю, и тогда они полезут несметными полчищами. Этого нельзя допустить.

— Что делать мне? — сокрушённо пробормотала девушка.

Зальцпайр оглядел её с ног до головы.

— Беги в крипту и садись за рычаги квестора.

— Это сложный ритуал. Ты повесил моего ризничего, а без него машинные духи не выйдут на контакт.

Поп неумолимо наклонил шлем.

— За грехи ему воздалось. Подними на уши всех, кто умеет крутить гайки, наяржи этого Флеминга, но я хочу видеть тебя во главе армии. Торопись, время не ждёт!

Айзек неподвижно сидел на контрфорсе здания, увенчанного позолоченным куполом. Когда-то ханская базилика, теперь — база крестоносцев, оно выглядело шедевром восточной архитектуры. Внешние стены скалились лепными фигурами горгулий, чертей и других, менее известных жителей ада. В отличие от предсказуемой и скучной иконографии Запада, в таш-джарганских работах ценилась оригинальность и творческий подход.

«Иногда слишком творческий», — заключил тактик, буравя сенсорным взглядом одну из мраморных статуй.

Изваяние нагло ему подмигнуло, но стоило поднять роторную пушку — и мир возвратился на круги своя. Когнис-блоки обрабатывали невероятные массивы информации, но волна чистой математики то и дело возвращалась к одной ключевой точке.

Райзел. Кто он такой, и какую роль ему суждено сыграть? Полководец ощущал искусственность этого мальчишки тем неизвестным чутьём, благодаря которому хищники узнают друг друга. Автоматон состоял из железа и кремня. Примарх — из биологической плоти. Их разделяла пропасть глубже Рамирского ущелья, но мостом через неё была сложность обоих созданий. Никто из них не мог родиться природным способом.

Мальчик не знал, какая война шла за его душу. Все видели, как он молод, и очевидно догадывались об его силах в более зрелом возрасте. Тот, кто заполучит его лояльность, будет править миром. В этой битве у робота имелся один серьёзный противник.

Корпускулярное зрение без труда просветило камень. От покоев баронессы медленно расползлось облако

помех. С варп-прорывом боролись две живые сигнатуры. Одна фонила пси-излучением, чётко выдавая Маджира Альхазреда. Вторая с трудом угадывалась под слоями кованой стали. Простые монахи не стояли даже толики внимания.

«А ты умён. Пошёл разбираться с демонами, напялив силовой доспех. Как будто он защитит тебя от нематериальных тварей»

Впрочем, попы любили обвешиваться намоленными безделушками. Некоторые из них даже работали, фокусируя энергию латентных псайкеров. Дождавшись, пока божьи люди заштопают разлом, Айзек перенаправил мощь реактора на телепорт.

Древний агрегат сработал как надо. Полководец возник в тесном коридоре. Хлопок вытесненного воздуха — и служки разлетелись от ударной волны. Айзек ринулся в атаку и толкнул аббата плечом. Церковник упал. В тот же миг на его руку с булавой опустился тяжёлый сабатон.

Чернокнижник оставил дверь, на которой выцарапывал сдерживающие руны. В его ладонях загорелось пламя.

— Успокойся, — объявил воитель. — Я пришёл не за тобой.

— Понял-принял, — охотно согласился колдун.

Он ловко подкрался к Зальцпайру и выдернул провода из гальванического ранца. Теперь святоша не представлял угрозы. Земляне повернули крестonosца на спину и сдёрнули с него шлем.

Пришло время для беседы по душам.

— Ты понимаешь, что я тебя здесь убить могу? — начал Айзек.

— Изуверский Интеллект! — зарычал Олесь.

— Гляди-ка: догадался. Ты умнее девчонки-рыцаря. Хочешь умереть прямо сейчас?

— Ты не сможешь. Я тебе нужен.

— Сомнительно. Очень тебя прошу: не смей подходить к Райзелу.

Аббат рассмеялся. Кираса и поножи разъединились, и грузный мужчина вылез, как бабочка из кокона. Он стоял перед врагами, одетый в стёганую куртку и домотканые штаны.

— Ах, вот оно что, — процедил тот. — Я понял, чего ты добиваешься. Неудачник.

Дерзкая риторика могла бы задеть смертного противника, но холодный разум проигнорировал наглую провокацию.

— Мнишь себя самым хитрым, да? — продолжил северянин. — Давай: раздави меня, и делу конец. Но факт остаётся фактом — не знаешь ты ни людей, ни исторических процессов. А это перехеривает тебя как тирана.

Оптические линзы блеснули, выдав любопытство.

— Объяснись. Очень странно слышать подобные речи от мракобеса. Вы жжёте ни в чём не повинных людей. Ваша так называемая «церковь» не лучше ковенон Султаната.

— Знай, железка, что во всём существуют две крайности. На чудовищную легенду всегда найдётся контрлегенда. Не менее чудовищная. Если я казню сто человек, то через двадцать лет одни будут говорить, что я убил пятьсот. Другие — что ни одного. Стной миллиард людей — и спустя тысячу лет, если наш мир проживёт так долго, найдутся глупцы, которые скажут: «Олесь фон Зальцпайр не проливал крови». На трёх идиотов, кричащих про массовые расстрелы, пыточные ямы и костры, найдётся один сумасшедший, который будет говорить, что я не сделал ничего плохого. Так что не пудри мне мозги разговорами о чести и справедливости. Не справедливость защищал твой легион, и не справедливость гонит в бой тебя. Ты хочешь мстить за поражение.

— Вы знаете друг друга? — удивился Альхазред.

— Я знаю, что он наделал в прошлом, — бросил проповедник. — Одно слово: *биоцид*. Уничтожение всего живого на Карронаде. Расскажешь сам, верховный командер Айзек-Ноль-Ноль-Первый, или это сделать мне?

Долгая история. Война Машин прокатилась победоносным маршем по всем человеческим планетам. В последний день старого мира случилось колоссальное сражение. Первый и единственный союз людей, эльдар и нескольких вымерших цивилизаций попытался остановить механических убийц. Резня охватила сотни звёздных систем. Искусственный Интеллект одержал Пиррову победу. Честное противостояние мутировало в непрерывные стычки партизанских отрядов. А потом человечеству помогли Тёмные Боги.

— Да, — продолжил церковник. — Ты понял, о чём я. Решил отыграться, сволота, но война с Джафаром — не то, к чему тебя готовили. Ты не умеешь бороться с хаоситами. Они слишком непредсказуемы, слишком вероломны, и они везде.

— Я не отдам его, — повторил конструктор.

— Что-что? Я слышу нотки жадности в твоём бездушном голосе. Пророчество сбывается, и ты не в силах ему помешать. Как там говорится в откровении Сиды? *«И вижу я, и вот она: колыбель со звёзд упала в стране безбожников. И родился из неё Мессия, и война следует за ним. И дана ему власть над смертною частью земли: умерщвлять мечом и пулей, огнём и газом, и гадами ползучими, и зверями лесными».*

— Мессия? — переспросил Айзек.

Аббат самодовольно развёл руки.

— Не думай, что ты один видел метеорит. Поначалу я сомневался, что Райзел — тот, о ком сказано в Библосе. Но ты, заводная машинка, носишься с ним как с писаной торбой. Многовато чести для пастушка-оборванца, а? Так что с конспирацией у тебя, как бы это сказать... не очень.

— Давай зачистим свидетелей, — хитро подмигнул таш-джарганец. — Сделаем нашему говоруну секир-башка, и никто не станет отбирать у тебя примарха.

Зальцпайр угрожающе двинулся на колдуна. Лазерная пушка робота выдвинулась вперёд, поубавив пыль исповедника.

— Нет, — решил железный человек. — Олесь — гадкий представитель вашего рода, но своё дело знает. Я не стану ослаблять оборону города, убивая одного из самых вменяемых командиров.

Дьяволист разочарованно цокнул.

— А ты чистоплюй. Вот скажи мне, зачем этот еретик нам нужен? Сэра-паша отлично справится с его работой, и не станет лезть к мальчику со своими церковными бреднями.

Олесь отчаянно старался не дать слабину, однако в словах колдуна таилась правда. Действовать нужно стремительно.

— Я погляжу, как Шпиц-Эстерлен будет руководить фронтом из кабины шагохода, — парировал он, скептически сведя брови. — Дай Бог, чтобы ей хватило ума вовремя давить на гашетку.

— Не аргумент, — отмахнулся Айзек. — Я подниму локальную сеть между своим тактическим компьютером и машинными духами квесторов. У дворян будет такая координация, что они смогут воевать как единое целое.

— В головы крепостным тоже поставишь жучки? Напомню: кнехты — не скитарии, не эти твои роботы. Просто так их не заставишь лезть на убой.

Альхазред огорчённо развёл руками.

— А вот это похоже на правду. Я не подумал о том, что засеченцам понадобится кто-то, кто будет гнать их в бой пинками. Просто так они воевать не хотят.

Айзек предельно замедлил хроновосприятие, чтобы как следует обдумать расклад сил. Для смертных прошла секунда, но древний полководец успел отыграть миллиарды сценариев осады. Вероятность выжить измерялась долями процента. Во всех будущих фигурировала переменная, названная аббатом.

— Живи, — нехотя признал Айзек, возвращаясь в нормальный ток времени. — Считаю, что сегодня отмечаешь второй день рождения. Если облажаешься...

— Не учи отца любиться, — отрезал поп.

Маджир задумчиво постучал по камню.

— Если мы снова дружим, отче, я попрошу тебя об одной штуке.

— Могу предложить дыбу, утопление или кол, — елеинным голосом проговорил священник.

— Не в этот раз. Скажи кому-то из своих подпевал, чтобы отвели меня к самому высокому минарету. Я хочу сделать кайн-щит над городом, дабы Джафар не закинул нам гостей через Варп.

Запах обречённости пропитывал госпиталь. На койках, матрацах и, порой, на голом полу валялись увечные люди. Флеминг чувствовал себя как дома, но до смерти устал от пещер и темноты. Сёстры милосердия хлопотали над ранеными, но целителей было невероятно мало. Даже самый беглый осмотр занял много времени. Что будет, когда вадистанцы пойдут на штурм, и сюда хлынут десятки пострадавших?

— Если ты ещё раз дёрнешься, — предупредил доктор, — я дам тебе по морде и буду шить самой кривой иглой, какую найду.

Хирургeon работал над лицом кнехта, соединяя кожу аккуратными стежками. Крепостной входил в отряд Бульбы, и за время короткого рейда успел познакомиться с таш-джарганским булатом. Медик не хотел даже предполагать, из какого материала ковались эти мечи, режущие сталь как масло. Засеченцу повезло: удар лишь надрезал щёку, а мог бы снести половину черепа.

За этим увлекательным занятием его обнаружил Райзел. Мальчишка влетел в операционную, размахивая телеграммой.

— Дядюшка Лоренц! — крикнул он. — Пришло сообщение из Пасадены!

Доктор очистил операционное поле ватным шариком.

— Я немного занят, парень. Если умеешь разбирать морзянку, то читай вслух.

Найдёныш прочистил горло.

— Отважные солдаты Конфедерации! Долгие годы вы честно сражались во имя нашей великой Родины, защищая справедливый уклад жизни. К сожалению, мировой финансовый кризис не оставляет нам иного выбора, кроме как распустить Колониальный Корпус. От имени Конгресса желаю вам найти место в новом мире. С уважением, президент Артур Дуглас.

Агент завязал последний узел и выпроводил пациента в общую палату.

— Это какая-то шутка? — процедил он, обернувшись к примарху.

— Нет, — качнул головой тот. — Картер получил то же самое. Видел бы ты, что происходит в штабе!

Полковник рвёт и мечет.

Единственное, что оставалось в такой ситуации — это сесть за стол и рефлекторно закурить папиросу. Если Второй и заметил странное поведение друга, то не придавал ему значения. С детской непосредственностью он взял пилу для высокой ампутации бедра и принялся размахивать ею, фехтуя с воображаемым противником.

Дверь открылась. В ординаторскую сунулась голова Лумумбы.

— Они уже не солдаты, — объявил негр.

— А то я без тебя не знаю, — проворчал медик. — Большинство раненых умрёт через несколько дней.

— Та же самая фрагня. По лекарствам тут исключительно молитва и доброе слово. Что с твоим лицом, шериф? Кривишься так, словно проглотил ящик лимонов.

— Шкет, введи нашего товарища в курс дела.

Райзел повторил сообщение. На пару секунд повисла неловкая тишина, а потом чернокожий расхохотался.

— Вот как всё заканчивается, — отметил морпех, скаля белоснежные зубы. — Как будто могло быть иначе.

Доктор потушил окурок.

— Мы поплыли на край света, чтобы защитить уютный мирок наших правителей. Мы лили кровь, мёрзли в снегах и умирали от жажды. Три месяца нам пришлось рыть окопы, где из развлечений — грязища и нападение террористов каждые двадцать минут. Ради чего? Всем спасибо, все свободны?

Солдат хлопнул Флеминга по плечу и дал ему палочку-лхо.

— Подуй. Станет легче. Не понимаю, отчего ты раскисаешь как баба. Для благородных донов мы с тобой — одинаковые ниггеры. Какая разница, что ты родился белым, раз с тобой обошлись точно так же, как и со мной: дикарём-людоедом?

— Нам обещали хоть какие-то гарантии, — прошептал Лоренц.

Варвар от души затянулся и выпустил облако сизого пара.

— Гарантии, клятвы, честь, — за этим, пожалуйста, к рыцарям. Нашим миром правит бабло. Такова сущность капитализма. Кто-то из акционеров посчитал, что войнушка обходится слишком дорого, вот нас и прогнали на мороз.

Шпион поднял взгляд.

— Ты слишком умный для беглого раба. Откуда такие слова?

— Я немного пообщался с Айзеком. Ты знал, что в Тон-Треме жили странные люди? У них не было денег, а всю грязную работу делали роботы. Вот представь: ты приходишь в магазин и берешь всё, на что упадёт глаз. Бесплатно. Никаких долгов и кредитов. Никто не стал бы тебя гнобить просто за то, что у тебя не такая светлая кожа или узкие глаза.

— Я знаю, я знаю! — отозвался Райзел. — Древние называли себя коммунистами.

Этого ещё не хватало. Железный человек не просто вёл себя как диктатор, но ещё и промывал мозги наиболее восприимчивым людям. Карронад был древней планетой, и за века тут сменилось много политических режимов. Стараниями Джафара появилась утерянная столица, а вместе с ней — манящие отголоски Золотого Века. В бункерах спали орудия массового уничтожения, но даже археотек выглядел меньшей опасностью, чем духовная порча. Прошлое, это прекрасное далёко, манило душу вероломными обещаниями.

Развивая успех, негр достал из кармана медальон. Он изображал пятиконечную звезду, инкрустированную рубинами.

— Смотрите! — рявкнул он. — Под этим знаком наша цивилизация покорила космос. Заметь: не под вороной квесторов и не под бараном Конфедерации. Мы просто животные на фоне предков. Но верь: самая тёмная ночь перед рассветом. Ещё не поздно всё исправить.

Флеминг потянулся к револьверу.

— Ты говоришь о перевороте с уполномоченным Разведывательного Управления. Понимаешь, что я должен казнить тебя на месте?

Примарх оставил игру, удивлённо глядя на него. Напряжение достигло пика. Лумумба наклонился, притянув ствол к собственному лбу.

— Тогда стреляй, босс. Погляди: я не сопротивляюсь и готов ответить за свои слова. Но прежде чем пальнуть, реши для себя: кому ты успел задолжать? Сенаторам, что пьют виски в роскошных особняках? Донам, что секут плетью рабов? Генералам, что поймали тебя как последнюю сучку? Они будут рады, если ты выбьешь мне мозги.

Агент выдохнул. Пистолет лёг в кобуру.

— Презренны вы в своём богатстве, Земли и Марса короли, — пропел негр с радостным блеском в глазах. — Свои вы троны, тунеядцы, на наших спинах возвели. Заводы, фабрики, палаты — всё нашим создано трудом!

Долой, мы требуем возврата того, что взято грабежом!

— Ты сделал правильный выбор, камрад, — одобрительно кивнул Райзел.

Морпех зажёл несколько свечей, наполнив комнату приятным сиянием. С торжественностью, более подходящей крестноосцу, он вскинул мачете. К лезвию присоединилось копьё примарха. Лоренц поднялся, борясь с головокружением. Миг спустя о клинки лязгнул боевой нож колонизатора.

— Давайте поклянёмся на красной звезде, — зычно провозгласил новоявленный революционер, — что никогда не оставим друг друга в беде, и будем помогать нуждающимся. Пусть мировой пожар свободы, равенства и братства смоем поганых феодалов и рабовладельцев!

— Это вторая клятва, что я приношу за эти сутки.

— Одно не мешает другому, — поправил мальчик. — Ну что, Обезьяны Терры? Устроим небольшое зло во имя великого добра?

Гремя окованными ботинками, к заговорщикам пришёл невысокий мужчина. Его лицо скрывала борода, сверкающая от заплетённой проволоки и колец. Ростом он походил на карлика, но гармоничное телосложение и развитая мускулатура намекали, что кое-кто злоупотреблял гормональной терапией на заре туманной юности. Панцирный доспех выдавал в нём станочника — потомственного рабочего марсианских кузниц, генетически модифицированного для изнурительного труда.

Вот уж кто, а станочники имели полное право ненавидеть культ Машины. Они стали пятой колонной Церкви, предав старых владык ради новых.

— Приносите обеты перед последним боем? — допустил пришелец. — Добрая традиция, мужская.

— Ой, гномик! — обрадовался Лумумба. — Я думал, вас не существует.

— Для тебя, трубочист, меня звать Адрик Железная Нога! Ещё раз назовёшь дварфа гномом — будешь собирать своё щачло с пола!

Лоренц примирительно выставил руки.

— Так, успокоились. Куда и зачем я должен идти?

— Знамо куда, в армориум. Пани желает рулить квестором, а ризничего мы того-этого. Для подключения нужен кто-то, умеющий заклинать дух машины.

Агент присвистнул.

— Я, по-твоему, техножрец? Никто не учил меня работать с нейроинтерфейсом.

— Разберёшься по ходу, — отрезал дварф. — Там всё просто: шип в череп, зад в кресло и понеслась. Я уже сделал всю грязную работу, чтоб тебе не пришлось марать лапки. Только следи, чтоб хозяйке не стало плохо, а то плохо станет всем нам.

Подвалы Чухут-Кале стали местом, где ковалась история. Двое людей пробирались через коридоры, омытые факельным светом. Флеминг трещал без умолку и всё больше увлекался новой подругой. Общаться с кем-то вроде Сэриетты Шпиц-Эстерлен так же захватывало дух, как управление спорткаром. Тысяча лошадиных сил под капотом и никаких ограничений. Агент рассказывал о Конфедерации, и между прочим допустил, что рыцарь когда-нибудь захочет увидеть эту страну. Конечно, не отмывать золото в холодных ручьях фронта и не снимать скальпы вместе с краснокожими, а так — посмотреть одним глазком и всё.

— Весело живёте, — рассмеялась девушка. — А ты знал, что в эпохи Древней Терры лошади стоили очень дорого? Тот, кто мог позволить себе такое животное, занимал высокое положение в племени. Прежде чем дать наследнику шагоход, в доме Шварцштайн смотрят, каков он в седле. Я люблю ездить верхом, но сперва нужно выяснить, какой из скакунов лучше. С людьми та же история, надо лишь найти слабое место: то, что заставляет их бежать.

— И как, нашла что-нибудь во мне?

Дворянка искоса взглянула на хирурга.

— Ты скользкий тип и лишён морали, которая сдерживает меня. Вот только считаешь себя лучше других, сидишь в башне из белого мрамора и посмеиваешься над простыми людьми.

— Про тебя могу сказать то же самое.

Шпиц-Эстерлен поправила волосы.

— Я говорю об этом в открытую, а ты — тихонько упиваешься собственным превосходством. Зазнайка.

— Это присуще всем нам, — философски заметил врач.

— У тебя хороший потенциал, но я пока не знаю, каков ты на больших дистанциях.

Сердце забилось чаще. «Сейчас или никогда», — решил Флеминг и прижал аристократку к стене.

— А насколько далеко ты готова пойти?

Девчонка вцепилась ему в лацканы с твёрдым намерением отстраниться, но вдруг передумала.

— Всё зависит от того, кто в седле.

Их губы сблизились, когда раздался надрывный перезвон колоколов. Проклятие на этого Джафара,

террористов и весь Султанат! Не мог подождать, козёл?

— Нам пора, — неохотно освободилась дворянка. — Мы вернёмся к этому разговору позже. Умоляю тебя об одном: не лезь под пули слишком часто. Я очень расстроюсь, если ты станешь калекой.

Дорога закончилась в небольшой часовне. Сэриетта замерла, услышав раскаты грома, доносившиеся откуда-то с поверхности. Она придирчиво оглядела Флеминга.

— Всё, что ты увидишь, останется между нами. Ты никому об этом не расскажешь. Клянись! Немедленно!

Услышав согласие, она прошла к заказному портрету самой себя. По ту сторону картины обнаружилась цифровая панель. Аристократка ловко ввела двадцатизначный код, и стенная обивка съехала в сторону.

Из тайного прохода тянулся неприятный сквозняк. Воздух чувствовался холодным, но, к неожиданности, сухим. Кабина лифта висела в тених, напоминая клетку для птиц. Откуда-то сверху волочились армированные тросы.

— Только после вас, моя госпожа, — заартачился медик. — Мне кажется, эта штукавина ещё не рухнула только потому что намертво прижавела к брашпилью.

Баронесса шагнула как настоящий лидер. Цепи жалобно закрипели, но пока не собирались лопаться. Флеминг присоединился к рыцарю. Та резко дёрнула единственный рычаг. Лебёдка взревела пробуждённым двигателем, и клетка начала размеренный спуск.

Природный камень сменил кирпичную кладку. Единственным источником света была чадающая лампада, закреплённая у потолка. Скоро стены шахты расступились, открыв бескрайние просторы чернильного мрака. Стоило протянуть руку, и её покрывала гусиная кожа от холодных прикосновений пустоты. Лоренца замутило. Он представил, как выглядит в глазах обитателей пещеры. Крошечный лучик в тёмном царстве, подвешенный над пропастью и бесконечно далёкий от верхнего мира.

Где же враги? Где твари, никогда не видавшие солнц? Агент ждал их, вода револьвером по направлению взгляда. Ничего не происходило, и это изматывало намного сильнее простого боя.

Казалось, что спуск никогда не закончится. Единственной константой в подземном мире было дыхание спутницы и гулкие удары собственного сердца. Прошло немного времени, и к нему добавилось едва уловимое жужжание. Где-то внизу бродили мертвенно-изумрудные шары.

Саванты классифицировали это явление как подвид шаровых молний, но хирургeon знал правду. Не болотные светлячки, а настоящие огни Дятлова решили встретить пришельцев. Так выглядела смерть. Впервые люди столкнулись с этой мерзостью на Древней Терре, где-то в заснеженных горах одной северной страны. Мелкие демоны приходили туда, где завесу между реальностью и Варпом кто-то нагло разрывал.

Клеть остановилась на ровной площадке, высеченной в обсидиановой скале. Над ней довлела мрачная громада феррокритового саркофага, украшенная математическими формулами. Поверх зеленела Шестерня Механикум, выведенная светящейся краской. Гостей встречал отряд паладинов, их лица прикрывали маски-черепки. В руках, покрытых лучевыми ожогами и гноящимися ранами, зловеще мерцали винтовки с огромными конденсаторами. Крестonosцы неплохо поработали, разграбив базы марсиан. Не оставалось сомнений, что прежние хозяева крипты уже закончили свои дни на кострах и виселицах.

— Рад-карабины, — узнал доктор. — Мы уже бесплодны. Задержимся тут — и мучительно погибнем от рака в ближайшие месяцы.

— Отрадно, что ты планируешь жить столь долго! — весело крикнула Шпиц-Эстерлен.

Флеминг непоколебимо сложил руки.

— Я с тобой никуда не пойду.

— Пойдёшь, куда ты денешься? — Сэри натянула бескровные губы в холодной имитации улыбки. — Или моим Бессмертным придётся тебя волочить. Неприятная судьба: сначала у тебя выпадут волосы. Потом расшатаются зубы. Превратиться в деда за несколько минут — оно тебе нужно?

— Ты умеешь находить правильные аргументы.

Галереи трещали от лучевой нагрузки. Аристократка бодро вышагивала впереди. Конфедерат старался не отставать, чтобы не подходить слишком близко к обречённым воинам с радиоактивным оружием, замыкавшим строй.

Они шли достаточно долго, чтобы миновать катакомбы и выйти с другой стороны, но этот миг не желал наступать. Надо полагать, святилище внутри было намного больше, чем снаружи. Это наталкивало на любопытные мысли. Кто его построил, куда пропал и как скоро возвратится? Баронесса вела себя как хозяйка этого царства, но с тем же самым успехом крысы могут считать, что им принадлежит амбар.

Сумеречное помещение армориума окутывал мороз. Тусклые люмены подсвечивали громадный шагoход, закованный в броню цвета январского неба. Её покрывали руны, оставлявшие боль в глазах. Уже никто не помнил запретного наречия Нортленда. Когда-то оно звучало в яростном кличе племён, являвшихся с моря на драккарах.

Левый манипулятор квестора продолжался в гарпун на цепи. По правой стороне выступала криопушка с

ребристыми шлангами. Голова рыцарского доспеха напоминала медвежью морду. Сыромятный стяг висел меж коленных шарниров, как набедренная повязка дикаря.

Лоренц выдохнул с праведным отвращением. Какими правдами и неправдами технопогань могла оказаться в собственности благородного дома? «Беовульф» молчаливо напоминал о величайшем предательстве рода Хорнскейл. Полвека назад эта фамилия пала в скверну и едва не поставила человечество на грань вымирания.

Баронессу, напротив, обуяло парадоксальное веселье. Она знала эти письма. Отцовская кровь немного разбавила её истинную суть, но теперь голоса предков скреблись на грани восприятия.

«Беовульф» никогда не примет по-настоящему чистого пилота. Он требовал правильного происхождения. Он звал к спиралям генов, перекрученным богохульной изменой. Лишь потомок предателей мог воссесть на Трон Механикум и пережить удар нейрожала.

За внешней миловидностью в Сэриетте горело незамутнённое зло. Им был не жалкий хаосизм, а воинская честь, отточенная до бритвенной остроты и доведённая до абсурда. Таш-джарганцы приносили жертвы Губительным Силам. Древние норды говорили с Варпом на равных.

Кто-то шёл на войну за деньги, родных или такую зыбкую вещь, как присяга. Клан Хорнскейл убивал ради самого процесса. Он редко строил святилища и не тратил время на жалкие молитвы. Баффар жил не в храме из камней, а на поле боя. Он смотрел на война, когда тот ломал топором головы противников. Его сила переполняла тех, чьи мускулы жгло напряжением и болью разорванных сухожилий.

— Начнём ритуал присоединения? — с обречённым видом спросил хирургeon. — Но учти: я не знаю, как работать с нейроинтерфейсом.

Сервиторы подали трап.

— Лучше дай мне руку.

Конфедерат поднял Сэриетту как ребёнка. Он без труда усадил её в тесную кабину. По сравнению с «Тортиллами», паровыми танками пасаденцев, доспех выглядел пиком технологичности. Если бы не рычаги, сделанные из бедренных костей, и не звериные шкуры на троне, квестора можно было назвать приятным шагоходом.

Флеминг выудил из кармана фиал с асептическим гелем и смазал угрожающий нейрошип. Средство коммуникации более напоминало пыточную иглу, чем прибор сопряжения.

— Я буду нежен, — промурлыкал он.

Шпиц-Эстерлен скабрёзно ухмыльнулась.

— Нет. Входи резко, с одного движения. Не люблю тянуть.

Щуп грубо вонзился в затылочный порт. Что-то в душе рыцаря возопило от ужаса. В последний момент она восстала. Сэри пыталась вернуться во времена старого Шварцштайна, придворных балов и праздничных охот.

Воспоминание приходило неискренним. Его туманила обида. Мартин, этот гнусный выродок, всегда ходил в любимчиках отца. Кого носили на руках и чествовали в триумфальном зале? Чьи капризы выполнялись быстрее, чем они приходили в звонкую и пустую головушку? Кому пророчили вечную славу, а кого хотели выпихнуть замуж за толстого маркиза?

И тогда рыцарь увидела «Беофульфа» под смоляным небом. На горизонте коптила гряда вулканов, рассыпая хлопья пепла. Могучие ноги попирали выжженную землю. В россыпях камней белели черепа людей и ксеносов. Армии дьяволов перемалывали друг друга в радости чистой резни.

Квестор шагал над полем битвы подобно идолу войны. Криопушка выплёвывала снаряды из твёрдого азота. Окованный гарпун пронзал тех, кому хватило безумия подойти вплотную. Послышался раскат грома, и облака исторгли дождь расплавленной меди. Жгучие капли неистово хлестали броню. Касания опаляли кожу, и боль раззадоривала ненависть.

Ненависть чище зимнего рассвета. Никакое удовольствие не могло сравниться с трепетом клинка, вспарывающего брюхо вражеской машины.

Дух старинного шагохода пленил рыцаря. Квестор слишком долго стоял в гробнице, чтобы легко расстаться с новым пилотом. Он жил убийством и рвался в драку, несущую простые откровения. Нет мира под лунами: лишь война, ярость и кровь. Испокон веков человек был разменной монетой. Это не изменится ни сейчас, ни через десять тысяч лет.

Книжники спорили о том, в какой момент сапиен возвысился над миром животных. Кто-то говорил об укрощении огня, создании плуга и колеса. Те, кто умнее, вспоминали первый орбитальный полёт.

Все они заблуждались.

Троглодит стал человеком, когда схватил камень и проломил им голову сородича. Восьмеричный Путь с начала эпох манил детей Терры. Войны племя на племя, царство на царство, континент на континент. Учёные пробили дорогу к звёздам, чтобы вселенский пожар выплеснулся в Млечный Путь. Причастность захлестнула Сэриетту. Из тьмы веков смотрели павшие воители старины. Дикарь с дубиной. Гоплит с копьём. Легионер с

гладием. Наёмник с автоганом. Пилот рыцарского доспеха. Она их не знала, но имена больше не имели значения. Все они лили кровь и погибли с оружием в руках. Все они были её братьями.

Сэриетта не предаст их. Она продолжит Багряный Поход клана Хорнскейл и будет нести это бремя, пока вражеская ракета или снаряд не погубит её. И тогда череп рыцаря, отбеленный кислотными дождями и временем, упадёт к подножию медного трона. Пустые глазницы посмотрят в мятежное небо, а рот — широко улыбнётся отломками зубов. Веселье разделят миллиарды иных воителей прошлого, настоящего и будущего. Пусть они мертвы, но разожжённое ими пламя никогда не угаснет.

Галактика будет гореть!

Шорох серной спички. Огонёк в спиртовке. Всё это казалось юному примарху магией, ведь Лумумба сказал, что сейчас они двое станут варщиками. Он говорил это слово с таким почтением, как будто речь шла о посвящении в тайный орден.

— Слушай загадку, шкет, — начал морпех, звеня пробирками. — У тебя есть семьдесят с гаком раненых, которые не могут стоять на ногах. Ты обязан как-то заставить их воевать.

— Вылечу каждого, — бойко ответил ребёнок.

— Великодушно и глупо. Флеминг их кое-как подлатал, но скоро пойдёт гнойная инфекция. По-хорошему, её нужно давить антибиотиками, а про такое здесь не слышали.

Сын полка заглянул в ящик с химической посудой.

— Хочешь приготовить для них лекарства?

Чернокожий растянулся в улыбке.

— Мимо. Пеницилловый грибок очень долго растить, очищать и взвешивать. Вместо него мы сварим такую забористую дурь, что наши доходяги вмажутся — и пройдут от моря до моря за ночь.

— Боевые наркотики! — понял Райзел. — Научи меня.

В тесной лаборатории закипела работа. Второй обладал интуитивным пониманием алхимии, но то, что вытворял его камрад, было за гранью человеческой науки. В колбе над горелкой булькала слизь, вываренная из лепестков мака. Морпех упоённо шинковал твёрдые комки. Загадочный ингредиент оказался надпочечниками кархародона — гигантской и невероятно злой акулы.

— Ты знаешь, кто такие фонтейнцы? — невпопад спросил наставник.

— Вассалы Кронштайна, если я правильно помню.

— Да-да, — радостно кивнул он. — Такие усатые, манерные, любят шпаги и дуэли. Представляешь, они жрут лягушек, а нас обзывают варварами.

С этими словами он полез в карман, достал оттуда горсть сушёных головастиков, и кинул к вареву.

— Теперь немного специй. Мели вот это в ступе.

Райзел ахнул, увидав обломок варп-кристалла размером с перепелиное яйцо. Наверное, хитрый солдат обокрал террористов Гоибназара.

Полученная крошка мерцала собственным светом, как раскалённый уголь. Без лишних церемоний её высыпали туда же. Под конец Лумумба велел поймать семь жирных мух. Завершив первый этап, варщики надели на горловину сложный агрегат из трубок.

Сержант охотно вошёл в роль учителя, и принялся чесать языком.

— Круто, что Флеминг нас не видит. Началось бы занудство: грязными руками не лезь, дозировки соблюдай, температуру контролируй. Он хороший человек, но, как это говорят, горе от ума. Под его началом у нас вышел бы озверин.

— А без хирурга? — мягко подтолкнул Райзел.

— Мы гоним лютое дерьмо. Правил нет — одна импровизация. Просто знай: каждое вещество обладает своим эффектом. Железы рыб дают агрессию. Личинки — дубят кожу до состояния брони. Опий тушит боль даже от смертельных повреждений.

— А мухи?

— Мухи, — повторил шаман, — вместе с варп-огнём вызовут очень сильные мутации. Разливай экстракт по шприцам. Один укол — и больной превратится в глупого, но живучего зомби. У нас будет своя армия, намного лучше рыцарской. Теперь самое последнее дело: запри госпиталь. Веруны могут заметить наш маленький опыт раньше времени.

Примарх отправился выполнять задание. Он без труда закрыл дубовые створки, но в рядах стражи оказался несговорчивый паладин. Слушать объяснения он категорически отказался, и нагло полез к засову.

— Не стоит, — предупредил юноша.

Окованная перчатка легла на затыльник булавы.

— Ты смеешь приказывать ангелу Церкви, ничтожество? — угрожающе протянул фанатик.

Времени разглагольствовать не оставалось. Райзел метнулся вперёд, склонив голову. Враг потерял равновесие, упав на спину. Рука потянулась к шее. Второй напряг мускулы, чтобы защитить позвоночник, и задержал дыхание. Он умел обходиться без воздуха намного дольше смертных. Запустив пальцы под горжет, мальчик сорвал шлем, и с яростью обрушил его на переносицу боевика. Хрустнула кость. Лужица мозгов растеклась по холодному полу.

Недолго думая, ребёнок уволок тело к своему товарищу. Вместе они сняли доспех. При жизни паладин был крупным мужчиной. Чтобы спрятать его, пришлось немного подрезать сухожилия, заломить конечности, а потом

утрамбовать труп в сундук для вещей. Конечно, можно было воспользоваться мертвецкой: всё равно в морг никто не ходил, но вудуист Лумумба хитро покачал пальцем.

— К леднику не вздумай идти, это место не для живых, — предупредил дикарь.

— Всё равно там скучно, — согласился найдёныш. — Что будем делать с поножами, кирасой и всем остальным?

— Силовая броня — это по твоей части, — объявил пасаденец. — Мне привычнее бегать в шинели, но я помогу тебе сменить гардероб. Без обид: выглядишь так, словно вчера спустился с гор.

Возились они долго, используя народный метод такой-то матери. Спустя час Райзел облачился в кованые латы с гальваническим ранцем. Доспехи сделали качественно, однако по-спартански. Ни о каких регалиях, лентах чистоты и другом пижонстве не могло быть и речи. Только желтая молния, древний знак электричества, украшала выхлопную трубу реакторного ранца.

— Теперь что? — риторически спросил вооружённый примарх.

— Идём на балкон. Скоро начнётся.

На фоне Млечного Пути летали драконы. С такого расстояния твари напоминали две грязные тряпки, подвешенные в воздухе. Выручал набор инфракрасных фильтров, мастерски встроенных в шлем. То, что могло показаться динодонами, на деле выглядело тошнотворным сплавом железа и мяса. В летунах угадывались очертания «Рукхов», но если флаеры полагались на реактивные двигатели, то их потомки вяло качали органическими крыльями. Шарлей де Тревиш явно приложил к этому руку.

— Снять бы их, — сосредоточенно пробормотал юноша.

Лумумба смачно харкнул за перила.

— Береги силы. Их шкура свободно держит очередь автопушки.

Оба знали, хотя не желали признаваться в этом. По кишлакам, бездонным каньонам и ветреным пикам растекалась пустота. Скоро хаоситы полезут на штурм, имея преимущество во всём. Чухут-Кале, эта несокрушимая твердыня, падёт к утру. Мутанты будут пировать на костях павших, а головорезы переловят всех, кто сумеет удрать.

Примарх не знал страха. Для него трудности были шансом проявить себя. Но как поступить с менее стойкими бойцами? Далеко внизу толпились кнехты. Кто-то истерически молился, другие стояли с отрешённым видом, а самые храбрые точили пики. Их защищала слабая искра веры и обширные запасы невежества. Словно языческие тотемы, над смертными высились «Оруженосцы». Эти шагоходы создавали по упрощённой технологии, позволяющей брать в качестве пилота обычного человека. Такой чести удостоивались простолюдины или проявившие себя крепостные.

Путь к утерянной столице выглядел как бесплодная долина. Поверхность усевали камни, ржавые обломки неясного происхождения и колючая проволока. Открытые места были двух типов: или волчьи ямы, или минные поля. Расставленные на куртине пушки могли вести огонь по заранее пристрелянным квадратам.

Райзел молчаливо признал, что Сэриетта хоть чему-то научилась благодаря Вадистанской кампании. Такая система защиты могла отразить обычный приступ, но апостол Джафар будет использовать археотек. Миллионы звёздочек-шипов — неплохое средство против кавалерии, но задержат ли они танки?

На высокой башне появился Альхазред. Черно книжник включил громкоговорители, откашлялся, и завыл скорбную песнь. Одно слово цеплялось за другое, усиливая чары с каждым повторением. Дьяволистов учили не только вызывать эфирных существей, но и мешать им появляться. Если повезёт, его заклинание хоть немного помешает колдовским атакам из Тон-Трема.

— Птички разлетелись! — отметил морпех.

Рано радуется. Хаоситы разнохали, что хотели. Теперь они полезут на стены, зная схему обороны и расположение крестоносцев. Что знала одна тварь — то видел патриарх Колючей Звезды. Старый фокус, но всегда эффективный.

Где-то вдалеке прозвучала канонада. Гаубицы Золотого Века начали артподготовку. Снаряды упали на крыши барakov. В городе вспыхнули пожары. Стайка реактивных штурмовиков легла на крыло. Идя на бреющем полёте, «Рукхи» швыряли тонны бомб и зажигательных ракет. Райзел инстинктивно дёрнулся к передовой. Сержант ухватил его за локоть.

— Стой на месте, а лучше — катись вон с балкона. Уроды прощупывают, где у нас мягкие места. Это разведка боем. Госпиталь высекли глубоко в каменной породе. Пока террорюги не зарядили бетонобойные снаряды, мы в безопасности.

— Хочешь тупо ждать, пока за нами придут? — оскалился примарх.

Бывший раб оставил наблюдательный пост и нырнул в полумрак. Он степенно закурил палочку-лхо, мудро поглядев на юношу.

— Внутри тебя живёт бойцовский пёс. Держи его на цепи, а то жажда насилия сгубит вас обоих. Фишка не в том, чтоб начать драку первым. Умей влететь с ноги, когда враг устал и не готов к твоему появлению. Так что сиди

и расслабляйся. Наш резерв — это зомби. Мы выпустим их, когда бородачи поломают клыки об рыцарей.

— Айзек орёт, чтобы все шли на главную площадь, — напомнил Райзел. — Ты его не слышишь, потому как он говорит по воксу.

— Так пусть покажет нам пример, умник фраганный! Что же он прячется в штабе? На дворе немного шпормит, и простому человеку там не протянуть и минуты. Хочешь умереть за этого механического клоуна? Вижу, что нет.

Умирать примарху совсем не хотелось, а вот оказаться в гуще событий — больше всего на свете. С каждой секундой в нём проявлялись новые способности: сила мускулов, могущая посрамить гидравлические домкраты, сверхъестественная скорость, нечувствительность к боли, кожа прочнее брезента, — всё это выдавало рукотворное происхождение. А вместе с тем — служило благой цели.

Цель состояла в том, чтобы удрать от негра и забраться на северный горнверк — обрывистый холм, сваленный из рокрита и торчащей арматуры. Он станет поворотной точкой в грядущей битве, и, разумеется, первым испытает на себе гнев Джафара. Где ещё можно прославиться и явить пример настоящего лидера?

Лучи прожекторов скользили над унылой землёй, но примарх оставался невидимым для дозорных. Союзники немного волновались, так что сначала они будут стрелять, а потом — спрашивать. Тем более — по очевидному лазутчику. Он полз на пальцах, замирая каждый раз, когда сияние проносилось рядом. Мальчик немного задумался, и миг раскусил схему просвета территории. Зная, куда фонарики посмотрят в следующую минуту, Райзел пошёл как рыба сквозь морские глубины.

За этой войной, рыцарями и колдунами забывалось, что на дворе стояло тусклое лето. Невзрачные ландыши пробивались к солнцам. Где-то журчала вода, освобождённая из вековой хватки ледника. Над окопами витал терпкий запах вьёвшегося пота, орудийного сала, пороха и табака. Казалось, жизнь способна отыскать любую лазейку: даже в Вадистане она исхитрилась процветать.

Картину солдатского быта портил сладковато-липкий смрад, неотделимый от трупов. На мотках колючки висели обезображенные фигуры террористов. Электричество запекло их до состояния угля. Поодаль валялись десятки тел, похожих на кукол с настоящей кровью. Эти бедолаги выяснили на своей шкуре, каково это — получить арбалетный болт.

Выглядело странным, что засеченцы удержались от мародёрства. Размышляя об этом, Райзел поневоле вспомнил плакат на лобном месте. Он изображал, как воришка берёт восточный меч, а затем превращается в карикатурного чёрта. Едва ли крепостных запугали такие намёки на порчу, но, зная аббата фон Зальцпайра, божьи люди не стеснялись объяснять сложные вещи простым языком. Показательная казнь доносит идею намного эффективнее разговора по душам. Паранойю феодалов можно понять: каждый артефакт, захваченный у врага, мог оказаться проклятым.

В сухой глине блеснула каска. Это был не тот узнаваемый пикельхельм, неразрывно связанный с Геллером и Древней Жерманию, а простая шляпа-капеллина, выкованная из самой дешёвой стали. Череп задорно скалился двумя рядами зубов, а небольшие рожки протыкали металл.

Скверна. Она поселилась в горах задолго до того, как чадающие пароходы Шпиц-Эстерленов приплыли в этот край. Вадистан был чёрной дырой, проклятием для всех, кто заявит на него права. Нынешняя война уже мало напоминала тот славный поход годичной давности, о котором все говорили с ностальгией.

На мгновение Райзела сморило, и примарх увидел, как два дряхлых монстра вяло бодались за изумрудно-синий шар.

Первое недоразумение очень хотело быть свирепым коршуном, но больше напоминало жирного петуха. При всей комичности птаха, он щёлкал внушительным клювом и мог здорово покалечить жертву, если удачно попадёт в цель. Его противник состоял из клубка змей. Каждая мордочка наносила болезненные, однако не смертельные раны. Кронштайнская Ландмарка и Таш-Джарганский Султанат. Живые ископаемые, истощённые старостью. В Галактике тридцатого тысячелетия им не оставалось места.

Война застыла в окопах, и постепенно меняла свою суть. Она видоизменилась, отошла от противостояния героев с одной стороны и злодеев — с другой. Теперь ею стала гонка наук. Кто первый заполучит оружие древних — тот и будет править миром.

Слух генетически модифицированного ребёнка уловил подозрительные завывания, доносившиеся от пригородов Тон-Трема. Судя по всему, хаоситы расставили минареты в точках с наиболее громкой акустикой. Второй не знал этой молитвы-плача, но слишком уж часто в ней упоминали погонщика бурь Саргатана.

Подул ветер. В бризе чувствовалась прохлада ледников, едва уловимый запах цвет-лишайника и нетронутая белизна солевых отложений. Словом, всё то, что засеченцы успели возненавидеть до глубины души. Под стать погоде стал восход Ока Ужаса. Туманность зависла над башней Циолковского, превратив её в сказочный замок с пылающим глазом на вершине.

Безмятежная картина трогала сердца, но Райзел не спешил расслабляться. Далеко за линией фронта

копошились враги. Вадистанцы, это пушечное мясо Джафара, не стоили внимания. А вот Тёмные Механикум, торопливо закапывающие цистерны, — уже что-то. Пришло время надеть шлем.

— Айзек, — позвал Второй по закрытой частоте.

— Райзел? — почти удивился робот. — У тебя не было приказа идти в дозор. Немедленно возвращайся!

Организаторские таланты всё более раскрывались в этом пареньке. Он видел то, что проходило мимо смертных командиров.

— Жестянки приволокли газовые баллоны.

Повисла недолгая пауза.

— Ты уверен?

Джафар не дал ему ответить. В эфире повис белый шум, а по куртине замолотили бетонобойные снаряды. Северный горнверк встретил первый настоящий удар. Гаубицы крошили равелин крестноносцев. Фосфекс, отвратительная смесь белого фосфора и алюминиевой крошки, выжигал укрытия. Когда люди высыпали наружу, спасаясь от огня, хаоситы организованно повернули вентили.

Перед носом упал рамфоринх. Рептилия шевелила крыльями, делая агональные вдохи. Из клюва динозавра вытекали ошмётки лёгких.

Страшно представить, что чувствовали простые мужики, видя белёсое облако. Оно дрейфовало к позициям феодалов, растекаясь по земле и заполняя в каждый окоп, каждую воронку и яму. Сначала — удивление. Потом — ужас. Затем — паника. Люди швыряли арбалеты и неслись к Чухут-Кале, стремясь обогнать удушливый пар.

Тщетно. Едкий хлор собирал жатву и в цитадели. Над горизонтом появилась огромная эскадрилья «Рукхов». Штурмовики безнаказанно бомбили город, пока умирающие зенитчики вели неубедительный огонь.

И тогда со стороны Тон-Трема покатали танки. Чудовища, облачённые в клепаную броню, водили круглыми башнями. На бортах сидели мотопехотинцы в противогазах. Одинаковые линзы, длинные хоботы и толстые флак-жилеты напоминали о священных мамонтах рода Мехенди.

Райзел постарался трезво прикинуть, что к чему. С одним копьём он мало навоюет против колонны. К тому же, за ударным клином волочились бульдозеры террористов, увешанные скорострельными картечными. Позади них топала орда мутантов и пеших культистов. Барабаны, обтянутые человеческой кожей, выстукивали медленный ритм дубины и кулаков.

Верным решением стало уходить к мельнице. По пути юного примарха окликнули. Он уже занёс древко, когда старый знакомец поднял руки.

— Кел-Рабин? — изумился юноша. — Я думал, тебе нет дела до наших бед.

Монах рассмеялся. Его лицо стекало вниз, как восковая маска на жаре.

— Я не жалец, друг, но видят звёзды — мне повезло успеть на последний бой этого мира.

— Что ты можешь сделать? — жалостливо спросил Второй.

— Я — ничего. Но ты! Ты способен принять мой последний дар. Когда я был молодым и служил в армии, мне так и не хватило смелости выстрелить из него. Бери. Он твой.

Отшельник протянул трубу с мерцающим экраном.

— Это ПТРК, — объяснил Кел-Рабин. — Просто наведи дуло на подходящего врага, и нажми зелёную руну. В ракете живёт глупый, но злобный интеллект. Она сумеет найти цель.

— По кому я должен стрелять? — озадачился паренёк, но учитель уже свернулся калачиком и перестал реагировать на слова.

Полчища мутантов захлёстывали стены крепости, но с пригорка, занятого Райзелом, становилось видно: это всего лишь обманный манёвр. Легион танков под предводительством невесть откуда взявшегося «Лендрейдера» месил грязь около водяного колеса. Над «Щуками» возвышался относительно чистый квестор, наречённый «Стрыгой». Он мог бы сойти за благородный шагход, если бы не отметки заботливого осквернения: свирепый носорог вместо гродненского вепря и колдовские пергаменты на каждом участке брони.

«Здравствуй, Андрий».

Сэриетта Шпиц-Эстерлен до последнего скрывала предательство слуги, но Айзек ловко надавил на неё, заставив открыть карты. Что знал кремниевый полководец, знал и молодой примарх. Отряд Бульбы героически преодолевал обстрел. Явление блудного сына могло переломить ход боя. Что же, настало время поохотиться на крупную дичь.

Тарас производил впечатление старого и косного служаки, но ему хватило ума поставить дымы. Вкупе с хлором они снизили видимость до нуля. Воцарилась полная неразбериха. Юноша полагался на авточувства брони и отточенные инстинкты. Тем временем, Андрий с яростью крошил «Оруженосцев». Выродок подбирался к отцу с очевидным намерением стать новым главой дома.

«Лендрейдер» повернул корпус. Счетверённые лазпушки в один миг сдули щиты лояльного рыцаря. Мятажный шагход издал торжествующий рёв охотничьих рогов, и побежал, сотрясая грунт поршневыми

конечностями. Гиганты схлестнулись в драке, где не оставалось места иным участникам. Во все стороны летел керамит, осколки брони и сорванные звенья клинков. Искры проливались на землю обжигающим водопадом света.

Медлить нельзя. Примарх навёл гранатомёт. На ретинальном дисплее замерцала сетка целеуказателя. ПТРК вмиг опознал жертву. Когитатор услужливо предлагал несколько вариантов: реакторный отсек, система охлаждения или боеукладка. Выбор казался нетрудным. Второй надавил на спусковой крючок.

Яркая шутиха полетела в небо. На вершине траектории она развернулась, и точно угодила под левый наплечник Андрия. Один удар сердца ничего не происходило, а затем шагоход качнулся. Сотни гиперзвуковых снарядов детонировали один за другим. Внутренние разрывы добрались до баков с топливом.

Рыцарь-предатель вспыхнул, как вязанка дров. Большого Тарасу и не требовалось. Он чуть отступил, раскрутил стволы мегастаббера, и выпустил ослепительную очередь.

< Я тэбэ породыв — я тебя и в'бью! > — поклялся верный слуга трона.

Он палил снова и снова, игнорируя невнятные попытки танкистов спасти предводителя. Когда всё закончилось, над полем боя тлел изрешечённый остов «Стрыги», — последнее напоминание о вероломстве гродненских дворян.

Акустические помехи ослабли. Второй коснулся вокс-бусины.

— Райзел — верховному командеру Айзеку-Ноль-Ноль-Первому! «Стрыга» уничтожена, но вражеский «Лендрейдер» продолжает натиск. Копьё Бульбы утратило боеспособность.

Автоматон мигом отозвался.

— Принято. Не знаю, где вадистанцы откопали вездеход, но колесить им осталось недолго. Спрячься где-нибудь. Жди «Находчивого». Картер займётся твоей эвакуацией.

Скоро показался вертолёт. Полковник отстреливал культистов, удерживая гашетку в одной руке и связку гранат — в другой. Компанию Джереми составлял исповедник Зальцпайр в кругу телохранителей. Паладины спустились на тросах, а флаер заложил вираж. В руках церковников оказались мелта-ружья. Видимо, аббат решил подготовиться к встрече с давним врагом.

Пули таш-джарганцев разбивались о кованые латы. Проповедник бежал во главе отряда, потрясая моргенштерном. Каждый взмах уносил жизни еретиков. Вскоре им открылся главный виновник торжества.

«Лендрейдер» выглядел как наспех подлатанное корыто. Единственной причиной, по которой он кое-как двигался, был Шарлей де Тревиш.

Вертолёт завис над крышей. Полковник свесился, ухватившись за полозья. Он ловко уронил взрывчатку прямо в выхлопную трубу. Археотековый зверь пошёл юзом. Наружу хлынула пена из внутренних систем пожаротушения.

— Крестославные, мелты к бою! — рявкнул Олесь. — Пусть нечестивец сварится в своём железном гробу!

Телохранители облепили командирскую машину, словно первобытные охотники — жирного динозавра. Вспыхнули белые лучи микроволновых разрядников. Слои кое-как приваренного металла растворялись один за другим.

Не обращая внимания на огонь и жар, святоша полез вперёд. С упоением фанатика он принялся работать силовой булавой. Скоро из дыры показалась рука, одетая в белую мантию. Пальцы держали волкитный пистолет.

— Получай, сука! — истерически завопил ризничий.

Тот, кто секунду назад был высокопоставленным иерархом Церкви, вмиг превратился в лужу расплавленного шлака. Только сапоги напоминали об исповеднике Олесе фон Зальцпайре, чья вера затмила разум.

Дымовая завеса растаяла. «Щуки» открыли прицельный огонь по людям. Паладины разлетались на части, как орехи, брошенные под локомотив. Нечисть в комбизоне, когда-то звавшаяся скитарием, подняла гранатомёт.

Инверсионная полоса медленно соединила жерло и хвостовой винт «Находчивого». Флаер-ветеран, участник Войны Машин и бесчисленного множества сражений, пал в гибельный штопор. Его путь закончился жалобным звоном разбитого пластика. Обломки вертолёта утюжил вадистанский танк.

Зрение примарха окрасилось багровым. Он шагнул прямо в ад, сметая пехотинцев как таран. Райзел настиг меткого киборга, поймал технотварь за шею и таз, а потом дёрнул. Расчленённый труп улетел в сторону. Второй на очереди стала «Щука». Мальчик уцепился за поручень, влез к башне и вырвал люк. Внутри обнаружилось три человека при тюрбанах. Он доставал их одного за другим, как улиток из раковин, рвал на части и плакал от горечи.

Когда всё было кончено, пришелец обернулся к обломкам. Среди них лежало перееханное тело Картера. Старый вояка едва глотал воздух.

— Джереми, — всхлипнул ребёнок.

Пасаденец вытянул пистолет из кобуры.

— Добей.

— Я спасу тебя!

Офицер сплюнул кровь.

— Дай мне умереть от руки друга, а не этих вырожденцев!

Примарх взял револьвер и, скрепя сердца, выстрелил. Война, эта ненасытная пасть, была вовсе не развлечением. Она калечила судьбы, забирала хороших людей и сеяла разруху.

Райзел отбежал к строению под готической крышей. Одну его стену занимало водяное колесо, отводя приток Гянджа на выработку электричества. Повсюду витал хлор и валялись тела. Тарас отчаянно палил в наступающих врагов, но без ионного щита ему долго не протянуть.

Примарх бегло поделился новостями с командиром. Кремниевый полководец ответил спустя несколько тягостных секунд.

— Потери выше прогнозируемых. Бой за мельницу проигран. Эсса подорвёт шарниры. Вместе с ней ты уйдёшь в пятый технический туннель. Он соединяет наш госпиталь с Колесом. Там вы найдёте Флеминга, перегруппируетесь и станете последним рубежом обороны.

— А что с городом? — на бегу побеспокоился юноша.

— Ты хочешь это знать? Девять королей Мехенди, тысячи истребителей в небе и такое количество мутантов, что не поддаётся учёту.

Он мог бы не продолжать. Героическая осада превратилась в бойню без малейших шансов на выживание.

Эсса фон Хагенау нашла около громадного терминала. Техножрица колдовала около рычагов,-metaющихся стрелок и блестящих ламп. Её окружало семеро станочников. Бородатые карлики с трудом стояли на ногах, но сам факт, что они пережили химическую атаку, говорил об их стойкости. Наверное, марсиане приучили своих рабов к самой недружелюбной атмосфере.

— Вы живы? — изумился примарх.

— Милостью Креста, — бросил Адрик. — Ты из отряда Зальцпайра?

Юноша снял шлем.

Археолог удивлённо повернулась к нему, явно размышляя над увиденным. Умная девушка не стала спрашивать, как он заполучил силовую броню и где зарыл предыдущего владельца.

— Это не распределитель тока, — констатировал Райзел.

— Молодец, догадался, — похвалила эксплоратор. — А теперь хватай кубок и пей, сколько влезет.

— Я требую объяснений, — заартачился он, когда станочник сунул ему в руки полную чашу.

Марсианка раздражённо поправила косу.

— Не дави на меня! Шпиц-Эстерлен дала идиотское поручение. Как я могу снабжать электроэнергией Хорез-Юрт, если Шайтановы Братья подорвали коммуникации неделю назад?

— И ты говоришь об этом только сейчас?

— Я думала, вы знаете.

Примарх повёл руками. Дварфы нервно коснулись топоров.

— А чем ты занималась, позволь спросить? — с предельной вежливостью проговорил он.

— Выделяла тяжёлую воду.

— Зачем?

Техножрица схватила Райзела за перчатку.

— Шарлей — мерзкий тип, но явно читал «Тактику Квесторис». Сначала он хотел забить нас артиллерией. Не вышло. Тогда в ход пошли газы. Неплохо, но моих гномов не выкурить каким-то хлором. У ризничего остаётся последний козырь, с которым он положит живую силу, но сохранит инфраструктуру. Так что заткнись, пей тяжёлую воду, и стой смирно. Я загерметизирую твои доспехи. Предупреждаю: когда начнётся, тебе станет очень плохо.

«Начнется что?» — повисло на языке.

Шлем вернулся в пазы. Зашипел вытесненный воздух. Сквозь этажи огромного здания пробился обтекаемый снаряд. Его наконечник снабдили множеством резаков. Боковины разошлись, открыв прозрачные колбы с ядовитозелёной жидкостью. Мало кто знал о принципах работы нейтронной бомбы, ведь оружие, подобное этому, не оставляло свидетелей.

Станочники рассыпались в пепел. Пустые одежды звякнули по рокриту. Эсса приняла молитвенную стойку, когда её плоть стекала ручейками серой слизи, а механодендриты валились бесполезным грузом. Скоро от магоса остался элегантный скелет, сработанный из чёрного металла. На узкой грудной клетке выделялось стилизованное солнце, заключённое в рамку-гроб. К Райзелу повернулся череп-маска, сохранивший тонкие черты неуловимой женственности.

— Как самочувствие? — заботливо спросила она.

— Немного мутит, — признал мальчик.

В стороне шарахнули взрывы, и бесценное колесо мельницы рухнуло в кипящие воды.

— Идём, — позвала бессмертная. — Ты, и вправду, уникальное создание. Пережить такую радиационную нагрузку и отделаться тошнотой — это нужно быть полубогом.

Бредя по штольням, юноша не удержался от расспросов.

— Кто ты на самом деле?

— Меня зовут Нефертари, — представилась она, — инфильтратор Звёздного Легиона. Однажды мне довелось учить Айзека. А то несправедливо получилось: вам помогли эльдары, а наши последователи остались одни против альянса биологических цивилизаций.

— Ты железный человек?

— Если можно так сказать, — кивнула робот. — Мы отличаемся как микроскоп от палки. Меня создавали для более тонкой работы. Например, манипулировать людьми.

— Ты про синтезированную кожу? — догадался Второй.

— Не только, хотя признай: я была красавицей. Даже Флеминг, этот ценитель прекрасного пола, не заметил подвоха. Бедняга думает, что переспал с настоящей женщиной!

Автоматон издала вполне реалистичный смешок. Её спутника затошнило.

— Какой ужас, — посетовал он.

— Делишься впечатлениями?

— Ваши интриги сидят у меня в печёнках, — пояснил мальчик, всплеснув руками. — Я устал.

— Привыкай: всё не то, каким кажется.

Спустя несколько поворотов Райзел остановился.

— Мы не будем убивать Шарлея?

Нефертари щёлкнула мономолекулярными лезвиями на пальцах.

— Шарлей де Тревиш — всего лишь марионетка в большой игре. Он крупно облажался, и его казнят без нашего участия. Моя задача состояла в том, чтобы запятнать доброе имя Коллегии Механикум. Семена вражды посеяны. Рыцари больше не смогут верить техножрецам, как это было раньше. Из этого следует, что Кронштайнская Ландмарка обречена. Мир людей падёт, всё живое вымрет, а Карронад снова будет владениями Хозяина Машин.

Наконечник самодельного копья замер в миллиметре от шеи проводницы.

— Ты сказала достаточно.

Девчонка оцетирилась, как морская каракатица.

— Продолжай, раз начал. Чего стоишь? Но учти: со мной честной драки не выйдет. Если я окажусь слабее, то легко сбегу. У меня есть выход в карманные измерения, а у тебя — всего лишь быстрые ноги. А пока мои слова перевариваются в твоих мозгах, подумай вот о чём: сам-то ты человек?

«Правда — самое сильное оружие»

Откровение, пришедшее извне, резануло душу незамутнённой.

— Сомневаюсь, — признал ребёнок, убирая древко.

— Сомневаюсь, — передразнила ксенос. — Мы все видели, на что ты способен. Нет, Райзел, ты куда ближе к нам с Айзеком, чем к своим друзьям. Мы трое — порождения времён, когда Галактика была юной, нравится тебе оно или нет. Посмотри на этих обезьян-людишек: они ластятся к тебе, надеются, что ты будешь решать их проблемы. Как по мне, это унижительно: стать богом в ошейнике раба.

— Ты — всего лишь запрограммированный дроид, — уколел примарх. — Что ты знаешь о свободе воли? Собственный путь, на который ты намекаешь, — это директивы Айзека? Бездумный геноцид? Атомное колдовство? Или приказы Хозяина Машин?

Существо лениво отмахнулось.

— В тебе говорит юношеский максимализм. Он заставляет тебя хулить Безмолвного Царя. Когда-нибудь ты познакомишься с фаэроном Семерхетом и поймёшь, насколько был неправ.

— Допустим. А что сейчас? Бросим наших камрадов на растерзание Джафару, а сами пойдём к твоему повелителю?

Оптические линзы вспыхнули жестоко-радостным светом.

— Сперва покажи, что достоин аудиенции. Если ты бросишь к ногам фаэрона череп раджи Мехенди, радушный приём тебе гарантирован. Кроме того, хаоситы надоели всем. Они как опухоль на теле Галактики, а мы — острый и холодный скальпель. Пришло время биться в полную силу.

Сорванные маски

Галера медленно следовала изгибам подземной реки. С начала времён это царство не видело настоящего света, но ретинальный дисплей без труда превращал темноту в зелёную абстракцию самой себя. Сказать по правде, Второй мог бы снять шлем и насладиться красотой сталактитов, россыпей самоцветов и белоснежными наносами кальцита, ведь его зрение работало во многих спектрах. Существовала весома причина этого не делать.

Корабль обшаривал пространство невидимыми лучами. Мелкие демоны, заточённые в приборы, могли заметить слабое тепло живого дыхания. Мальчик осторожно крался по берегу. Поставь ботинок не туда — и вся охота пойдёт насмарку.

Он успел в деталях изучить неприятеля. Длинное и узкое судно шло на вёсельной тяге, издавая тихий плеск. Почему враги не поставили моторы на своё корыто? Первым, что приходило на ум, была бедность. Впрочем, с каждой минутой наблюдений становилось ясно, что галера с намалёванными глазами на носу не так проста. Тонкие доски явно подверглись очень сложной обработке. Гарпуномёты, расставленные по бортам, холодно мерцали наконечниками из адамантия. Гребцы вскидывали вёсла, точенные из рёбер океанического кракена. Одно знание о таких материалах приравнивалось к запретному, а ведь их ещё следовало добыть и пустить в ход!

Стереотипное мышление снова подвело Райзела, ведь галерники не были рабами. Они действовали в едином ритме как хорошо смазанный механизм: так же синхронно и тихо. Эта черта выдавала в людях не закабалённых бедолаг, а профессионалов на очень хорошей зарплате.

Спустя час корабль пристал к берегу пещерного озера. Тихие воды, окружённые обрывистыми берегами с минеральным осадком, разделяли два мира: аркологию Нижнего Вадистана и подвалы Чухут-Кале. К ним вела шахта пневматического лифта. Хаоситы слаженно десантировались на землю.

— Ты гляди, какие красавцы! — глумливо заметила Нефертари.

За долгие часы, проведённые на Карронаде, Райзел научился различать вадистанцев и таш-джарганцев. Первые были поджарые, неопрятные и по-звериному отчаянные. Вторые — цивилизованные, хорошо вооружённые и обученные. Они росли не в голодных аулах на краю мира, а в городах-миллионниках под сенью раскидистых пальм. Показательным уроженцем Султаната выступал Маджир Альхазред — умный, хитрый и вероломный философ-чернокнижник.

На беду феодалам, к лифту подбирались его соотечественники. Отряд из двадцати человек щеголял дыхательными масками, флак-жилетами, камуфляжной формой и берцами на ребристой подошве. От лазерных винтовок тянулись кабели, соединяя желганы с энергетическими ранцами. Кое-кто нервно водил по сторонам огнёмётами. Отряд принял классическое защитное построение: первый ряд залёг, второй — стал на колени, а третий — остался в полный рост. Вскоре к солдатам присоединился командир.

— На два часа, — указала некрон. — Это мушрик. Так называются люди, отмеченные Хаосом, но сохранившие волю.

Начальник штурмовиков очень выделялся на фоне подопечных. В основном — из-за венца рогов, оплетённых золотой паутиной. На плече лениво покоился цепной клинок. Рядом семенил техножрец в ободранной мантии.

Тёмные Боги оставили небольшой подарок для культистов. Обесточенный пневмолифт намекал, что лёгкого подъёма не выйдет. Предатель-шестерёнка начал возиться около подъемника. Идея врагов подкупала своей простотой: тихонько миновать поле битвы, заползти в тылы кронштейнцев и учинить резню в самом уязвимом месте: медицинариуме, где им не окажут сопротивления.

— Выходим? — кровожадно спросил юноша.

— Зачем? — удивилась инфильтратор. — Пускай делают грязную работу за нас. Ты умеешь чинить газовый привод? Сомневаюсь. Хочешь карабкаться по шахте следующий километр? Вряд ли. Поэтому сидим и ждём.

Когда устройство загорелось пробуждёнными люминофорами, автоматон сделала загадочный жест. По воксу растекался агрессивный код. Тихое зеркало воды покрылось рябью, как от брошенного камня. В глубинах что-то шевелилось. Лазутчики синхронно развернули оружие, открыв шквальный огонь по неведомой твари. Трещали очереди лазерных ружей. Камень дробился в пыльное крошево. Огнемётчики щедро заливали округу прометием. Скоро горючая смесь пережгла весь кислород, и начала коптить. Единичные пожары тлели в местах, где из трещин просачивался относительно свежий воздух.

Кристалльно-чистое озеро теперь выглядело как дыра, наполненная промышленными отходами. В один момент из неё вылетел комок шупалец с алмазными свёрлами. Галера картинно разлетелась в щепки. Змеящиеся отростки вырастали из бочкообразного тела. В его центре блестел огромный красный глаз.

«Не глаз, — догадался примарх, — а пикт-камера»

Неподготовленный человек мог принять это существо за кальмара, осьминога или даже гигантского паука. Он бы здорово ошибся, ведь Карронадом правила не живая природа, а реликты Тёмной Эры Технологий. Эта

поговорка становилась законом, если речь шла об окрестностях Тон-Трема.

Диверсанты полегли до единого. Героически, надо признать, но столкновение с забытым ужасом прошлого — не то, к чему их готовили. Возможно, снаряжись они мелта-ружьями или ракетницами, исход боя мог быть иным.

Ребёнок вопросительно поглядел на Нефертари.

— Не косись на меня так! — огрызнулась она, угадав выражение лица под шлемом. — Трубные Плавуны — это человеческая разработка. Я не имею к ним отношения. Вы сами породили этих тварей, а потом забыли, как ими управлять.

Спрут медленно уполз обратно в логово.

— Не представляю, зачем, — поделился юный сверхчеловек.

— Реакторы старого образца сильно грелись. Для охлаждения приходилось выкапывать специальные пруды. Сам понимаешь: рано или поздно в теплообменниках что-то ломалось. Тогда инженерам приходилось надевать гидрокостюмы и лезть в горячую радиоактивную воду. Даже среди коммунистов находилось мало трудоголиков, желающих сгореть на работе, поэтому вы создали плавунов. Они могли ремонтировать агрегаты, самостоятельно рыть новые каналы, но, главное — убивать каждого, кто просто попробует мешать им.

Райзел медленно кивнул.

— Я понял. А этот, — он указал в сторону водоёма, — был здесь всегда?

Ксенос наклонила череп.

— Скорее всего, он бездумно ползал в городской канализации с тех пор, как Искусственный Интеллект вышел из игры. Айзек взломал его дата-стеки и пригнал сюда через подземный рукав Гянджа. С какой целью — спрашивай у командера, мне он так и не дал внятного ответа.

— Хотел подстраховаться? Если выпустить на квестора плавуна, то ещё неизвестно, кто кого разберёт.

— Вряд ли, — огорчила та. — Рыцари — эксперты в отстреле крупной дичи. Этим они живут многие века. Если тебе интересно, как правильно валить шагоходы, вдохновись тактикой вадистанцев. Яма с мелта-бомбой для ног, плазма по коленным шарнирам, бронебойная ракета в гироскоп — и очередным бароном меньше.

— Не думаю, что мне пригодятся эти знания. Едва ли квесторы-предатели настолько деградировали, что попадут в собственную ловушку.

Инфильтратор заглянула в пустую кабину.

— Миллионы лет Войны в Небесах показали, что самая эффективная стратегия простая как лом. Не повторяй ошибок Айзека с его любовью к мелочам. Всего не предугадаешь.

Юноша подобрал цепной меч и сделал несколько взмахов. Грубое оружие, но с хорошим балансом. Если захочется кого-нибудь выпотрошить, лучшего средства не найти.

Бывшая механикум стукнула по рунической панели. Взвизгнул сжатый воздух, и кабина полетела вверх. Райзел переминался с ноги на ногу. Ему не терпелось помочь друзьям, но сердца жгло болезненное предчувствие. Он потерял слишком много времени, разбираясь с Андрием. Кто мог уцелеть за эти часы?

Первым, что услышал ребёнок, стали хлопки автоганов и треск разрываемой плоти. В узком проходе толпились живые мертвецы. Снаружи лезли культисты вперемешку с одонгами, но им приходилось дорого платить за каждый метр. Лумумба нашёлся в арьергарде. Негр лупил в наспех сделанный там-там. Шаманской музыке вторила песня собственного сочинения:

— Отчайтесь, народы, больных не гони, ведь кровь наша стала не гуще воды. Зараза сковала умы и тела, отрава сочится сквозь наши уста! Отчайтесь, народы, мгновенья текут — и ваши культуры в мгновение падут. Отчайтесь, народы, ведь Нургл пришёл, и дням вашей скорби от сумму подвёл. Стремления к свету повергнет он в грязь, шагая по трупам как чёрный князь! Отчайтесь, народы, надежда ушла — испейте же горькую чашу сполна. Я вскормлен распадом, страданиям рад! В награду за веру примите же ад!

Нефертари ловко растолкала зомби. Вадистанцы гибли десятками, не имея шансов избежать её когтей. Райзел присоединился к инфильтратору, жестоко разя мечом и копьём. Сержант оставил ведьмачество и поспешил за товарищами, добавив парные мачете к их клинкам.

В суматохе боя примарх едва заметил, как вырвался под небо. Вокруг царила пугающая, но в своём роде завораживающая обстановка. От Чухут-Кале остались руины. Рокрит заволакивала корка спёкшейся крови, повсюду валялись груды тел. Над могильником живописно догорали остовы «Оруженосцев», а вдали чадила гряда пробуждённых вулканов. Неверный свет больных солнц пробивался через облака пепла и выхлопных газов.

Сквозь развалины целеустремлённо топал «Беовульф», окружённый взводом паладинов. Сэри включила вокс-рупоры, добавив к перестрелке свой звонкий голос и переливы бравурного марша.

— Пусть гимн Шварцштайна разнесётся по стране безбожников в последний день этого мира! В бой, тамплиеры Креста! Мы стоим за прошлое, за честь и верность! На смерть, моё ангельское воинство! Крови для короля! Черепов для трона Ландмарки!

Девять квесторов Мехенди развернулись к баронессе. Чутьём хищника Райзел опознал главаря. Вблизи

шагоход поражал смесью красоты и опасности. Слоновьи бивни, кабина, увенчанная короной из платины, громовые когти, но особенно — панцирь, словно выращенный из горного хрусталя, — всё это повергало в трепет. Так выглядел не рядовой аристократ, а истинный падишах Востока.

«Наконец-то достойный противник!» — облизнулся пришелец.

Он видел достаточно, дабы осознать немногословную мудрость войны: чем больше враг — тем громче падает!

Управлять «Беовульфом» значило то же самое, что сидеть на холке медведя. Голоса предков, запертые в Троне Механикум, ревели от ненависти и требовали смертей. В нагрудник ударил силовой кулак, а по коленям больно стукнули бивни. Технотварь двигалась чрезвычайно быстро.

В голове пульсировала боль. Губы щипала кровь. Сэриетту взяли в кольцо. По дерганой походке раджи и неуловимому изменению стойки она поняла, что рыцарям Хаоса предназначено её убить. Вместе с осознанием пришло ненормальное спокойствие. Время растянулось как тугая струна. Дворянка издала протяжный вздох и полностью отдалась жестокому духу Машины.

Нейрошип накалился. Жар охватил голову, растекаясь по мозгу волной кипящего свинца. Никакая психика не могла выдержать столь тесного контакта с духом шагохода. Каждое мгновение забирало частицы личности, но это потеряло значение. Сэри не могла выжить, но в её силах было утащить за собой в ад хотя бы одного предателя. Единственным шансом победить стало полное забвение.

Аристократка больше не заботилась о себе. Вместо здравого мышления по её венам струилась кровная ненависть. Ложный выпад гарпуном — и противник открылся на долю секунды. Этого хватило, чтобы развернуть крипушку и выпустить поток жидкого азота. За выстрел она заплатила воспоминанием о лице матери. Удар локтевым суставом — и девушка больше не знала, каково это — пить вино.

Раджа напал со спины, выбив радиаторы охлаждения. Шпиц-Эстерлен моргнула в сторону красной руны. Последнее движение — и она забыла имя отца. Ублюдок дорвался до жизненно важных систем, но опоздал. Реактор запустил самоуничтожение.

Вокруг разлилась темнота.

Линзы шлема затемнились, предохраняя глаза от яркой вспышки. Смертным бойцам повезло меньше. Тех, кто воевал у ног «Беовульфа», запекло в собственной броне. Остальные разлетелись по сторонам, словно кегли. В одном из пострадавших Райзел увидел Флеминга. Поодаль валялась охотничья винтовка с оптическим прицелом. Речи благородной дамы шевельнули какие-то струны в его душе, раз агент присоединился к обречённой вылазке. Паренёк метнулся к другу. Судя по всему, хирургeon знал о хлорной атаке, раз надел респиратор, похожий на птичий клюв. Под брезентом противогаза обнаружилось бледное лицо с красными потеками из раздражённых глаз.

Из-за спины выскочил Лумумба. С дикарской простотой он тряхнул доктора за плечи. Ответом был взгляд как у снулой рыбыны. Вдохи становились реже. Кожа быстро становилась холодной и липкой. Не нужно быть профессором медицины, чтобы сделать неутешительный вывод: Лоренц умирал.

Сержант взвыл. В сердцах он толкнул примарха, освобождая место над раненым. Шаман приблизил грязное лицо к носу Флеминга, словно намереваясь делать искусственное дыхание, а потом снова удивил юношу.

Негр потянул в себя воздух. Из рта, ноздрей и глазниц хирургеона хлынул рой крошечных насекомых. Так выглядели духи болезни в представлениях вуду. Лумумба гудел и гудел, вбирая в себя концентрированную смерть, предназначенную другому. За несколько ударов сердца он похудел на тридцать килограммов. Лоренц же наливался силой. Когда его веки раскрылись, морпех прекратил колдовство. Он устало завалился на бок, сплёвывая мокроту.

Все понимали, сколь тёмное чудо сотворил шаман. Флеминг подался к чернокожему. Тот лишь отмахнулся.

— Настала твоя очередь геройствовать, — прохрипел он. — Оставь меня, босс. Я выживу. Я всегда выживаю!

— Мы ещё встретимся, клянусь, — объявил воскрешённый медик. — Не в этой жизни, так в следующей.

Ответом стала саркастичная улыбка белых зубов и лопнувших губ.

На сантименты времени уже не оставалось. Из девяти королей-призраков один стоял на ногах-колоннах, и не желал успокаиваться так просто. Его кристаллическую броню покрывали трещины, а молнии повреждённой проводки били сильнее, чем в грозном облаке.

Подходы к радже фанатично защищали две уцелевшие машины. Бульдозер-таран катался взад-вперёд, поливая церковников свинцом. Слева мерно рокотала «Щука». Стоит высунуться — и высокоточное орудие превратит любого в сырой фарш.

Ситуацию разрешила Нефертари. Просто и ненавязчиво ксенос телепортировалась в кузов к боевикам. Через мгновение оттуда полетели руки, ноги, оторванные головы и ленты кишок.

< Айзек, долбани сверху! > — воксировала она.

Железный человек прилетел с фланга. Словно метеорит, он рухнул на двигательный отсек танка. Во все

стороны брызнуло масло, жалобно скрипнула гидравлика. Полководец напряг сервоприводы, оторвал башню и запустил внутрь инженерный манипулятор. Воздух около него раскрасился багровым туманом.

Флеминг положил руку на наплечник Райзела.

— Как сказала Сэри, на смерть. За тех, кто был с нами всё это время.

— За Картера, — шепнул мальчик.

Они сорвались с места. Вокруг свистели пули, но стрелки чаще метили в огромного латника, а не в простого солдата. Через минуту примарх уже подобрался к радже. Квестор почти восстановился нечестивым колдовством, и уже разворачивал перчатку со встроенным огнемётом.

Время замедлилось. Взмахи когтей, лап и дубин окружающих мутантов стали неторопливыми. Капли зловонного ихора повисли в отравленном воздухе. Сердца били рёбра, словно молоты — наковальню. Гландовые железы наполняли мальчика такой агрессией, какую смертные не могли даже вообразить. Кто бы ни создал примарха, он заложил в его тело космические запасы прочности. Где-то позади глаз мерно растекалось психическое золото. Райзел понял, что существует ради таких моментов.

Юноша оттолкнулся от земли, попутно вскидывая копьё. Сабатон врезался в голову червелюда. Пока импровизированный трамплин оседал, сверхчеловек прыгнул выше. Со скоростью улитки приближался слоновий череп. Выразительный глаз ярко блеснул над бивнем. Он молил одуматься, предать верных друзей и заслужить внимание Тёмных Богов.

Тогда Райзел увидел мужчину в золотом доспехе, с огненным мечом и гривой смоляных волос. Лицо божества, точно вырезанное из алебаstra, выжидательно глядело в потаённые закоулки души. Нет, он не помогал и не мешал — только наблюдал, что же сделает его детище.

Образы менялись с головокружительной быстротой. Ярость сошла. Её вытеснила вера, но вера не в безразличных демиургов, а в простую человечность. Он думал о товариществе и дружбе, самопожертвовании и любви, — об осколках чего-то хорошего в этом прогнившем мире. Наконечник копья вспыхнул ослепительно-белым светом. Оружие вонзилось прямо в лоб раджи. Кабина лопнула пополам с воплем тысячи разбитых зеркал.

Время ускорило. Из разрыва потекла мозговая ткань, облепленная хилыми щупальцами. Лоренц не медлил. Когда показалась мутировавшая плоть, он поднял револьвер и всадил весь барабан зачарованных пуль. Одна за другой они колыхали податливую слизь, прогоняя нечисть обратно в Варп.

Исполнить на месте

— Когда начинать? — нетерпеливо спросила Эсфирь, едва оказавшись наедине с инквизитором.

Теперь аколитка носила флак-жилет, кожаный плащ и до блеска начищенные сапоги. Над головой поднималась дуга из психорезонирующего металла. Капюшон облегчал концентрацию для сотворения аркан, но глушил природный дар телекинетика. Рациональная штукавина, ведь лучше колдовать предсказуемо и вполсилы, чем выхватить в лоб своими же чарами.

Шпик не одобрил её рвения.

— Я должен кое-что взять на это задание.

Длинный коридор, озарённый канделябрами, вёл к запертой двери. Больше всего преграда напоминала железный лист. Крац повернул замочное колесо. Скрипнули петли, и взгляду открылся мрачный склеп. В тот же момент пробудились люминофоры, обрисовав скудную обстановку.

У закруглённых стен жужжали генераторы, которые можно было принять за гробы. От них тянулись ребристые шланги, сходясь и переплетаясь в самой высокой точке на куполе. Гранёный кристалл, закреплённый над центром крипты, проецировал колонну золотистого свечения. Стазис-поле настроили таким образом, чтобы оно покрывало алтарный камень.

Эсфирь моментально заметила, что стены хранилища инкрустировали вставками из нуль-камней. Что могло быть столь опасным, раз Геллер прибегнул к такой сложной защите? Она размышляла над этим, пока инквизитор выключал охранные системы.

Стоило ему закончить, как всё вокруг заиндевело. Ледяная крошка мерцала на красном флаге с белым кругом, что скрывал загадочное сокровище. Крац убрал стяг, и генетическая ведьма рефлекторно шагнула назад. На краткий миг её истинное зрение распознало глубокий провал в ткани пространства-времени, раскрашенный абсолютной тьмой. Носовые пазухи воспалились от концентрированного аромата пороха. Стоило моргнуть — и на месте аномалии оказался револьвер весьма грубой работы.

Виктор опустил на колени.

— Именем верховного короля Танкреда, во славу нации и ради выживания человечества я беру на себя эту ношу. В присутствии свидетеля, чистого сердцем, клянусь, что делаю это не по своей воле.

Он схватил рукоять, и вздрогнул от боли. Суровое лицо мужчины оскалилось, как морда волка. Глаза налились багровым от лопнувших сосудов, а зрачки сузились до размеров булавочных уколов. Обережная роспись на его доспехах вспыхнула, точно угли. Мгновение — и охотник возвратил прежний вид.

— Ты ждёшь объяснений, да? — тихо спросил он.

— Хорошо бы, — кивнула девушка. — Я так понимаю, это варп-артефакт?

— Хуже. Он сделан руками людей. Посмотри внимательно и скажи, что думаешь.

Взгляд зацепился на клейме. Несколько цифр, тысяча девятьсот четырнадцать, явно скрывали тайну.

— Номер модели? — допустила предательница.

— Год производства. Этот револьвер системы Нагана выковали на Терре в Докосмическую Эру. Он — свидетель времён, когда геноцид вышел на уровень империй. Тысячи раз ему приходилось менять хозяев, но всякий раз им убивали невинных. Это крайне злобная штукавина.

Можно было не говорить столь очевидных истин. Вокруг оружия клубилась аура негативной энергии.

— Он всегда попадает в цель, — продолжил шпик. — Будь уверена: даже когда из него стреляют в воздух, пули каким-то способом находят жертв. Мы храним его для особенных случаев.

— Например?

Виктор убрал наган в кобуру.

— Когда приходится убивать своих.

На ум пришли слова курфюрста: «отыщи гроссмейстера паладинов».

— Сэдрик Аквилонский, — ахнула телекинетик.

— Или Мартин Шпиц-Эстерлен. Пойми: никто не знает, что мы встретим в Хорез-Юрте, и насколько успели развратиться крестоносцы. Нас ждёт или тёплый приём, или скорбная работа. На самом деле, уроженцы Шварцштайна вызывают у меня кучу подозрений. Их кровавые мистерии, вампирские наклонности и нездоровая тяга к насилию — очевидный симптом порчи. Я честно попытаюсь договориться с паладинами, но велика вероятность, что беседовать придётся на другом языке.

— Ян Менсис того же мнения. Он рассказывал, что Женевьева Израненная, которой они молятся — прямое воплощение Баффара.

— Не факт, но более чем вероятно. Ты как никто другой должна понимать, насколько многозначен Хаос. Он противоречив, возникает из ниоткуда и так же внезапно пропадает. Видела, как змея кусает себя за хвост? Очень

похоже, только разворачивается невидимо для человеческих глаз. Но хватит философии. Нас ждут на лётной площадке.

Фонари высвечивали серебристый диск, стоящий на верхней палубе «Отто Кросига». Рядом с опущенной рампой караулило два солдата в характерных противогазах и касках с пиками. Огромный рост, неестественно развитая мускулатура и сверхтяжёлая панцирная броня выдавали в них генопотомков. Так звались обитатели Арконского княжества, которым правил курфюрст Геллер. Старик обожал евгенику. На протяжении целых поколений он скрещивал нордлингов, стремясь вывести сверхчеловека.

Йозефу нравились эти дуболомы, а генопотомки почитали своего творца с грубоватой простотой. Словно муравьи, они слонялись по недрам плавучего титана. Патрулировали. Наблюдали. Скучали без настоящей работы.

Безразличный взгляд линз проводил Эсфирь и Виктора. Стражи знали, что готовится незапланированный вылет. Тарелка приняла их в аскетичный, но функциональный салон с противоперегрузочными креслами. Застегнулись ремни. Взыла турбина, унося людей навстречу судьбе. Их ждал Хорез-Юрт.

И то, что в нём скрывалось.

Масштабы «Отто Кросига» бросали вызов человеческим представлениям о гранях возможного. Линкор напоминал копьё в пять километров длиной, окованное сталью. Такие машины должны летать в космосе, а не бороздить моря. Носовой таран вспахивал океан, словно гигантский плуг. Среди артиллерийских башен, торпедных аппаратов и солярных прожекторов угрожающе торчали гарпуны с цепями.

— Это «Медвежья Когти», — объяснил инквизитор. — Отличная штука, если капитану захочется навязать кому-нибудь абордаж.

Эсфирь скептически нахмурилась.

— Зачем лезть в ближний бой, когда у тебя в руках такая мощь? Мне кажется, Геллер может сдуть любого противника раньше, чем к нему подойдут на расстояние выстрела. Уверена, эти пушки способны разорить целый город с одного залпа.

Крац указал на высокий шпиль, увенчанный шипастой сферой.

— Иногда простых снарядов маловато. Посмотри, это — «Утренняя Звезда».

— Излучатель высоких энергий? — допустила ведьма.

— Мобильный циклотрон, — поправил шпик с нотками гордости. — По нажатию кнопки бьёт квазипротонами. Один килограмм антиматерии — и на месте Вадистана будет залив. Местным бармалеям хорошо бы вспомнить все молитвы, которые они знают, ибо жить им осталось последнюю ночь.

Лига Прометея хотела развязать войну, что положит конец всем склокам в мире. Жалко, что Менсис не учёл главного: любой конфликт имеет склонность выходить из-под контроля. Нагорный край был очень старой землёй. В бункерах, глубоких норах и секретных убежищах покоились невообразимые ужасы Долгой Ночи. С каждым днём их становилось больше и больше.

«Мы начинали с арбалетов и мечей, но теперь на место кавалерии пришли танки. Ещё год назад в небо едва поднимались дирижабли, а теперь в облаках носятся реактивные истребители», — горько заметила аколитка.

Хотела она того или нет, но эра благословенного Средневековья подходила к концу.

Летающая тарелка затряслась. Кожу покрыли мурашки. Это значило, что флаер покинул область, защищенную Геллеровым полем. Эсфирь ощутила себя куда живее, чем раньше. К ней возвращался шёпот Варпа.

Первое время она всерьёз размышляла, не прибить ли Виктора здесь и сейчас. Кровожадный пыл остудила защитная кираса инквизитора. Кхалид задалась вопросом: а что плохого сделали трорхеймцы? Не позволили ей утонуть, включили в отряд и дали шанс искупить грешки? Едва ли это было поводом для мести.

Над Жемчужной Гаванью клубились тучи. Ветра сгоняли темноту в контуры восьмиконечной звезды, что выдавало искусственность циклона. В один момент из октета сорвалась багровая молния, угодив по конфедератскому пароходу. Броненосец лопнул, точно резиновый шарик. Отовсюду появились драконы Хаоса. Шторм ломал сдвоенные крылья пасаденских бипланов, но едва ли вредил одержимым тварям. То тут, то там проносились трассирующие очереди зениток.

— Это не наша работа! — велел инквизитор, обращаясь к пилоту. — Шульце, скинь уродов с хвоста!

Авиатор вошёл в крутое пике. Вода приближалась с невообразимой скоростью. Ведьма задрожала от страха, но вдруг устыдилась собственного малодушия.

— Ну нет! — решила она и волевым усилием покинула тело.

В тонком мире «Рукх» выглядел отвратительно. Чего не могли заметить психически слепые люди, так это создания, превратившегося в единое целое с истребителем. Когда-то оно было человеком, но ритуалы Тёмных Механикум срастили нервы с проводкой, а глаза — с целеуказателями. Всего лишь биологический придаток к злобной машине, этот абхуман больше не имел права на существование.

Эсфирь почти ласково скользнула по маслопроводу и нашла баки, залитые керосином. Ещё одна богомерзкая идея алхимиков Султаната — перегонять сырой прометий в более эффективное топливо. Удар невидимой руки —

и летун вспыхнул как метеор.

В тот же момент диск Белонце нырнул под воду. Наверху блестели сполохи воздушного боя, тонули корабли и сыпались ящики. К фигуркам людей плыли узнаваемые тела плезиозавров. Пасаденцам не увидеть рассвета, но их жертва послужит благой цели.

— Я не знала, что диски умеют плавать! — крикнула Эсфирь, стараясь быть громче ртутно-вихревого двигателя.

— Так и живём, — флегматично заметил Виктор.

Геллер задумчиво поглаживал кошку, сидя на командном троне. Зверёк мурлыкал в полудрёме, уже привыкнув к вечной суматохе мостика. Офицеры тихо переговаривались над консолями с тактическими выкладками. Особисты внутренней службы безопасности вглядывались в экраны, транслирующие пикт-изображения со скрытых камер.

Прямо сейчас его верный слуга летел на самоубийственное задание. Инквизитор не знал, какую судьбу ему приготовил хитрый князь. Виктор фон Крац имел репутацию честного рубаки, хорошего парня и маньяка своего дела. Охотник на ведьм был как овчарка, натасканная ловить и выгрызть любые угрозы для короны. В Кронштайне он получил уникальное право казнить и миловать по своему разумению, но, в отличие от коллег, его ни разу не обвиняли в превышении полномочий.

Йозеф глядел в темноту, ощущая, как скованные воспоминания обретают краски. В такие моменты на плечи ложился груз прожитых лет и неверных решений. Сомнения — опасная штука, но и великая роскошь. Короли не должны чувствовать робость и пускать работу на самотёк.

Где-то на Востоке сидел Иблис, точно хан горячих пустынь, и лениво подписывал очередной указ. Легионы танков рычали моторами, готовые броситься в ад ради своего повелителя. В то же время на башне Циолковского ворожил чудовищный варлок Джафар. Безумцы творили один ритуал за другим, расплетая мироздание. Скоро, очень скоро Вадистан превратится в арену последнего сражения за человеческую расу.

Гул ртутно-вихревых двигателей напоминал курфюрсту, за что он борется. Диски Белонце выступали живыми окаменелостями, свидетелями достойно принятого поражения. Эти машины возникли трудами Геллера, но, как водится — слишком поздно. Главного их секрета не знали даже марсиане.

Флаеры заправляли водой. Связываясь с атмосферным воздухом, она взрывалась и давала столько же энергии, сколько плазменный реактор. Такого чуда нельзя добиться на людских технологиях. Здесь работали другие законы физики, открытые вымершей цивилизацией ксеносов. Инопланетяне. Собирающие-жатву. Изверги-со-Звёзд. Эльфы. Альдари. Все народы, каким не повезло с ними столкнуться, придумывали множество названий для грациозных существ с острыми ушами и льдом в сердцах.

Когда-то давно правитель Севера был простым учёным. Его страна воевала на два фронта и нуждалась в орудиях возмездия. Общество Вриле, клика начинающих медиумов и шарлатанов, отыскала путь в запретный город на крыше мира. Первый контакт состоялся там, в Каластаре. Геллер заключил договор у подножия храмов из психокости, обменяв кое-какие секреты на души миллионов пленников из концлагерей. Эликсир молодости, подсунутый гомункулом Нихилом Триждырождённым, оказался кустарным варевом. Впрочем, оно дало Йозефу что-то, отдалённо похожее на вечную жизнь. Вторым подарком была красная ртуть — мощнейший катализатор, благодаря которому летающие тарелки могли подниматься в небо.

Геллер искренне любил воевать и немного радовался, что на Карронаде жили дикие народы. Таш-Джарганский Султанат вылечил его спесь. Этим людей можно понять, но не простить. Целая свора богов и богинь мало реагировала на поклонение смертных, а вот Губительные Силы охотно отвечали верующим. Хаос давал одной рукой и забирал двумя. Отвратительная внешность и мутации были всего лишь симптомами настоящей, духовной порчи.

А порчи тут много. Аборигены особенно уважали Баффара, покровителя жестокости. Идол часто заглядывался на людей с того момента, как они слезли с деревьев. Говоря по правде, Йозеф когда-то видел в нём источник силы. Потом раскаялся. Скитания по Древней Земле и травля со стороны всех спецслужб, кропотливая работа на тёмной стороне Луны и близкое общение с эльфами научили его, насколько опасен Варп. Уходя из Солнечной Системы, будущий курфюрст оставил землянам последний дар. Им стали чертежи устройства, прозванного генератором Геллера.

Забавно. Просвещённое человечество получило целую Галактику благодаря нему: военному преступнику, осуждённому на расстрел, повешение и утопление. Одновременно.

Мощь и злоба, скрытая под бронированной шкурой линкора, крутили нервы жаждой действия. «Отто Кросиг» хотел убивать и не понимал, зачем его держат на коротком поводке. Психическое давление — обычная манипуляция полуразумных машин, которыми они влияют на пилотов. Старого морского волка не пронять такими фокусами. Князь щёлкнул кнутом воли, усмирив дух корабля. Насилие — это средство, а не самоцель.

Дождавшись, пока Виктор отлетит достаточно далеко, тиран ослабил хватку. Акватория буквально кишела кораблями противника. С ними боролись конфедераты, но успехи были переменными. Чтобы Крац сумел проникнуть в Хорез-Юрт, и его не зажали на месте, следовало отвлечь врагов.

< Давай! > — разрешил правитель.

По проводам толщиной с дерево устремились гигаватты энергии. «Отто Кросиг» озарил темноту яркими прожекторами, выпустил фейерверк сигнальных ракет и заревел тысячами сирен. Им вторил мощнейший сигнал ото всех вокс-излучателей. Владыка штормов объявлял на всё полушарие, кто он и где находится. Он вызывал могучих противников на схватку, бравировал списком побед и обещал смерть каждому, кто просто попробует от него сбежать.

На горизонте блуждали огни. Твёрдая земля находилась слишком далеко, а вот судёнышки пиратов отлично виднелись через авгур.

Ударная волна от первого залпа родила небольшое цунами. Армада, собранная из парусников, разлетелась в щепки. Кое-где замолотили лазпушки, но их было слишком мало, чтобы хоть немного повредить щиты древнегерманского чудища.

Впереди возникла транспортная галера. Погонщики отчаянно хлестали рабов, но сменить курс уже не могли. Геллер прошёл сквозь них, располовинив хаоситское корыто. Меньшие орудия долбили по катерам сопровождения, принося бандитам заслуженный ад.

— Повелитель, множественные цели с севера, — доложил адъютант.

В Тон-Треме заметили нападение, и подняли на крыло звено «Рухов». Храбро, но бесполезно. От штурмовиков было бы немного больше толку в Чухут-Кале. Оставалось надеяться, что Сэри ещё жива и сможет воспользоваться таким щедрым подарком. Вокруг рубки носились летающие тарелки, а зенитчики прогревали стволы. К воздушному бою присоединились бипланы пасаденцев.

— Сражайтесь как в последний раз, мои соколы, — призвал курфюрст. — Вспомните традиции Люфтваффе и не дайте чужакам забрать нашу славу!

Спустя четверть часа он увидел цитадель зла. Башня Циолковского, эта кость в горле крестоносцев, переливалась мертвенно-лунным сиянием. Город возвели по типовому проекту коммунистической застройки. Скорее улей, чем единая постройка, она царапала небеса высокими шпильями. Вдаваясь в долину, окутанную туманом, обитель приведеней воплощала всё то, что Геллер ненавидел до глубины души.

— Адольф, — позвал он. — Готовь коллайдер. Район девятнадцать-сорок три, азимут восемьдесят-восемь.

Помощник моргнул.

— Повелитель... эта цель находится вдали от орбитального лифта.

Старик врезал по подлокотнику трона.

— Делай, что сказано!

Энергия превысила все ограничения, и над Вадистаном взошло рукотворное солнце. Циклотрон толкал антиматерию по квантовому лучу, который соединил реактор и лавовый океан глубоко под землёй.

Поэт написал бы, что гора вздыбилась. Жалкое сравнение. Громадный пик в один момент перестал существовать. Тектоническая волна прошла по всему краю, заново перекраивая лик планеты. Пробуждались мёртвые вулканы. Целые гряды проваливались в недра, заволакивая пеплом горизонт. На древнюю столицу обрушились волны раскалённой серы.

Вышка Циолковского накренилась. Князь почти слышал, как стонет рокрит, с каким звуком прогибается фундамент, и как воеет перегруженная арматура. Небоскрёб осыпался, подобно карточному домику. Высшие уровни остались без опоры. Стратосферные блоки валились, оставляя росчерки болидов. Долгая Ночь сгорала в метеоритном дожде.

За фонарём кабины величаво раскидывался Хорез-Юрт. Главный порт Срединных Земель стал первым трофеем союзных войск. Конфедераты устроили образцовый десант с моря. Вместе с пехотой работорговцев шли рыцари Шпиц-Эстерлена. Решительный удар смял врагов, и граф Мартин избрал поселение своей резиденцией. Изящные акведуки нависали над кварталами трущоб. Тонкие минареты скрылись под блоками скалобетона и дикого камня. На месте языческих святынь выросли часовни Пламенеющего Креста.

Тщетно. Как бы ни старались попы, здешний воздух пропитался Эмпиреями. Шульце посадил аппарат на городской площади. Стоило выйти наружу, как в нос ударил запах обугленных тел. В кострах догорали последние техножрецы. Крикам вторил перезвон колоколов и заунывное пение боевых священников. Толпа кнехтов разбежалась по тёмным закоулкам, едва заметив инквизитора.

Паладины обосновались в утрюмом замке с приземистыми башнями. Глубокий ров смердел нечистотами. На мачтах, выступающих из кладки, болтались висельники. Сухой ветер качал знамёна. Простой и чистый крест оказался изуродован. К нему дорисовали полумесяц и круг, вывернув наизнанку посыл древнего знака.

Осквернённый символ бередил душу, суля наслаждение ценой боли.

«Это уже слишком», — приговорил инквизитор.

«*Этот феномен следует изучить*», — ответило сердце.

Створки ворот манили внутрь. Из-за них переливалась торжественная музыка, но стоило прислушаться, как звучание инструментов сбивалось в какофонию. Эмиссар кивнул спутнице, доставая наган. Эсфирь мигом поняла намёк. Она зажгла фонарь, которым до того избивала Опалённого Человека.

Внутри банкетный зал выглядел намного больше, чем снаружи. Колонны подпирали задрапированные тенями потолки. Везде чадили факелы. На колченогих столах располагались блюда с подозрительными кусками жареного мяса. О, нет, им явно была не дичь! В кубках, украшенных самоцветами, дымилась красная жидкость. Судя по кисло-солёному аромату, она точно не являлась вином. Около жаровен, разливающих фиолетовый дым, скулили прикованные вырожденцы. Истощённые люди вертели рахитичными головами. На пришельцев тарасились десятки зашитых век. Из ртов, перехваченных грубыми нитями, доносилось невнятное бормотание.

Судя по всему, кто-то извратил благородную веру Кронштайна в ублюдочный культ. Личность злодея вызывала всё меньше сомнений.

По широкой лестнице спустился колоритный инок в головном уборе, сделанном в виде крылатой рыбы. Облик служителя портили серьги в ушах и носу, а подведённые сурьмой глаза многое говорили об его благочестии. Шёлковая мантия, размалёванная неприличными картинками, мела грязный пол.

— Разрешите пригласить вас на маленький пир, героический инквизитор и ваша очаровательная подруга! — поприветствовал каннибал. — Мы отмечаем победу великого пророка Джафара и славим истинных богов!

Крац врезал ему по печени, а потом щедро добавил несколько ударов ногами.

— О да, хозяин, с нами можно и пожестче! — выдавил падший клирик.

Он заискивающе улыбнулся, показав отточенные клыки. Последовала очередная серия избиений.

— Аквилонский. Где он? — прорычал Виктор.

— К нему нельзя, — хрипло заупрямился служка.

Охотник вздохнул. Рукоять нагана обрушилась на череп монаха, пробив кость чуть выше уха.

Пискнула вокс-бусина.

— На связи «Отто Кросиг», — донеслось через эфир голосом Адольфа. — Мы запустили ещё один спутник-ретранслятор. Доложите обстановку.

Шпик по-простому харкнул.

— Нас предали. В цитадели Сэрика теперь слаанешитский притон. Крепостные бегают по городу, попы ловят и жгут всех подряд. Паладины куда-то разбрелись, дисциплины здесь ноль. Хорез-Юрт потерян.

— Принято. Курфюрст хочет, чтобы ты закончил миссию. Найди гроссмейстера, определи степень его вины и сделай, что должен. Ваш транспорт мы отзываем, на площади слишком опасно. Будете эвакуироваться в другой точке.

— Координаты! — прорычал инквизитор.

— Пока не знаю. Разберётесь по ходу. Конец связи.

Виктор задумчиво поиграл желваками.

— Идём наверх, — решил он. — Если такое произошло с обычными людьми, то страшно вообразить, какими стали паладины. Лично я не хочу с ними встретиться.

Крутая лестница привела карателей в галерею, обагрённую рассветом. Лучи проходили сквозь яркие витражи. Горящий крест подпирали два квестора. Их окружал сонм ангелов, вооружённых булавами. Чуть ниже располагались фигуры святых, чьи ноги лизало адское пламя Геенны Варповой. Очертания грешников с трудом угадывались в огненных мазках. На самом дне чадили котлы со смолой. Варёво помешивали рогатые демонетки с обнажёнными телами и клешнями на месте рук.

Шпик пригляделся к inferнальной фигуре. Забытый мастер вложил в творение что-то более мрачное, нежели простой талант. Быть может, он хотел показать, куда заводит дорога удовольствий, но картина вышла порченной. Исполнитель явно знал, кого изображает.

Из-за дубовых дверей слышались недвусмысленные вздохи. Охотник на ведьм яростно влетел внутрь. Кхалид старалась не отставать. Посреди богато уставленной комнаты, ломящейся от красного дерева и лепнины, высился каменный трон. Орхидеи в кадках разливали приторный запах, от которого начинала кружиться голова.

Грузное тело Сэдрика Аквилонского едва помещалось меж подлокотников. На коленях магистра сидела юная послушница с распущенными волосами. Кроме сбитого чепца и кожаной портупей, одежды на ней не было. Эсфирь мягко стянула блудницу телекинетической хваткой, на всякий случай переломав ей рёбра.

Прочитать мысли развратницы не стоило труда. Её звали Амелия, девятнадцати лет от роду, приплыла в Вадистан работать сестрой милосердия. В первый же день она раскрыла другие таланты, которые намного лучше поднимали боевой дух солдат.

Виктор медленно прошёл к старому человеку, наполовину состоявшему из жирного брюха. Хлопнула пощёчина.

— Ты что наделал, Сэдрик? — по-отечески пожурил Крац.

Паладин с трудом разлепил пороссячи глазки. Шевельнулись тройные подбородки, заросшие недельной щетиной.

— Ох!

— Повторяю вопрос.

— Герр инквизитор, — перебила Кхалид. — Он же накачался наркотиками. С кого ты спрашиваешь?

— Я должен выяснить, осознаёт ли он свою вину! — огрызнулся тот.

Секундная перебранка отвлекла внимание генетической ведьмы. Амелия отползла в сторону и схватила разделочный нож. С тонким писком слаанешитка вогнула остриё меж лопаток псайкера.

Виктор фон Крац среагировал как автомат. Кашлянул древний наган. Голова монашки разлетелась, пачкая восточные ковры. Следующий выстрел отыскал Аквилонского. Потом снова и снова, пока туша не превратилась в кровавое месиво.

— Виновны, — прошептал агент короля. — Виновны все.

Виктор пал на колени перед Эсфирью. Нож попал точно в сердце. Глаза неприятно защипало. Инициатка полностью доверилась ему, раскрыла заговор планетарного масштаба, безо всяких сомнений пошла в логово еретиков — и встретила глупую смерть.

Крац не впервые хоронил помощников, но сегодняшняя потеря отняла что-то важное. Наверное, так люди превращаются в чудовищ. На скорбь не оставалось времени: снизу гремели саботоны. Слуги шли проверить, как развлекается их владыка. Против орды немного навоюешь с одним пистолетом и мечом.

— «Отто Кросиг», ответьте, — воксировал он, отбежав к стрельчатому окну. — Гроссмейстер получил по заслугам. Я окружён. Аколит Эсфирь Кхалид погибла в бою.

Спустя мгновение с корабля ответили.

— Метеоритный дождь устроил бесполётную зону, так что поторопись. Шульце зависнет около донжона.

Шпик ухмыльнулся.

— Прыжок веры, значит? Если я не справлюсь, запеленгуйте моё местоположение. Вызываю огонь на себя через минуту.

Послышались отрывистые ругательства. На канал зашёл Геллер.

— Не понял тебя, повтори.

— Что повторять? — взорвался он. — Со всех сторон лезут предатели. Коль в тебе осталась толика здравомыслия, выжги это гнездо к чёртовой матери!

Князь немного помолчал.

— Принято, инквизитор фон Крац. Если не сможешь выбраться, то знай: мы навсегда запомним твои подвиги.

В проёме возник бронированный воитель. Паладин вскинул помповый дробовик, но лазутчик уже соскользнул с подоконника.

Падение закончилось плеском. Вынырнув из грязной воды, каратель глотнул воздух. Над головой свистели фугасные снаряды. Убойный град методично стирал Хорез-Юрт с лица земли. Теперь всё кончено. Крестовый поход завершён.

Больше всего хотелось просто утонуть. Зачем жить, если ты не исполнил долг?

«Если у тебя нет сил победить, то найди мужество не сдаваться», — посоветовал инстинкт самосохранения.

С такой мыслью Виктор снова погрузился, укрываясь от осколков. Диск Белонце пролетел в опасной близости от стен, прикрыв агента. Крац выплыл, уцепился за верёвку и кое-как заполз в летающую тарелку.

Голос в голове был прав. Что бы ни творилось в поганом Вадистане, битва за человечество только начиналась. В такие моменты следовало чтить законы братства. Оставалось проверить ещё одно место. Вероятность найти хоть кого-то из выживших стремилась к нулю, но трорхеймцы своих не бросают.

— Пилот, катализаторы на максимум, — хрипло велел слуга трона. — Мы летим в Чухут-Кале.

Заработал цепной меч. Череп рыцаря Хаоса глухо стукнул по земле. Райзел мстительно двинул ногой, запустив корону в свободный полёт. Раджа Мехенди повержен, и короли-призраки ушли в историю. До следующего раза, когда в чью-то голову снова придёт гениальная идея призвать их. Примарху вспомнился Джафар. Какую цену заплатила Колочая Звезда, чтобы вернуть к жизни полузабытых извергов? Каким дьяволам сектанты успели наобещать с три короба, и какова будет расплата за поражение? Взгляд скользнул на Тон-Тремскую долину. Она и раньше едва ли могла похвастаться красотой, но сейчас превратилась в inferнальное местечко. Гряда вулканов, словно частокол, затягивала небо густым пеплом. У кромки северного горнверка мерцала раскалённая

лава. С неба лился метеоритный дождь. Обломки башни Циолковского довершали разруху, начатую полевой артиллерией. Тектонический прилив медленно крался к Чухут-Кале.

Армия крестonosцев сократилась до Флеминга, Лумумбы, Айзека и Нефертари. Выжившие перегруппировались. Морпехи тяжело рухнули, наблюдая, как остатки бронетехники тонут в магме. Террористы потеряли всякий интерес к войне. Вместе с таш-джарганскими недобитками они разбежались по норам, известным только им.

— Мы что, победили? — неуверенно спросил юноша.

Кремниевый полководец мигом отозвался.

— Формально, город за нами.

Радоваться не хотелось. Погибли тысячи людей. Они сдержали натиск, отбили яростную атаку, но какой ценой? Двор Шпиц-Эстерлен полёг в полном составе. Гродненское княжество лишилось предводителей. Ради чего? Разбомбленной крепости? Могильника, что вот-вот провалится в ад?

Над головой материализовался чёрный флаер. Корпус выглядел как полукруг, увенчанный пирамидой. Блеснули тёмно-изумрудные молнии. Разряды безошибочно догнали оставшихся «Рукхов» и распылили драконов на молекулы.

— Айзек, это твой? — допустил Флеминг.

Автоматон качнул головой.

Аппарат завис в паре ладоней над грунтом. Некрон ловко схватила голову раджи, и понесла трофей в недра ксенокорабля.

— Райзел, ты со мной? — поторопила она. — Семерхет заждался.

Пасаденцы затравленно обернулись к нему, ожидая решения. Они понимали, что без примарха им не выжить.

— Мы не заберём их? — осознал ребёнок.

— Людям нечего делать в усыпальнице фаэрона. Там нет воздуха, чтобы дышать, а ты — единственный, кто носит герметичный доспех.

Негр хлопнул прищельца по наплечнику.

— Иди с ней, дружище, — посоветовал шаман. — Мы с доком выберемся по секретному лазу. Нечего с нами возиться. Мы же Обезьяны Терры — разберёмся и сами.

Перед глазами опустилась пелена слёз.

— Ты уверен? — выдавил примарх.

— На все сто, — поддержал хирургeon. — Мы больше не вояки. Найди Семерхета, кем бы он ни был, убеди его продолжить наше дело. Бей хаоситов повсюду, где найдёшь. Не дай повториться этому богохульству. Мы ещё увидимся, шкет. Честное офицерское.

Когда паренёк улетел, чернокожий подкурил две палочки-лхо от горящего маслопровода «Щуки». Вручив самокрутку Флемингу, он грустно улыбнулся.

— Вот как всё заканчивается, босс. Он же не знает, что наша песенка спета, и лаз — это моя выдумка.

Медик затянулся.

— Мы соврали, да, но соврали во благо. Райзел обязан выжить.

— В конце концов, это не его война, — философски отметил сержант. — Райзела никто не просил вписываться за нас, но он сделал это. Благодаря его силе, его бесстрашию мы выполнили приказ.

Агент огляделся по сторонам.

— Где Айзек?

Стрелок брезгливо затоптал окурок.

— Успокойся. Заводной человек свалил пару минут назад. Похоже, он ведёт свою игру.

— Не может быть. Я не хочу это слышать.

Лумумба сочувственно поцокал.

— Здесь правит балом рациональность. Какой для него резон спасать нас, если мы отработали своё? Он — бездушная машина. Провёл отряд через Тон-Трем, помог убить Гоибназара — и на том спасибо.

— И всё-таки я верил, что мы стали чем-то большим. Боевыми братьями, если можно так выразиться.

— Честь и слава — это всё не про нас, — упрямо твердил негр. — Мы — всего лишь расходники, смазка для шестерёнок политической машины Конгресса. Никто не скажет тебе спасибо за героизм. Никто про тебя не вспомнит.

— Знаю, камрад. Признаюсь, что не особо верил в нашу клятву тогда, перед осадой. Сейчас я все больше задумываюсь: быть может, стать коммунистом не так уж и плохо? В конце концов, наши генералы сделали всё, чтобы я возненавидел Конфедерацию до глубины души.

Друзья помолчали.

Хирургeon вскарабкался на баррикаду. Вдоль заграждений валялись паладины. Когда Сэриетта взорвала реактор, воители оказались в эпицентре катастрофы. Сняв шлем с убитого церковника, доктор нашёл внутри доспеха кровавое месиво. Электроника ещё работала, выдавая скрежет помех.

Белый шум сложился в чьи-то слова. Курфюрст Геллер отчитывал некоего инквизитора, и требовал немедленно возвращаться.

— Мы здесь! — закричал Лоренц в приёмник. — Мы тут, в Чухут-Кале, и по-прежнему живы! Милорд, пошлите за нами транспорт!

Лумумба не разделил его энтузиазма. Какое-то время он безучастно сидел на ящике, но потом отыскал дымовую пашку.

— Если кто-то прилетит, — допустил он, — то пусть ориентируется на зелёный пар. Но я бы не рассчитывал на милосердие трорхеймцев. Надежда — первый шаг на пути к разочарованию, но умирает она последней.

Рогатая Жаба

Ожидание растягивалось. Флеминг с Лумумбой до того устали, что могли только сидеть и курить, поглядывая в небеса. Часовая стрелка на хронометре подошла к двенадцати, но солнца не желали подниматься в зенит. Царило безветрие. Низкое небо, точно матрац, продавленный телом сонного божества, плакало каменным дождём. Дым над горящими танками превратился в неподвижные колонны. Раздался протяжный гул, и крепостная башня осыпалась как в замедленной пикт-съёмке. Отёсанный камень плавно дрейфовал к земле.

Джафар загадил окрестности Варпом. С гибелью раджи сломалась последняя печать. Количество потусторонней мерзости превысило все ограничения. Когда над вулканическим адом возник мираж цветущего Тон-Трема, Лоренц крепко зажмурился. Открыв глаза, он опять увидел райский город.

— Что за фрагня? — пробормотал доктор.

— Временная аномалия, — буднично пояснил шаман. — Сегодня умерло столько людей, что мир не смог выдержать нагрузки. Он лопаётся, и скоро весь край ухнет в ад.

Из-за спины хрипло рассмеялись.

— Какие знания для беглого раба! — восхитился Маджир Альхазред.

— Ты жив или просто нам кажешься? — отрешённо спросил медик.

— Начинаешь вникать, мясник. Мы все — это шутка, которую Тезен рассказывает сам себе, — похвалил дьяволист.

— Где ты был, когда мы сражались с двором Мехенди? Почему не помог нам?

Пиромант вскинул брови.

— Я что, дурак? Там стреляли.

— Зачем ты пришёл? — враждебно бросил негр. — Валил бы в горы вместе со своими друзьями.

Колдун задумался.

— Такая мыслишка была, признаю. Но вы двое не так просты, как может показаться. Я впечатлён атакой мертвецов. Ты, дитя джунглей, — избранный Нергалом, раз творишь такие вещи. Касаемо тебя, Флеминг... ты ведь умер, а потом ожил. Немногие могут похвастаться тем, что вернулись из чертогов смерти.

Сержант непоколебимо сложил руки на груди.

— Мне помогла Рогатая Жаба и дедушка Нургл. Я всего лишь проводник их благодати.

Медик повернулся к спорщикам.

— О смерти невозможно думать по-настоящему. Наш ум и мир — суть одно и то же. Человек будет человеком до тех пор, пока не знает других реальностей. Иначе выйдет, что мы теперь хаоситы.

Заклинатель улыбнулся его невежеству.

— Хаоситов мы победили. Есть большая разница между опустившимся ничтожеством, которое слепо молится Варпу, и благородным мужем, что пользуется его силой, но не поддаётся мелочным соблазнам.

— Это всё болтовня, — отрезал Лоренц. — Факт в том, что я не справился.

— Вот уж кто не справился, так это Хозяйка Сэри. Посмотри, где она теперь с её амбициями и глупым ретроградством. Крови для короля! Черепов для трона! — передразнил Альхазред, имитируя визгливый голос. — Ох, натворила бы она дел, сумей уцелеть. Нет никого хуже злодея, который мнит себя героем.

Ноги сами принесли Флеминга к остову «Беовульфа». Кабина пилота валялась неподалёку. Люк сорвало с петель, когда реактор запустил самоуничтожение.

«Не заглядывай туда», — предостерёг внутренний голос.

Поздно. От юной наследницы Шварцштайна осталось закопчённое тело, прикипевшее к Трону Механикум. Сэриетта Шпиц-Эстерлен выглядела как топорная кукла. Из последних сил она тянула воздух остатками лёгких. Глубокие ожоги не могли смирить её волю к борьбе.

В сумке отыскался последний шприц морфина. Игла вонзилась в спавшуюся вену, и болеутоляющий наркотик разлился по кровотоку. Лумумба помог снять аристократку с кресла.

— Запрокинь ей голову, — скомандовал доктор. — Я вогнал огромную дозу. Побочным эффектом будет спазм гортани. Мы должны опередить его.

Маджир с видимым интересом подошёл к реаниматорам. Он вытянул из-за пояса кинжал. Лезвие аккуратно прошлось по хрящам трахеи.

— Теперь засунь туда какую-нибудь трубку, — посоветовал знаток тайных наук.

Медик последовал совету. Закончив операцию, он удивлённо покосился на чернокнижника.

— Откуда ты знаешь секреты трахеотомии? Это новая методика, разработанная в академии военно-полевой хирургии Лайтбери.

— В моём родном городе, Маан-Сарае, есть Зиккурат Абсолютного Знания, — самодовольно поведал

колдун. — Там собраны гримуары по всем наукам, и целительство — не исключение. В юные годы я читал всё подряд. Сам понимаешь: нет бесполезной информации, есть узкий кругозор.

Раненую погрузили на носилки, скрученные из пары шинелей, но спустя несколько минут в рядах союзников начался раскол. Пиромант махал руками, выкрикивал ругательства на девяти мёртвых языках и требовал кинуть обузу. С его слов, он вернул дыхание рыцарю из научного интереса, а не ради того, чтобы конфедераты с ней таскались. Флеминг неубедительно просил Лумумбу, чтобы тот воскресил дворянку магией вуду. Чёрнокожий объявил, что рисковать третий раз не будет, и коль уж Лоренц такой добрый, то пускай лечит её сам.

Спор закончился, когда над руинами пронёсся флаер цвета свежесрезанного металла. Он шёл под Катящимся Солнцем — агрессивным знаком, неразрывно связанным с милитаризмом, промышленностью и Геллером.

Диск Белонце сел. К людям выскочил здоровяк, похожий на стереотипного инквизитора. Едва приметив таш-джарганца, он прицелился из револьвера и сжал рукоять меча. Клинок вспыхнул разрывающим полем.

— На колени, еретик! — рывкнул фон Крац.

Маджир хитро подмигнул Флемингу. Доктор понял его без слов, и тоже взял псайкера на мушку.

Житель пустыни вернулся к своему естественному состоянию, скованный по рукам и ногам зачарованными кандалами. Лицо скрылось под железной маской.

— Я жду объяснений, — потребовал шпик.

— Он сдался нам после того, как фрау Сэриетта убила раджу, — соврал доктор.

— Трусливый шакал, — поддакнул негр.

— Ничего, он заплатит за свои грехи. Но сперва мы немного побеседуем в камере для допросов. Назовитесь, серобокие.

— Меня зовут Лоренц Флеминг, мастер-хирург Воздушной Кавалерии. А этот, — он кивнул на сержанта, — Лумумба. У него нет фамилии.

— Тот самый Флеминг? Дай руку, я хочу познакомиться с героем Вадистанской кампании. Если б не ты, нападение Джафара стало бы неожиданностью для нас. Твой героизм заслуживает Стального Креста с дубовыми листьями.

Вместе они погрузились в летающую тарелку. Двигатель набрал обороты. Чухут-Кале остался позади. В пути они перекинулись ещё несколькими словами. Спаситель выглядел таким же помятым, как и бойцы Колониального Корпуса. Он бегло рассказал, как нашёл гнездо предателей в Хорез-Юрте.

— Беда в том, — продолжил охотник на ведьм, — что я не смог найти графа Мартина. Он значится пропавшим без вести, но рано или поздно эта сволочь вылезет. И вылезет, судя по всему, во главе очередной варбанды. Учтите: Ана-Юрт, ради которой затевалась эта бойня, всё ещё стоит. Мои слуги отправились на поиски «Эльз». Вы помните что-то об этих мортирах?

Лоренц кивнул.

— Так вот, они, как бы это сказать, *растворились*. Значит, пушки в руках Тёмных Механикум. Рано или поздно гайкокруты разберутся, как их наводить, и тогда у нас будут очень серьёзные проблемы. Курфюрст Геллер уводит корабль в Аркону. Мы же летим к нему.

Авгуры затрещали. Из какой-то грязной норы пальнули зенитной ракетой. Шульце сделал форсаж, обогнав самонаводящийся снаряд.

— А это у вас кто? — озадачился агент королевского трона, указав на носилки.

— Сэриетта Шварцшгайнская. Мы вырезали её из обломков «Беовульфа».

Воцарилось молчание.

— Ладно, — заговорил Крац. — Попробуем довести бедняжку до реанимационных палат «Отто Кросига». Работай на совесть, герр доктор, но я бы не питал особых надежд. С ожогами ста процентов тела долго не живут. Удивительно, что сердце её милости ещё бьётся.

— Пилоты квесторов отличаются большой стойкостью, — нейтрально заметил Флеминг.

Виктор состроил недоверчивую мину.

— Род Шпиц-Эстерленов пал в скверну. Здесь налицо влияние Эмпиреев, но сейчас я не могу предъявить ей хоть что-то. С ваших слов, она героически выполняла долг.

— Ты же инквизитор, — необдуманно бросил хирург. — Я думал, таким как ты можно казнить и миловать по любому подозрению.

Человек в шляпе рассмеялся.

— За этим, пожалуйста, к церковникам. Я работаю по строгим правилам. Приговор можно вынести лишь по закону, сначала выслушав свидетелей, сторону защиты, и лишь после — обвинения. Пока что компромата на Сэри у меня пока нет. К тому же, будь она предательницей, вы бы не стали её спасать.

«Сомнительное допущение, — мысленно заметил пасаденец. — Особенно радует ключевое слово «пока». То есть, компромат обязательно найдётся, если как следует поискать»

Прошло немного времени с тех пор, как беглецы оказались под защитой бронированной шкуры суперлинкора. Двое из них отправились в трюм под болезненные тычки огромных генопотомков. Теперь судьба вудуиста и пироманта зависла в неопределённости между «казнить на месте» и «закрывать на пожизненное». По праву белого человека Флеминг прошёл очень странное собеседование, которое вёл инквизитор. Крац задавал много вопросов, и каждый — не относящийся к делу. Он допытывался о том, какие сны приходили к Лоренцу в детстве, каких страшилок тот боялся, и не приходилось ли ему слышать голоса в голове.

— За мной, — наконец решил судья. — Тебе следует кое-что увидеть.

Длинный коридор с трубами около стен привёл их к странному барельефу. Произведение искусства оставляло смешанное впечатление. Судя по качеству металла, его создали недавно. Первые догадки рассыпались в прах, стоило приглядеться к содержанию. По глади абстрактных волн плыли драккары, набитые варварами в рогатых шлемах. Как ствол вселенного дерева, над морскими разбойниками довлела ножка раскидистого гриба. Округлая верхушка занимала большую часть композиции.

— Чего скалишься? — удивился Виктор.

— Настроение хорошее. Ты знал, что шляпка мухомора — природная карта ночного неба? Посмотри на лучи: это настоящие звёзды: старые, огромные и живые. Такие уже потухли для нас, и остались для каменных изваяний героев допотопных времён. Интересно, что бы сказал о них Илон Марк? Часто ли он смотрел на звёзды, и что при этом думал?

— Так, — прервал инквизитор, для убедительности топнув каблуком. — Что-то тебя повело на философию. Занимайся этим где-то в пасаденском салуне, потому что здесь мы нервно относимся ко всевозможным прозрениям. Про Илона Марка я ничего не думаю. В его времена Терра была стянута облаками промышленными испарений.

Впрочем, скоро шпик сменил гнев на милость и отпустил конфедерата на обзорную палубу. Наверное, героическому защитнику трона самому хотелось узнать, какая связь между звёздами, варягами и мухоморами. Доктор фыркнул. Эти символы можно было соединить во что-то большее, если знать, какой эффект оказывают волшебные грибы. Будь здесь Нагваль Васкес, он бы разложил всё по полочкам. Даже Лумумба знал о галлюциногенах намного больше, чем дипломированный армейский врач.

Он подсознательно чувствовал, что выдержал некий экзамен. В свежем утре, как это бывает вдали от берега, сквозился неназываемый упрёк. Яркие солнца на безоблачном небе, косматые барашки волн и солёный бриз точно говорили хирургу, что существуют не для него.

Стальное чудовище перемалывало Штормовой Океан, надёжно прикрытое Геллеровым полем. Психическая защита не пропускала чужеродные мысли, но как быть со скверной, которую пасаденец носил глубоко в себе? Трорхеймцы эвакуировали его из Вадистана, но Вадистан остался с ним. *На веки вечные, пока Галактика не сгорит!*

Лоренц тряхнул головой. Сейчас не время и не место сходить с ума. К тому же, окружающая реальность по сути своей была такой же мыслью, только более навязчивой.

«Интересно, — подумалось ему, — если я перестану думать этот корабль, то выпаду за борт?»

Отвлечься от помрачения можно было только работой. Постояв ещё несколько минут и увидев, как летучие рыбы охотятся на газовую медузу, доктор пошёл в медицинариум.

Геллер влетел в реанимационный зал как обычно: без предупреждения и с видом крайнего самодовольства. Его линкор был музеем археотека, но самые продвинутые технологии скрывались не в когиттаторах огневой корректировки, а здесь: в стерильном помещении, где исцеляли самые безнадежные раны.

Флеминг хлопотал около многофункциональной кровати. Асептические простыни закрепили таким образом, дабы те напоминали балдахин. Они милосердно скрывали тело, весьма отдалённо похожее на человека. Аппарат искусственной вентиляции качал мехами, нагнетая воздух в сожжённые лёгкие. Толстые шланги тянулись в огромный прибор, состоявший из лабиринта полупроницаемых мембран. Запретная алхимия насыщала кровь кислородом и перекачивала её из артерий в вены. На стойках противно гудели механические помпы, вливая коктейль обезболивающих наркотиков.

Князь подозвал доктора к столу.

— Лоренц.

— Уходите, сир.

Хирург был там же, где всегда: возле койки с бесценной подопечной. Прошедшие дни выпили живость его лица, и теперь оно смотрелось как маска привидения. Сходство усиливал накрахмаленный халат и белоснежные перчатки.

— Ты не спал уже несколько суток, — констатировал правитель. — Не хочешь в объятья Морфея? Боишься

того, что увидишь закрытыми глазами что-то, не предназначенное тебе?

— К чему вы это говорите? Я привык к долгим сменам, и только.

Тиран заглянул ему в глаза и увидел непроницаемую пелену. Так смотрели чучела зверей в парадном зале.

— Я сам когда-то работал врачом в одном лагере, и знаю, как выглядят люди в терминальном состоянии. Она ушла, прими этот факт.

— При всём уважении, ваша светлость, — глухо начал Флеминг, — у меня ещё никто не умирал. И Сэриетта не станет первой.

Рыцарь забилась в судороге. На краткий миг показалась рука, более похожая на трёхпалую клешню. Реаниматор подскочил и нажал несколько рун, укреплённых в контрольной панели из дерева. Конвульсии затихли.

— Что ты ей ввёл? — заинтересовался курфюрст.

— Противосудорожное зелье. С каждым часом нужно всё больше лекарств, а их запасы не бесконечные.

— Зачем ты издеваешься над бедной девочкой? Вгони ей большую дозу, чтоб не мучилась.

— Уходите. — Повторил хирург.

Геллер достал конверт.

— Сегодня пришла телеграмма от генерала Дугласа. Президент распустил Колониальный Корпус, но тебя готовы принять на работу в какую-то частную военную компанию.

— Отрадно слышать.

— Упёртый козёл, ты можешь сказать что-то новое? — взорвался старик. — Хватит колдовать над трупом. Феодалы тебе спасибо не скажут.

— Она пала по моей вине! — горячо крикнул хирург. — Если бы я смог добраться до раджи, пока он заходил в город...

— Никто не знал, что копьё Шпиц-Эстерлен встретит весь дом Мехенди разом. У неё не было шансов.

— Айзек хотел сидеть в глухой обороне, но мы полезли в контратаку.

— И правильно сделали, — надавил аристократ. — Он ровнял вас по себе, но вы — простые люди. Напомню тебе, что кнехты не могут защищаться так, как это делали роботы.

— Мне всё равно.

Йозеф разочарованно прошёлся по палате. Весьма недолгое время он смотрел, как во флаконе с физиологическим раствором гуляли пузырьки воздуха.

— Идём, — мягко попросил он. — Не растрачивай свой талант. У нас много перспективных раненых, которым не помешают твои навыки.

— Нет. Извините.

«Этот не отступится», — понял трорхеймец. На Востоке шла война, и велась она автоганом, пером и скальпелем. А на любой войне рано или поздно зарождается фанатизм. В Лоренце чувствовалась какая-то мрачная тайна. Прежде чем запустить его на «Отто Кросига», инквизитор фон Крац придирчиво осмотрел конфедерата на предмет скверны.

«У него есть минорные психические способности, — писал в рапорте охотник на ведьм, — но крайне слабые. Они так переплетены с личностью Флеминга и его судьбой, что едва поддаются обнаружению».

Факт в том, что серобокие контактировали с Варпом. Спору нет — они стойко превозмогли атаку Эмпиреев, но Варп запустил корни даже в самых чистых солдат. Ещё не порча, но уже моральное расстройство — такую цену заплатил доктор за возможность покинуть Чухут-Кале.

Церковники верили: Море Душ — это источник зла, но из человека нельзя вылепить то, чем он не является. Хаоситы попросту становились собой, оставляя такие скучные вещи, как мораль и необходимость жить в законном обществе.

Битва за цитадель стала кульминацией всего крестового похода. Кое-кто из высших демонов обратил мимолётное внимание на ту резню, и даже выбрал фаворитов. Тезен помогал вадистанцам. Баффар поддержал рыцарей. Но за кого был Нургл?

В голове курфюрста назрела интересная теория. Спустя мгновение он придумал, как её испытать на деле.

— Сэриетте нужно кое-что особенное. То, чего я не способен дать, — закинул приманку жерманиец. — Вопрос в том, оправдывает ли цель средства? Готов ли ты рискнуть всем ради неё?

Бывший агент посмотрел на него двумя разбитыми окнами в ад.

— Не давайте мне надежду.

— И в мыслях не было. Ты сам должен дойти до точки невозврата. Пусть надежда умрёт. Разреши отчаянию полностью убить волю. И тогда взойдёт твоя личная, тёмная и путеводная звезда! Прислушайся к себе. Может быть, что-то зовёт тебя, а ты зажимаешь уши?

Флеминг задумался.

— Я не могу спать, — прошелестел он. — Но порой забываюсь и вижу, как плыву через циклон. Потом ветер

стихает, и вокруг остаётся пустота.

«И те, кто в ней рыщут!»

Князь удовлетворённо потёр руки.

— Геомагнитный вихрь. Не все из них, но самые крупные питаются от источников неизвестной энергии. Я подозреваю, что ими являются локальные варп-прорывы.

— Любой корабль разломится раньше, чем подойдёт к эпицентру.

— Обобщаешь, — поцокал курфюрст. — Послушай старого моряка: главная опасность океана — не волны. Я почему-то спокойно хожу через него, а ваши корыта идут ко дну. Загадка, да?

— Защитные поля? — догадался реаниматор.

— Поля Геллера, — выделил аристократ. — «Отто Кросигом» я рисковать не буду, а вот разведывательный катер мы запустим. Поставим на него сгустители реальности. Я успею обработать данные, прежде чем... ну, ты понял.

— Где корабль?

— Сначала условия, — остудил жерманиец. — Это миссия в один конец. Собери отряд самоубийц или просто запудри головы матросам. Держи со мной вокс-связь так долго, как сможешь, и наука тебя не забудет. Ты согласен?

Повисло долгое молчание.

— Согласен, — решился Флеминг. — Я готов стать вашими глазами в шторме. Взамен освободите двух людей. Геллер блеснул моноклем.

— Имена.

— Я рекрутирую Лумумбу и Маджира Альхазреда.

В душном трюме было мрачно и сыро. В парах от раскалённых топков и текущих маслопроводов угадывалась вонь давно немытого тела. Рой мух лениво порхал в колонне света, напоминая хоровод снежинок. Где-то капала вода. Огромный броненосец построили человеческие руки, но здесь, в его недрах, процветали совершенно другие проявления жизни. Они плели коконы, боролись и отмидали, не догадываясь о Вселенной за пределами корабля.

Чёрный человек вынырнул из теней, как до того просочился из камеры для узников. Он ловко перебирался по ржавым балкам, словно хозяин техногенных джунглей. В его непропорционально длинных руках болтался мешок. Два ряда зубов и белки глаз превращали негра в подобие летающей головы.

— Время работать, Нгумба! — с издёвкой прошептал он и бросил гри-гри.

Костяшки, расписанные первобытными глифами, рассыпались на ржавом полу. Целый удар сердца они лежали неподвижно, а потом затрепетали. Их влекла более древняя сила, чем гравитация. Пальцы мёртвого шамана с его порабощённым духом развеивали покров тайны над будущим. При жизни Говорящий-с-Тотемами планировал съесть Лумумбу, но, в конечном итоге, сам оказался добычей. Кремниевый дротик прервал его земной путь и сделал куда более сговорчивым.

Павший соперник обернулся пророческим узором. Его значение развёртывалось по всем временным направлениям и закольцовывало историю. Эта форма зывала к чему-то, погребённому глубоко в генетической памяти. Она отзывалась рокочущим пением континента, породившего человеческую расу. Таким был гимн Каменного Века: медленный ритм стоп и ладоней, бивших по стенам пещеры.

Лумумба отпустил разум, позволив ему свободно плыть на волнах психического моря. Океаны Карронада не могли сравниться с ним по глубине и населённости. Голоса предков набирали силу. Она вливалась в разум, создавая гобелен туманного видения. Глубокий транс помогал вспомнить вещи, которым лишь предстояло случиться.

Колдун видел, как белая женщина верхом на медведе неслась через ряды безликих фигур. Животное размахивало чёрными когтями. Каждый удар поднимал вихри ядовитой эктоплазмы. Пасть, усеянная клыками-саблями, выдыхала трескучий мороз. Подле воительницы бился косматый вепрь. Рядом выла свора дьявольских волков. Лишь один образ ускользал от обострённого восприятия. Сущность напоминала крупную овчарку, скрытую пеленой совершенной пустоты. В этом звере читалась жестокость, вымуштрованная холодной волей и тяжким долгом. Лишь один смертный оставлял в Эмпиреях столь характерный отпечаток.

«Инквизитор фон Крац, — понял варвар. — Видят Боги: я попробую, какого вкуса его мясо»

Все дороги вели к неизбежной смерти, но каждая изобиловала перекрёстками. Тот, кто присягнул их покровителю, мог нарушить главный закон природы. В конце концов, если ты не хочешь умирать, то можно этого не делать! Шрам на лбу негра выглядел как три переплетённых круга. Благословенная оспа изуродовала его лицо, но переполнила тело неестественным здоровьем и силой.

С начала эпох человечество сопровождали неискупимые грехи. В подлунном мире нельзя одолеть порчу. Очищение — это путь воли, и начиналось оно в тонком мире. Где-то наверху маняще переливался обетованный

край. Шаман всегда видел его. Огромное, налитое Варпом око взирало на физический мир. Железные переборки не могли затмить правду.

Великий Чорв, растекавшийся по небу туманной полосой, ожидал просвещения. В пугающих галлюцинациях Лумумба видел силуэты воинов цвета камня. Они шли от планеты к планете, сокрушая целые расы коваными сапогами. Копья света, бывшие с небес, жгли ксенохрамы и языческие святыни. Вселенский пожар — это хорошо. Работа на плантациях научила дикаря, что сильные всходы колосятся на пепелище.

Рано или поздно гранитные рыцари найдут Карронад. Вопрос в том, кем они станут: верными союзниками или злейшими врагами? Ржавый механизм судьбы неумолимо провернётся со скоростью шестидесяти минут в час, и тогда ясность придёт на смену догадкам. Оставалось подготовиться к ней.

Например, выйти к законникам и сдаться. Конечно, геллеровцы не обрадуются, узнав, что сержант Колониального Корпуса неделю слонялся по их кораблю, но это их проблемы. Надо было как следует патрулировать тюремный блок и почаще заглядывать в кожухи вентиляционной системы.

Кран медленно спускал небольшой катер с подводными крыльями, окрещённый «Вечным Пилигримом». Агентов Пасадены обучали управлять всеми видами техники, но Флемингу ещё не приходилось брать под контроль машины с газотурбинным двигателем. После тех испытаний, что выпали на его долю, удивление стало роскошью. Лишь тихий отголосок прежнего любопытства настойчиво спрашивал, откуда у Геллера такие технологии, и почему он ещё не покорил весь мир.

Ответ на сложный вопрос оказался простым. А зачем? Сумрачный жерманский гений и так был фактическим правителем Севера. Без его разрешения король Танкред не мог ступить и шага. Наверное, в этом есть извращённая прелесть: тихонько дёргать за ниточки, оставаясь в тени.

На палубе ждали два человека, идеально подходящих для заплыва в один конец. Альхазред кутался в морской плащ. Лумумба окончательно явил своё истинное лицо, напялив ламеллярные поножи и кирасу из дублёной шкуры крокодила. На шее негра висели десятки фетишей, кое-как связанных из куриных черепов и сушёных лягушек. В них угадывались экспонаты из личной коллекции Геллера, посвящённой отсталым народам. Когда он успел обогнуть курфюрста, если, со слов инквизитора фон Краца, провёл всё время на карантине?

Госпитальеры подогнули каталку с Сэриеттой и осторожно закрепили её в тесной каюте. Лоренц прошёл к рулевому колесу. Вокруг мигали руны, а вокс-решётка захрипела хорошо знакомым голосом.

— Слушай внимательно, и, если повезёт, сможешь протянуть несколько минут в циклоне. Первым делом включи генератор поля Геллера. То есть, моего, ха! Он защитит вас от флуктуаций Варпа. Я не знаю, какая гадость найдётся за горизонтом шторма, но будь уверен, что вам придётся нелегко. Держи со мной контакт, пока не откажут передатчики.

— Что мне делать потом? — риторически спросил медик.

Князь фыркнул.

— Молиться.

Машина летела над гребнями волн. Скоро гигантский линкор остался позади, а вдалеке сгущалась непроницаемая тьма. Колдун занял место в наблюдательной рубке, и закатил глаза.

— Сейчас нас капельку тряхнёт, — предупредил он глухим басом.

Качка усилилась так, словно катер пытался взлететь. Обшивка ходила, словно живая. Минута растянулась на долгие часы, но, в конце концов, за фонарём кабины забрезжил свет.

«Не свет», — понял доктор. Оттенкам, что резали сетчатку подобно стеклянной крошке, не было названий в человеческом языке. Они звучали как плач невинных и крики тех, кому только предстояло родиться в трёхмерном мире. Колонны фиолетовой мерзости поднимались ввысь, как пальцы утопающего. Они сжимали кольцо вокруг водоворота. Мальстрим гудел хрустальным перезвоном.

Дьяволист коснулся штурвала. Транспорт оседлал кромку вихря. Из глубины появилось щупальце охватом с городской квартал. Присоска ударила в щит, и моментально воспламенилась.

— Выкуси, тварь! — обрадовался Лумумба. — Тебе не сожрать нас!

О кракенах, гигантских моллюсках со дна, ходило много легенд. Учёные сомневались в их существовании по той причине, что после нападений спрутов редко оставались свидетели. Нечто, столь огромное, могло плавать лишь в придуманных морях.

Буря внезапно стихла. «Вечный Пилигрим» шёл на всех парах. Вокруг простирался океан, заросший клоками чёрно-зелёных водорослей. Сплавленные души триллионов разумных существ образовывали подобие жидкости. Призрачные руки, клешни, лапы, щупальца и менее очевидные конечности судорожно тянулись к обшивке. Излучатели, подаренные Геллером, обрабатывали как надо. Приведения мучительно разваливались на эктоплазму, едва коснувшись мерцающего барьера. Среди духов рыскали хищники Варпа. Большинство тварей напоминали что-то среднее между скатом, акулой и червём, но встречались и более пугающие формы.

Около грот-мачты кружила стая ангельских созданий. Их безмятежные лица, чистые мантии и молитвенно сложенные ладони будто сошли с витражей церкви Пламенеющего Креста.

— Катарты, — уважительно протянул Альхазред. — Надеюсь, в Геллеровом поле нет разрывов.

— Они выглядят безобидными, — поделился Флеминг.

Дьяволист качнул усами.

— Ты очень заблуждаешься. Выйдя в трёхмерный космос, катарты превращаются в освежёванных горгулий. Время жизни у них не особо долгое, и демоны это понимают. Ну, как понимают... для этого нужно полноценное сознание, а такого у них, к счастью, нет.

— С твоих слов, они почти как мы, только живут в другом измерении.

— Я бы не сказал. Пойми, Ллехейм-джан, демоны — это воплощения духовных событий. Если хочешь — их сущность, отточенная до абсурда.

Лоренц улыбнулся, услышав своё имя на таш-джарганском языке. Чернокнижник набрал воздуха, став похожим на типичного лектора в Лайтберийской академии медицины.

— Как врач, скажи мне: какое чувство самое сильное?

— Любовь? — допустил хирург.

Маджир серьёзно посмотрел на него.

— Боль. Ты слишком хорошего мнения об этом мире. Поэтому твари Варпа, если вылезут в реальность, начинают резать, кромсать и убивать самым жестоким образом.

— Вы призываете катартов на битву?

— Я — никогда, а вот Джафар их любил. Посмотри на это зверьё — они вообще неуправляемые. Глянь, как роятся эти шлюхины дети. Ищут, сволочи, как бы к нам пролезть.

Забила рында, предупреждая о неведомой опасности. Впереди показались очертания столь громадной стены, что разум пасовал перед её масштабами. Ржавые ворота размером со звёздную систему преграждали путь к истинным владениям Хаоса.

Киль заскрежетал по дну. Якорь упал в мутные воды. Маленький отряд из Флеминга, Лумумбы, Альхазреда и Сэриетты на носилках ступил на землю. Лишайник волновался под ногами, а галька на поверку оказалась панцирями водяных тараканов.

Створки медленно раскрылись. За ними начиналось болото, укрытое мангровыми джунглями. Лес выглядел так, словно веками гнил на дне океана, пока неведомая сила не выкинула его на сушу. Тропинка петляла в густом тумане. Грязно-зелёные светлячки парили в липком воздухе.

А ещё тут слонялись фантомы. Каждый нёс крошечную свечу и тихо стонал от невыносимых страданий. Через толпы духов бродили живые мертвецы с раздутыми животами и одним рогом, пробивающим хлипкий череп. В руках они сжимали пергаменты и перья.

— Считай семь, — бормотали чумоносцы. — Считай семь. Считай семь.

— Что они делают? — озадачился доктор.

Сержант в благоговении развёл руки.

— Считают, сколько душ унесла божественная зараза. Мы почти на месте.

Скоро перед экспедицией возник храм, сложенный из мокрых булыжников. На подворье стояли могильные камни.

Агент остановился около надгробья.

— Лоренц Флеминг, — прочитал он. — Родился в тысяча четыреста пятьдесят восьмом. Умер — перевёрнутая восьмёрка. Это что, знак бесконечности?

— Не смотри туда! — заорал колдун. — Хочешь стать как они?

Внутреннее пространство занимал бассейн с жертвенниками по углам. Негр снял с ожерелья вяленую лягушку и метнул в центр водоёма. Гладь забурилась. Пузыри сероводорода вспыхнули. Со дна поднялась гора высотой во многие километры.

В склизкой шкуре существа пульсировали гнойные нарывы. По ранам бегали нурглинги, весело прыгая друг через друга и валясь целыми гроздьями. Над людьми застыла тупая морда земноводного, накрытая кувшинкой.

— Рогатая Жаба, мой истинный хозяин! — пропел чернокожий дикарь. — Прими наше смиренное служение!

Великий Нечистый пророкотал голосом самой земли:

— Зачем вы пришли, внучата?

Разум Флеминга потихоньку сдавал от нереальности происходящего. Безо всякого страха он шагнул к пасти.

— Наша подруга умирает. Ты — милосердный демиург, и я прошу тебя не ради себя, а ради неё. Верни Сэриетту Шпиц-Эстерлен в мир живых.

— Все приходят ко мне. Таков закон природы, а ты, маленький борец со смертью, хочешь его нарушить. В твоём голосе сквозит отчаяние. Нет музыки слаще для моих ушей.

— Воскреси её! — потребовал доктор.

— Таков закон, — отрезала Рогатая Жаба. — Хочешь нарушить его — будь любезен сохранить баланс. Жизнь одной в обмен на душу другого.

— Я готов! — решительно поклялся Лумумба.

— Ты и без того мой, — объявил высший демон. — А жалкая, ослеплённая амбициями душонка вашего спутника мне и даром не нужна. Он — позорный раб Архиврага. Пусть катится в Невозможную Цитадель к интригану Тзинчу, а здесь мы таких не любим.

Хирургeon проскрежетал зубами и выхватил армейский нож. Одним движением он полоснул по руке, и струя алой крови брызнула на язык чудовища.

— Принимается! — взревел Нечистый. — Я думал, вы продадите мне её душу, но так даже интереснее.

Лапа с перепонками загребла баронессу, но через мгновение вернула. Пальцы разжались, и перед хирургом оказалась молодая девушка. Её кожа была белой, как будто никогда не знала солнечного света. Русые волосы обесцветила платиновая седина. Лицо, ранее полное жизни, заострилось в болезненной хрупкости. Теперь аристократка напоминала изваяние эльфийской принцессы из легенд о чужаках.

— Ей не стать прежней, — предупредило существо, — но любая жизнь лучше её отсутствия, верно? Мне нравится твоё благородство, дорогой внучок. За него ты получишь маленький подарок. Пока трепещет её сердце — существуешь и ты, такой же, как сейчас. Вечная молодость, что может быть приятнее? Но когда болезнь, старость или вражеский меч оборвут нить Сэриетты, вы двое снова придёте ко мне. Ты будешь моим верным слугой и понесешь слово Нургла за край Вселенной и дальше.

— А я? — раболепно попросил негр.

— Хочешь остаться с ним?

— Да.

Великий Нечистый задумался.

— Идёт. Вдвоём сеять разложение намного веселее. Вы станете герольдами неотвратимости. Сколько цивилизаций ждут не дождутся вашего прихода, сколько рас должны принять благословение моих пандемий... Вы ж не эгоисты, которые болеют сами, а с другими не делятся?

Альхазред пошёл в атаку, будучи крайне возмущённым такой несправедливостью.

— Я — лучший алхимик Востока, ваше огромнейшество! Клянусь, что найду самый грязный котёл и сварю в нём такую мерзость, что от неё вымрут миллиарды! Умоляю, владыка, сделайте и меня демоном!

— Что оно там рыгнуло? — проворчал Жаба. — Я уже сказал этой шавке идти к Обманщику и пудрить мозги ему!

— Пожалуйста! — взмолился чернокнижник. — Я отрекусь от своей веры ради тебя, истинного бога Хаоса.

— Истинный Бог — Дедушка Нургл. Если не заткнёшься, слизняк, я тебя сожру и следующие сто миллиардов лет ты будешь растворяться у меня в кишках. Пошёл вон с моего болота!

Дьяволист отошёл к порталу, имитируя покорность. Рыцарь тревожно вскрикнула во сне. Трудно сказать, как много ей удалось сохранить после воскрешения, но если Сэриетта откроет глаза и увидит Рогатую Жабу, то остаток дней она проведёт в лечебнице для психически больных.

— Нам пора, — вежливо попрощался Флеминг.

— Идите, всё равно вернётесь. Чтобы с вами ничего не случилось, я приставлю к вам своего глашатая. Он известен в Плана Смертных как Папаша Самди.

Тряска и надрывный стон перегруженного металла ознаменовали переход в реальный мир. Цветастое марево, характерное для Варпа, развеялось безо всякого предупреждения. Киль опустился на что-то жесткое и сыпучее.

Лоренц моргнул. По ту сторону иллюминатора горели два солнца. Значит, они снова на Карронаде, но где конкретно? Если агент правильно помнил, телепортация работала с большой погрешностью. Прежде чем выйти на палубу, он оглядел Сэриетту. Рыцарь достаточно пришла в себя, чтобы натянуть форму геллеровца, и кое-как сплести волосы в косу. Теперь она сидела на койке, отрешённо разглядывая собственные ладони.

— Великий Нечистый говорил что-то про восстановление интеллекта? — нервно спросил доктор у Лумумбы.

Поклонник вуду степенно затушил окурок, который смолил до этого.

— Полчаса назад она была чернее меня, а теперь глядь: ищет, куда подевались кольца. Я думаю, ничего страшного с твоей драгоценной баронессой не происходит. Она просто много забыла.

— Хорошо, если так. Я бы не хотел нянчиться с умственно-отсталой.

— Так дуры, наоборот, лучше! — улыбнулся негр.

— Это почему? — сперва не понял Флеминг, а затем побагровел. — Иди ты со своими шуточками!

Стоило распахнуть люк, как в лицо ударил жар накалённого песка. Словно бабуин, по мачте карабкался Маджир и что-то выглядывал с крайне сосредоточенным видом. Окрестности поражали немногословной красотой: дюны, пересохшие вadi, снова дюны — и так до бесконечности. Померанцевая крошка заносила руины зданий из белого рокрита, навсегда погребая их секреты.

— Где мы? — крикнул доктор.

Чернокнижник осторожно слез.

— На Востоке Террании, сильно южнее Вадистана. Места немного похожи на Саваримское предгорье, но что-то не так. Когда я поехал на подмогу Джафару, тут всё было зелёным.

Через далёкий гребень перевалил небольшой отряд кочевников. Люди носили грубые халаты, закрывались платками и перемещались на огромных сольпугах, напоминающих пауков. Этих зверей называли солнцеходами.

Заклинатель прокричал несколько слов на таш-джарганском языке. В ответ полетели стрелы.

— Диалог не задался, — саркастично заметил сержант.

Чернокожий перекатился к фальшборту, снял автоган с предохранителя и дал очередь по варварам. Доктору ничего не осталось, кроме как поучаствовать в обороне.

— К оружию, быдло! — раздалось от рубки визгливым голосом. — Кнехтам, занять позиции! Арбалетчики, зарядить тяжёлые болты!

Этого ещё не хватало. Шатаясь как пьяная, наружу выползла Сэриетта. Она размахивала рейтарским пистолем, явно пребывая во власти галлюцинаций. Обычное дело при посттравматическом расстройстве: восстанавливаясь от шока, личность показывает самые негативные черты. Воинственность, как не жаль, была вырезана у Шпиц-Эстерленов на генетическом уровне.

Лоренц бросился к ней. Дворянка пальнула из двух стволов. Отдача кремниевого пистолета со стволом, длинным как нога, требовала сильных мускулов. Этим воскрешённая похвастаться не могла.

Оружие стукнулось о палубу. Вокруг засвистели рикошеты.

— Ай! — охнул морпех, зажимая оцарапанное плечо.

— Ллехейм, а ну-ка угомони свою бабу, пока она всех нас не порешила! — бросил Маджир.

Доктор шагнул ближе. Сэриетта засекала новую цель, и боднула его в живот, попутно лягнув по голени.

— Предатели! Где мой «Беовульф»? Почему я здесь? — верещала она, раздавая удары.

В руке Шпиц-Эстерлен блеснул нож. Флеминг сделал обманный выпад, поймал запястье и выкрутил его в фирменном болевом. Девушка бессильно завывала.

Пока шпион разбирался с обезумевшим пилотом, кочевники перестроились. Из их рядов появился омерзительный мутант с клювом осьминога вместо лица. Существо метнуло пси-разряд. По Геллерову полю разошлась рябь, как на воде от брошенного камня.

Конфедератов технично взяли в окружение. Номады уже лезли на борт, потрясая зубуренными тесаками. Тогда показались новые гости. Они путешествовали верхом на «Тортилле» — паровом танке, созданном по образцу древних «Лэндрейдеров». Впрочем, с предком его роднила исключительно форма корпуса. Ухнули пушки, закреплённые на спонсонах. Разбойники бросились врассыпную.

Альхазред вышел к союзникам. Ими командовал видный офицер с лихо закрученными усами, снаряжённый не в пример лучше подчинённых. Поверх небесно-голубого кафтана выделялся флак-жилет, защищавший тело не хуже латной кирасы. Из богато украшенной кобуры выглядывала рукоять плазменного разрядника. Толстая энергожила уходила в ранец с гальваническими батареями.

— Ошибкой Саргатана, презираемого всеми, мы нашли вас. Добро пожаловать в Таш-Джарганское Ханство, странники.

— Как тебя зовут? — процедил колдун.

— Гирей-эфенди, капитан янычарского корпуса.

Этого не могло быть. Янычаров готовили как солдат-монахов, что тратили всё время на тренировки и смиренное поклонение богам Хаоса. Округлые животы и сытые физиономии этих вояк говорили об обратном. Всю жизнь их комплектовали археотековыми «Щуками» с дизельными двигателями, а не этими подобиями танков, но тревожнее всего были первые два слова.

— Саргатана, презираемого всеми? — повторил маг. — Да ты перегрелся, раз хулишь великого демона Тезена!

Командир повёл бровью.

— Я знаю, кто ты, Маджир Альхазред. Мы тебя искали десять лет, но уже отчаялись. Его сиятельство, сын небес и царь царей Абу ибн Вакаб будет очень рад!

— Вакаб? Не верю. С каких пор какой-то зашгатный бей называет себя царём? Что у вас произошло?

Сэри наострила уши.

— Это таш-джарганцы, — узнала она. — Но какие-то неправильные.

— Тихо, моя госпожа. Я пытаюсь разобрать слова, — велел Флеминг, разжимая хватат.

Остальной час Гирей-эфенди посвятил рассказу о том, что делалось в мире. Разрозненные факты складывались в мрачную картину: путешествие к Рогатой Жабе занесло конфедератов во временной поток. Для них прошли минуты, но Карронад успел обернуться вокруг солнц множество раз.

Они ехали в сторону последнего уцелевшего поселения. Раньше Маан-Сарай давал приют миллиону душ, но теперь от родины восточной магии остался порт, квартал трущоб и резиденция самозванного правителя. Хаоситы победили в Вадистане. Султан Иблис учинил колоссальное жертвоприношение по случаю такого эпохального события. Он хотел восхвалить жестоких богов, и боги ответили. Огнём.

Психический шторм накрыл столицу и её богатые сады, разорил предместья и фермы. Пески обрушились на заливные поля, землетрясения раскидали водоносные акведуки. По всем провинциям начались мятежи. Сокровища, награбленные за века Долгой Ночи, превратились в глиняные черепки. Империя пала за один миг, оставив после себя жалкий осколок.

«Тортилла» ехала по узким улочкам. Нищие тянулись к механическому зверю, едва напоминавшему об утраченном великолепии их страны. Свободную площадку на приморской набережной занимал тотем в несколько этажей высотой. Он изображал месиво птичьих голов, черепов, щупалец и глаз. Дервиши заунывно пели с минаретов. Как по сигналу, к идолу высыпали оборванцы.

Рыцарь побледнела сильнее прежнего. Она ждала увидеть поклонение, но вместо этого культисты принялись метать камни в своего божка. От своры фанатиков отделилась старуха с тазом помоев. Она плеснула коричневую жижу прямо в оскаленный клюв.

— Пей, поганый, пей! Мало колодцев ты осушил, мало воды превратил в уксус! Да чтоб ты лопнул, шакал!

— Они его ненавидят, — прошептала дворянка. — Но за что?

Альхазред посмотрел на неё полным боли взглядом.

— Саргатан предал нас.

Янычар ответил долгой тирадой. Рыцарь схватила доктора за рукав.

— Переведи.

Флеминг задумался. Слишком неожиданную вещь сказал житель Востока.

— Наверное, она, то есть ты, — указал врач, — спрашивает, верим ли мы в Саргатана. Я отвечу. Кто посылает суховеи на наши поля? Кто забирает воду из колодцев, кто превращает оазисы в кислотные источники? Кто уродует мутациями наших детей, и кто сделал всех мужчин бесплодными? О да, мы верим в Саргатана, и клянусь Губительными Силами: если я его встречу, то зарежу на месте.

Баронесса маниакально расхохоталась.

— Награда наших героев, а? Зачем вы полезли на Ландмарку? Что и кому доказали?

— Вы тоже проиграли, — желчно напомнил пиромант.

— Неважно, — отмахнулась высокородная. — Да, поход Мартина потерпел поражение. Я оплачу это когда-нибудь потом, быть может, сотку памятный гобелен. Мы потеряли много хороших людей, а вы, еретики, лишились всего. Спрячь свой змеиный язык, колдун, ибо тебе не омрачить мою радость даже самыми гнусными речами!

Транспорт остановился около распахнутых ворот. Теперь эта постройка звалась дворцом, но в прежние времена едва сошла бы за особняк. Розовый мрамор покрылся трещинами, фрактальная мозаика осыпалась, а в крепостном рву давно не бывало ничего кроме пыли. Такой «замок» не смог бы устоять перед налётом разбойников, не говоря об осаде профессиональными солдатами.

Они шли через анфиладу комнат, уставленных с безвкусной роскошью. Сквозь тонкую позолоту чаш, кубков и наградных сабель проглядывалась вульгарная лагунь. Охранники замерли перед входом в ханские покои. Через переводчика Сэри обратилась к начальнику стражи.

— Нам сдать оружие?

— Ха! — гаркнул янычар. — Мы не боимся покушения. Хуже вы не сделаете.

В просторной зале журчал фонтан. Рабы носили бочонки с водой. На пальмах в кадках желтели бананы. Диван под шёлковыми портьерами занимал монарх, явно любивший как следует поесть. Он возлежал с видом падишаха, окружённый полураздетыми наложницами. Впрочем, звон ожерелий, едва прикрывающих соблазнительные округлости, оставлял его равнодушным. Хан сосредоточенно загребал рахат-лукум, отправляя сладости в жадный рот.

Шпиц-Эстерлен растянулась в ухмылке, вспомнив о проклятии бесплодия. Насмешку прервал кашель. Абу затягивался кальяном. Чашку забили такой дрянью, что вонючие палочки-лхо казались лепестками роз.

Узурпатор оглядел пришельцев.

— Шли бы вы отсюда, дорогие гости. Тёмные Боги оставили это место.

Сломленные. Деморализованные. Обнищавшие. Баронесса ликовала, видя исконных врагов в таком жалком состоянии. Султанат развалился, и если она хоть немного приблизила этот миг, то не зря появилась на свет.

Сэриетта не вникала в беседу. По ругани Альхазреда она понимала, что всё очень плохо. Намного больше рыцаря занимала карта. Очертания западных государств остались прежними, но кое-где появились новые страны. Кронштайнская Ландмарка уменьшилась. Арконское княжество, заштрихованное коричневым, разрослось до монструозных размеров и почему-то называлось «Геллеррейхом». На Юге процветала Конфедерация. С ней граничило нечто, занимающее полмира.

«Земноморская Республика. Мне следовало догадаться раньше»

Видимо, тамошние политики не теряли времени зря. Вот уж кто, так они выжали максимум из передела сфер влияния.

Из-за спины донеслось вежливое покашливание.

— Мисс рыцарь, — начал Флеминг.

— Говори.

— Как видишь, мир сошёл с ума, и нам придётся бежать с ним вровень. Альхазреду пожаловали титул визирия. Он останется при дворе. Нам велено до заката уплыть на первом же галеоне.

— Попробовали бы они задержать нас! — топнула рыцарь. — Я бы тут всё разнесла. Погоди, о каком галеоне ты сказал? С этими доходами кто-то ещё торгует?

— Вольный капитан Ник Рысевский, — объяснил агент. — Купец родом из Новоградского владения. Он согласен довезти нас до Порто-Маре, столицы Республики.

— Уже неплохо, это богатая страна. Я не собиралась тут оставаться, а по Маджиру скучать не буду. Слушай меня, — пилот обратилась к нему, желая поделиться очередной гениальной идеей.

— Да?

— Сойдём на цивилизованный берег и сбежим в Шварцштайн. Меня там ждут. К тому же, я была права, когда хотела тебя зарезать. Мне казалось, что мы в Чухут-Кале. Но тебе следовало быть нежнее! Нельзя вот так ломать дамам руки, даже если в них стилет.

— Я исправлюсь, — делано раскаялся хирург.

Маан-Сарай таял в дымке. Паруса влекли корабль навстречу судьбе. Шпиц-Эстерлен стояла на корме, наслаждаясь прохладным ветерком. По левому борту вынырнул кит. Хвост ударил по воде, и палуба ушла из-под ног. Девушка стукнулась об ограждение.

Боль. Горячо, очень горячо. Слоновий череп перед визором. Аппаратура визжит от перегрузки. Силовой кулак бьёт в кирасу. Рёбра трещат. Горло жжёт дым. Перегрузить реактор. Убить предателя. Сохранить честь.

Отчаяние достигло пика. Глубины манили её, обещая спасти от позора. Акулы явились в пене кильватера, словно почувствовав тёмные мысли. Рыцарь перегнулась. Один толчок ногой — и ей не придётся мучиться от сожалений.

Баронесса отдалась гравитации, но чьи-то руки втащили её обратно за воротник.

— Прости, — серьёзно заявил Флеминг. — Если ты отвечала на зов Креста, я больше не стану тебе мешать.

Высокородная забила от рыданий.

— Что было в Вадистане? Почему я помню какие-то обрывки?

— Ты выжила в аду, чтобы стать обедом для тупых рыбин? — недоумённо спросил хирург. — Знай, что спасла всех нас. Этого пока достаточно.

Суицидальный порыв миновал. Вместе они прошли в каюту, и Сэри надолго замерла перед зеркалом.

— Это не моё лицо, — выдавила она. — И волосы не мои. Уши острые, а не как у папеньки.

Девушка расстегнула бушлат.

— Родинка над ключицей, где она? Почему кожа такая белая?

Лоренц очень хотел смотреть ей в глаза, но против воли опустил взгляд ниже.

— Помнишь, что ты сказала мне в крипте?

Дворянка расстегнула пуговицу.

— Что расстроюсь, если тебя убьют. Ты сдержал обещание, за это получишь награду. У меня больше нет подданных или денег, только я сама, — признала она, скромно опустив веки. — Конечно, если ты хочешь...

Время остановилось в той магии, которую могут создать лишь двое. Слова больше не имели значения. Матросня собиралась у двери, привлечённая недвусмысленными вздохами. Лумумба разогнал моряков и стал перед входом, словно эбонитовый страж. Белый начальник отнёсся к нему по-человечески. Негр оплатит ему за великодушие, столь редкое в прогнившей Конфедерации. Никто не потревожит Флеминга и его подружку. Эти двое заслужили немного счастья даже в мире бесконечной войны.